Выпуск 3/2016

ОМСК 1716 300 2016

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ АЛЬМАНАХ О КНИГАХ И КНИЖНИКАХ

EX LIBRIS

ИСТОРИЯ ПРОСПЕКТ КУЛЬТУРЫ

ПЕРСОНАЛИИ КНИЖНАЯ ПОЛКА

ЛЕГЕНДЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЖАНРА

ПРОЕКТ PLUS БИБЛИОПРОФЕССИОНАЛЫ

В (ЭПИ)ЦЕНТРЕ КРАЕВЕДЕНИЯ

ЭКСКЛЮЗИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ В КАЖДОМ НОМЕРЕ

2016 – год 300-летия Омска

УДК 02:002.2
ББК 78.3
Е97

Издатель:
Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина

Редакционный совет:
А. В. Ремизов,
директор ОГОНБ имени А. С. Пушкина, заслуженный деятель культуры Омской области, кандидат исторических наук - председатель редакционного совета;

Т. В. Бернгардт,
заведующая кафедрой библиотечно-информационной деятельности факультета филологии и медиакоммуникаций ОмГУ имени Ф. М. Достоевского, кандидат исторических наук;

Н. Г. Денищенко,
главный специалист отдела культурно-досуговой деятельности Министерства культуры Омской области;

Л. Г. Пономарёва,
заведующая отделом «Центр книжных памятников» ОГОНБ имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук;

А. П. Сорокин,
заместитель директора ОГОНБ имени А. С. Пушкина

Главный редактор:
И. Б. Гладкова,
заведующая редакционно-издательским отделом, кандидат филологических наук

Дизайн и вёрстка:
О. Ю. Павлова

Наш адрес:
644099, г. Омск, ул. Красный Путь, 11.
E-mail: omsk.lib@yandex.ru
Сайт: www.omsklib.ru

Мы в социальных сетях:
Вконтакте:
http://vk.com/omsklibrary
Facebook:
https://www.facebook.com/mainlibraryOmsk
Twitter:
https://twitter.com/omsklibrary1.

Подписано в печать 26.07.2016.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 200 экз.
Отпечатано в типографии «Золотой тираж»
(ООО «Омскбланкиздат»)
644007, г. Омск, Орджоникидзе, 34.
www.omskblankizdat.ru

ISBN 978-5-8042-0494-6

СОДЕРЖАНИЕ

Выпуск 3/2016

От редакции 4

Игорь Антропенко: «Отношение к книге всегда глубоко личное»
Интервью с И. А. Антропенко 6

ВЧЕРА/СЕГОДНЯ

Царёва Р. Незабываемые встречи 9

Бурмистрова Т. Как мы перевозили библиотеку 13

БИБЛИОПРОФЕССИОНАЛЫ

Леонович О. Первый библиограф-специалист.
К 110-летию со дня рождения А. В. Нецветаевой 19

Каткова Е. Работа была счастливой ношей.
К 80-летию со дня рождения М. С. Фадеевой 23

Гоношилов В. Служить людям и книгам 30

В (ЭПИ)ЦЕНТРЕ КРАЕВЕДЕНИЯ

Загадки Саргатской цивилизации 35

Мамиков В. Михаил Васильевич Певцов – удивительный человек и патриот своей страны 39

Штырбул А. «Омские страницы» в творчестве Жюля Верна 45

Панасенков В. Последний путь императора Николая II 51

Наумов С. Библиотека кооперативного объединения «Центросибирь» в Омске 63

Лосунов А. День рождения Омска: взгляд сквозь века 69

Сорокин А. Омская крепость на картах и планах города Омска XIX – первой половины XX веков 76

Ремизов А. Коллекция книжных знаков омского краеведа А. Ф. Палашенкова 84

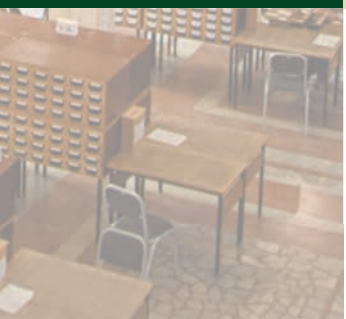
Елизарова Н. Скромные герои Великой страны. *Эссе* 88

Новиков С., Гладкова И. О подвигах связисток в годы Великой Отечественной войны 97

Эйзен Т. Семейная реликвия как частица истории нашей страны 106

Березина Л. Памяти Олега Охрименко 112

ПРОСПЕКТ КУЛЬТУРЫ

Физиков В. Омские библиофилы и их собрания: избранное 115

Хомяков В. Поэма Павла Васильева «Песня о гибели казачьего войска» в контексте фольклорных традиций 129

Каткова Е. Леонид Николаевич Мартынов и Омская «Пушкинка» 133

СОДЕРЖАНИЕ

Мачульская Е. Трубадур Белой столицы 139

Владислав Успенский: «Быть добрее друг к другу».
Фрагменты радиоинтервью с композитором 143

Тайманова И. Воспоминания композиторе
Владиславе Успенском 146

Далматова А. Театра страстное дыхание 154

Елизарова Н. Диалог со временем.
Книжное наследие М. К. Юрасовой 159

Поварцов С. Привет Омску 163

Мирошникова О. Ожившие слова.
Из детских альбомов семьи Кортусовых 165

Мамиков В. На площади Омска играли Рахманинова...
Из воспоминаний 174

Якубович Н. Косуля в городе 175

КНИЖНАЯ ПОЛКА

Гладкова И. «О малой родине и сыновнем долге»
По страницам очерковых книг омского краеведа И. Ф. Петрова 176

Тихонов А. «Творческое наследие поэта
Михаила Белозёрова 184

Петрова Е. Школа публициста. Творческий опыт писателя
и журналиста Петра Ребрина 190

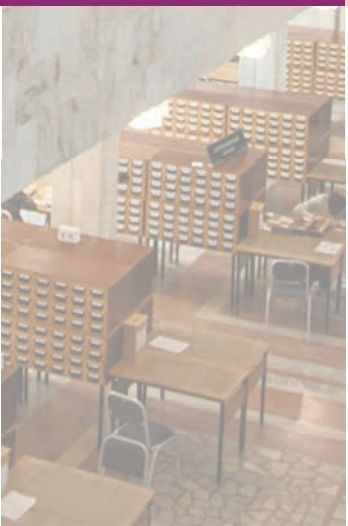
«Найти свой дом...» 195

РЕДКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Пономарёва Л. Книги эпохи Петра I: уникальное собрание
редких книг Омской областной библиотеки 205

ПРОЕКТ PLUS

Узнать больше о родном крае 212

О «Библионочи» рассказали народные репортёры 216

Проект «Созвучие нот и слов» 219

От редакции

Вы держите в руках третий номер альманаха «EX LIBRIS», посвящённый 300-летию Омска. Юбилей города – это особый праздник для всех людей, которые живут или жили в нём когда-то, это хороший повод вспомнить о тех, кто прославил Омск, возможность активизировать интерес к изучению его истории и культуры, тем самым устанавливая связь времён и поколений.

Готовиться к юбилейному торжеству принято заранее. Канун празднования 300-летнего юбилея нашего города – повод пристальнее вглядеться в его прошлое и настоящее, прикоснуться к родовой памяти. Омск в ряду других сибирских городов прошёл свой исторический путь. Каждое столетие оставило в его облике особый след. Нам есть чем гордиться, кого славить, помнить и чтить.

В предыдущих выпусках альманаха мы представили вашему вниманию материалы, раскрывающие малоизвестные страницы из жизни омичей, знакомили с именами учёных, писателей, поэтов, краеведов, композиторов, журналистов, деятелей культуры, чьи деяния запечатлелись в исторической памяти нашего города.

В этом номере в рубриках «В эпицентре краеведения», «Проспект культуры», «Книжная полка», «Проект PLUS» мы продолжаем представлять панораму имён, событий, фактов, личных воспоминаний, раскрывающую историю Омска «минувших лет, минувших дней».

Празднованию юбилейных торжеств Омска в разные годы его истории посвящена публикация краеведа А. Лосунова «День рождения Омска: взгляд через века» (по страницам омских газет). Вызовет несомненный читательский интерес статья А. Штырбула «Омские страницы» в творчестве французского писателя, классика приключенческой литературы Жюля Верна. Уникальные исторические факты представлены в материале краеведа В. Панасенкова о последнем пути императора Николая II из Тобольска в Екатеринбург.

В ряду выдающихся имён, прославивших наш город, о которых опубликованы статьи альманаха, следует назвать краеведа А. Ф. Палашенкова, библиографа Пушкинской библиотеки А. В. Нецветаеву, писателя-краеведа И. Ф. Петрова, омских библиофилов Н. Ф. Чернокова, А. Н. Егорова, тележурналиста Л. Г. Шорохову, Народного артиста РСФСР, композитора В. А. Успенского, Народного артиста РСФСР, актёра театра и кино В. Я. Дворжецкого и многих других.

Творческое наследие поэтов Павла Васильева, Леонида Мартынова, Георгия Маслова, чья жизнь и литературная судьба были связаны с Омском, представят литературовед Валерий Хомяков, библиограф Елена Каткова, журналист Елена Мачульская. С наследием тарского поэта Михаила Белозёрова познакомит наш коллега, заведующий краеведческим центром Тарской районной библиотеки Александр Тихонов. Впервые мы публикуем стихотворение Сергея Поварцова «Привет Омску». Тем самым редакция альманаха отдаёт дань памяти этому замечательному литературоведу и литературному критику.

Продолжается публикация материалов, посвящённых Дню Победы. О малоизвестных исторических фактах и уникальных находках в истории Великой Отечественной войны рассказывают статьи Татьяны Эйзен, Сергея Новикова, Натальи Елизаровой. Кроме того, в рубрике «Проект PLUS» мы знакомим наших читателей с уникальными экспозициями «Музея книги», посвящёнными историческому прошлому Омска.

Юбилейные торжества продолжаются. Впереди ещё много интересных событий, новых книг. Желаем читателям увлекательного прочтения и поздравляем с замечательным праздником – 300-летием родного Омска!

ОМСК
1716 300 2016

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОСТЬ

ИГОРЬ АНТРОПЕНКО:

«ОТНОШЕНИЕ К КНИГЕ ВСЕГДА ГЛУБОКО ЛИЧНОЕ»

Одним из тех, кто поддержал нашу акцию «Библионочь-2016» стал депутат Омского городского Совета, директор по стратегическому развитию ООО «Основа Холдинг» Игорь Антропенко.

Игорь Александрович не только оказал материальную поддержку. Он стал активным участником мероприятия и даже вошёл в число победителей конкурса «Народный репортёр библионочи», проводившегося среди тех, кто пропагандировал акцию.

Чем вызван такой очень личный интерес к нашему мероприятию? Это первый вопрос, адресованный Игорю Антропенко.

– Мне кажется, у каждого человека, который хоть сколько-нибудь считает себя цивилизованным, отношение к книге всегда глубоко личное. Книги – это же часть нашей жизни. Помните, как у Высоцкого: «Значит, нужные книги ты в детстве читал...»

Вот и я, как человек, «уходящий корнями» в XX век, в какой-то степени ассоциирую каждый этап своей биографии с книгами, которые в тот момент прочёл. Это сказки в детстве, потом приключенческая литература (Жюль Верн, Майн Рид) параллельно с такими советскими книгами, как «Кортик» и «Бронзовая птица» Анатолия Рыбакова...

Позже были «Два капитана» Вениамина Каверина, Стругацкие... «Ботаником» (как бы сказали сейчас) меня никто не считал, но к большому списку литературы, который нам в школе ежегодно задавали на лето, я относился вполне положительно. Многое из прочитанного тогда помню до сих пор, особенно классику и военную литературу... Кстати, одна из моих любимых фотографий – это снимок, где я примерно в восьмилетнем возрасте сижу на пеньке с книжкой (семья на природу выехала, а я, как всегда, чтиво с собой прихватил...).

Школьные и студенческие годы тесно связаны с библиотекой: и той, что находилась в школе № 66, где я учился, и с городской детской библиотекой, и с университетской... Дома книг было много, выписывалось немало периодики («Роман-газета», «Новый мир» и т. д.), но всё чаще требовались научные и научно-популярные издания. Наше-то поколение школьные доклады и вузовские рефераты из «инета» не скачивало. Мы «перелопачивали» горы литературы, которые найти можно было только в библиотеках. До сих пор помню даже запах книгохранилищ и особую тишину читального зала...

Поэтому я просто не мог отказать себе в удовольствии побывать на библионочи. Это такая ностальгия! В очередной раз посетовал, что времени на художественную литературу очень мало. Стараюсь быть в курсе новинок, не пропускать интересную историческую, краеведческую литературу, но не более. А вот тексты, связанные с экономикой, энергетикой, нормативными актами, на моём и реальном, и электронном рабочем столе постоянно... Без них я просто не смогу работать...

– Игорь Александрович, как Вы относитесь к мнению, что бумажная книга скоро останется только в музеях - все поголовно будут пользоваться электронными носителями?

– Наверное, эффектнее было бы ответить: «Нет, никогда электроника не заменит книгу, напечатанную на бумаге!». Но давайте будем реалистами. Новое время, новые поколения требуют иных форматов. Здесь я полностью солидарен с мнением, которое не раз высказывал наш премьер и лидер «Единой России» Дмитрий Медведев: «Пусть это будут не бумажные, а электронные книги – лишь бы молодёжь читала».

Хотя, как человек, имеющий уже достаточно долгий родительский опыт, и как «профессиональный очкарик», я бы до определенного возраста к электронному чтению детей не подпускал. Всё-таки бумажные книги для малышей – яркие, нарядные и при этом оставляющие простор для «домысливания» – больше прививают любовь к книге, чем электронные варианты. Да и для глаз бумага не опасна... Вообще совместное чтение с ребёнком – это особый ритуал, который важен и для нас, и для наших детей. Вот сейчас (может, не к месту) вспомнил старую шутку «Надо читать детям книги, а не нотации»...

Понятно, что развитие информационных технологией просто не могло обойти стороной книжное и библиотечное дело. Это, конечно, ставит перед библиотеками сложные, хоть и очень интересные задачи.

Абсолютно уверен, что таким выдающимся библиотекам, как наша «Пушкинка», подобные задачи по плечу. Здесь который год умело сочетают традиции книгохранилища, пришедшие из глубины веков, с самыми современными составляющими библиотечной сферы.

Исключительно старые библиотечные технологии символически остались в прежнем здании, где я, как депутат горсовета, теперь имею честь работать. А новое прекрасное здание библиотеки (для нашего поколения оно по-прежнему новое) – это и по форме, и по содержанию очередной шаг в книжное будущее. Такой

Всемирный День библиотек. Благодарственное письмо ветерану библиотечного дела Ю. И. Захаровой вручает депутат И. А. Антропенко

ПОЗДРАВЛЕНИЕ!

Всех читателей «Ex libris», всех работников библиотек Омской области поздравляю с грандиозным юбилеем любимого города, давшего название нашему региону!

Нам с вами 300 лет, но мы молоды, энергичны, конструктивны и талантливы!

Мы любим наш город и нашу область, а, значит, сделаем всё для того, чтобы жизнь омичей стала лучше, комфортнее, ярче!

Всем здоровья, успехов, благополучия! Новых интересных встреч и новых замечательных книг...

С уважением,
Игорь Антропенко.

вот знаковый «водораздел» получился.... И, повторю, работники «Пушкинки» – это удивительные люди, которые обладают уникальным умением: уважая исторические традиции, поступательно двигаться вперёд. Думаю, многим большим политикам стоило бы поучиться такому навыку у наших библиотекарей...

– Вы стали инициатором выездных экспозиций «Пушкинки» в районы области...

– Инициатива, поддержка – это от меня, но детали организовывают профессионалы. Специалисты Пушкинской библиотеки лучше знают, с чем надо выезжать в районы.

Откуда идея появилась? Дело в том, что в рамках сотрудничества между депутатами горсовета и нашими районными коллегами я часто встречаюсь с жителями сельских районов. Особенно хорошие отношения сложились с саргатчанами, марьяновцами, любинцами и колосовцами.

Очень много встреч было с районной интеллигенцией – представителями образования, культуры и, конечно, с работниками сельских библиотек. Я узнал об удивительных людях, которые стали легендами для читателей своего района. Это Лариса Петровна Штырфунова (Марьяновский район), Зоя Ивановна Плашкевич (Колосовский район), Татьяна Григорьевна Пасечник (Любинский район), Раиса Митрофановна Фильчикова (Саргатский район) и другие хранители мудрости. С некоторыми из них даже познакомился.

Например, во Всемирный День библиотек я приехал в Любино. В праздник надо поздравлять, дарить подарки, что мы, гости, с удовольствием и делали. Но в кулуарах, конечно, не уйти от разговоров и об аварийном здании, и о недостаточном книжном фонде, и о нехватке средств на современную оргтехнику. Да и не надо уходить от этих проблем. Важна помощь в системном решении данных вопросов.

Оптимизация необходима. Но лично я не считаю, что оптимизация – это синоним повального сокращения средств. Так можно и сельские школы без библиотек оставить. Думаю, оптимизация должна состоять как раз в поэтапном и, безусловно, частичном переходе на электронные формы. Не мне говорить библиотечным работникам, что содержание бумажных книг – дело очень затратное... Интернет гораздо дешевле, мобильнее и даёт несравнимый ни с чем простор для выбора.

В общем, состояние сельских библиотек – это вопрос серьёзный, и я в силу своих возможностей буду принимать участие в его решении. Ну а пока вместе с «пушкинцами» занимаюсь проектом летних выездных экспозиций. Это ведь тоже форма поддержки библиотечного дела на селе!

Ещё раз скажу, контакты с работниками библиотек доставляют мне огромное удовольствие. И в «Пушкинке», и в других библиотеках работают потрясающие люди, настоящие подвижники. Глядя на них, я каждый раз убеждаюсь, что мы никогда не перестанем мыслить, потому что (благодаря нашим библиотекарям) никогда не перестанем читать. Да простит мне Дени Дидро столь вольное отношение к его знаменитому афоризму...

НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ

Раиса Царёва

Зачем я это пишу?.. Уходят в прошлое события, страсти и радости, связанные с началом и завершением строительства нового здания библиотеки имени А. С. Пушкина. Это стало главной частью моей жизни и судьбы. Воспоминания живут в памяти и не уходят. Хочу, чтобы некоторые фрагменты тех самых событий ожили на страницах альманаха...

После долгих мучительных лет ожиданий, сбылась мечта омичей, читателей и почитателей «Пушкинки». Празднично и торжественно распахнула двери обновлённая библиотека, она стала не только новым домом, но и главным культурным, знаковым местом, лицом города. «Звездопад» известных личностей России и не только, именитые учёные, писатели, артисты, спортсмены посещали библиотеку. Их известность и популярность до сих пор приводит к замиранию сердца: В. Распутин, Е. Евтушенко, Е. Образцова, А. Калягин, И. Роднина... Все их имена, их восхищения и признания оставлены в книге «Почётных посетителей библиотеки». Какие это масштабные личности!

После творческих встреч, а они зачастую затягивались допоздна, разговор продолжался в кабинете директора за чашкой чая. Эти беседы – бесценный подарок судьбы. Но, говоря о незабываемых встречах, вернусь немного назад, когда макет нового здания библиотеки стоял в вестибюле Правительства Омской области, тогда Облисполкома.

С особой тщательностью и осторожностью отношусь к воспоминаниям о ярких людях, составляющих историю государства. Пытаюсь вспомнить дату встреч, но пережитые чувства, впечатления сохранились в памяти...

Начало девяностых... Желаемое строительство Омской областной научной библиотеки приостановилось, в стране разруха, денег нет. Ходатайства за подписью известных общественных деятелей и руководителя области остаются без ответа. Выбивание денег – это, пожалуй, самый мучительный процесс для руководителя. А время диктует свои правила, свои установки и действия, иногда очень смелые.

Директор ОГОНБ Р. Н. Царёва и Народная артистка РСФСР З. Г. Кириенко

С помощью депутатов-омичей мне удалось побывать в кабинете председателя Верховного Совета РСФСР Руслана Хасбулатова. Накануне была бессонная ночь. Я понимала, что в Белом Доме каждое сказанное слово должно быть «выстрелом». Сопровождающий провёл меня по бесконечным пустым коридорам, поразившим меня своим безлюдием. Я вошла в огромный тёмный кабинет. Далеко в углу, за столом сидел тот, к кому я с последней надеждой, с отчаянной смелостью пришла.

Для него эта встреча явно была нежелательной и обременительной, его маленькое лицо с яркими пронзительными глазами было суровым и жёстким. После фразы «Что Вы хотите?» я заговорила о том, какой у нас прекрасный город, народ и единственная библиотека, которой нет равной по своим собраниям, читателям, что она задыхается и гибнет, а омичи ждут новое здание с надеждой. Приблизившись к его столу, я передала копию Постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по Омской области», датированного 1939 годом за подписью И. В. Сталина, о принятии решения о финансировании проектных разработок по строительству здания библиотеки.

Руслан Имранович внимательно слушал, не прерывая, при этом выражение его лица становилось всё более приветливым. Затем он вышел из-за стола, взял меня под руку, провёл к креслам, предложил чай, фрукты. В дальнейшей беседе задавал вопросы об омской науке, о книгах, о настроениях населения. И это был уже не высокопоставленный политик, а приятный собеседник. Запомнилась его последняя фраза: «В любой государственной политике есть свои приоритеты, даже в самые судьбоносные моменты. И в том, что я увидел такую одержимую женщину-борца, есть своя ценность. Вы не в тот кабинет пришли за деньгами, но я постараюсь помочь».

Позднее в областную казну пришла небольшая сумма, но она строителям не досталась, её отдали пенсионному фонду. Но я об этом не сожалею, в памяти осталась встреча с неординарным политиком с громким именем – Хасбулатов.

Однажды, будучи на одном из совещаний, мне позвонила секретарь и сообщила, что народная артистка СССР Елена Васильевна Образцова желает посетить нашу библиотеку. Так бывало часто, в программе визита библиотека не значится, но, когда высокопоставленных гостей провозят по улице Красный Путь мимо здания Пушкинской библиотеки, поражённый её величием гость просит сделать остановку.

Елена Образцова была моим кумиром с молодости. Её неземной голос, царственная стать, неповторимая манера исполнения покоряли сцены всего мира. Как жаль, что недавно она от нас ушла...

Когда я примчалась, актрисе уже показывали библиотеку, и в нашем «овальном зале», сделав запись в книге «Почётных посетителей», она произнесла: «Так покажите мне этого директора». Видимо, в ходе экскурсии ей рассказали о наших мытарствах, перипетиях, через которые мы прошли, чтобы библиотека получила новое здание.

Войдя в овальный зал, я увидела, что передо мной сидит потрясающей красоты женщина и говорит что-то хвалебное о нашей библиотеке, я была заворожена, как во сне. От неё исходил такой свет величия, что я не посмела предложить ей сфотографироваться на память. Но эти недолгие минуты общения с Еленой Образцовой остались в памяти навсегда.

В рамках кинофестиваля «Золотой витязь», мероприятия которого проходили и в Пушкинской библиотеке, мне довелось побеседовать с известным актёром,

Р. Н. Царёва и Митрополит Омский и Тарский Феодосий в Муромцево

кинорежиссёром, народным артистом России Николаем Бурляевым. Человек глубоко православный, с какой-то застенчивой, провинциальной улыбкой, он так одухотворённо говорил о величии русской души, читал пронзительные стихи, с горечью сетовал о засилии в кино и на телеэкранах всякой «нечести».

В кинофестивале участвовали многие известные артисты, но запомнилось знакомство с народной артисткой РСФСР Зинаидой Кириенко, её удивительно тонкая красота, мягкая речь. Залюбовавшись ею, я неожиданно произнесла: «Вам бы сейчас без грима сыграть роль Наталии Пушкиной, когда она была уже Ланской, и услышала в ответ: «Такие предложения были». Её облик, слова, несли очарование, мягкость, любовь и радость жизни, спокойствие. Такой она остаётся и сейчас, к сожалению, довольно редко появляется на экране.

Здание на главном перекрёстке города – место совершенно особенное, как говорят, – «намоленное». Все годы строительства и последующее десятилетие библиотека жила под покровительством Митрополита Омского и Тарского Феодосия. Само здание, статуи, православные книжные выставки им освящены.

Общаться с этим мудрым, глубокопросвящённым человеком было легко и интересно, он всегда излучал душевное, исцеляющее тепло. Внимательно слушал, в разговорах блистал остроумием. Редко встречаются люди, умеющие так обаятельно «смеяться глазами».

На одно из совещаний руководителей районных библиотек, проходившее в Муромцево, Владыка оказал честь поехать в сопровождении своей паствы. В самом начале он выступил перед собравшимися с проповедью, которую все слушали с замиранием. После совещания гостеприимные хозяева пригласили нас на живописный берег реки Тары полюбоваться красотой сибирской природы. Прямо на поляне были накрыты столы, за которые пригласили всех. Как водится, через час гости расслабились, началось веселье с громким смехом и песнями. Конечно, это было неуместно. Не выразив своего осуждения, тихо, незаметно Владыка удалился на берег. Я подошла, извинилась, объяснила, что его простота и доступность всех размягчила. Он улыбнулся, произнёс: «Пусть отдыхают, они милые и хорошие» и одарил нас крестным знамением. И мы, гуляя по лесу, а затем по дороге назад в город долго говорили о литературе, истории, он рассказывал о своей нелёгкой службе.

Эти фрагменты моей памяти могут быть очень долгими, они меня греют и продолжают жить во мне...

Порой, при упоминании известных всему миру имён, видя на экране этих уважаемых людей, в памяти возникают своеобразные «вспышки», ведь мне довелось стоять рядом с ними, разговаривать. Я имею ввиду визиты президента Б. Ельцина, А. Лукашенко, Ким Чен Ира. Но об этом в следующий раз.

Книгохранилище областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина в бывшем здании по адресу: ул. Думская, 1

КАК МЫ ПЕРЕВОЗИЛИ БИБЛИОТЕКУ

Татьяна Бурмистрова

Библиотеки важнее всего в культуре. Если есть библиотеки, если они не горят, не заливаются водой, имеют помещение, возглавляются не случайными людьми, а профессионалами, культура не погибнет в такой стране.

Д. С. Лихачёв

Об Омской государственной областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина написано и сказано немало. Новое здание библиотеки, расположенное в самом центре, является достопримечательностью города, вызывает неизменное восхищение у омичей и гостей нашего города. Знаменательно, что публикаций о прошлом и настоящем библиотеки год от года становится всё больше. Ведь библиотека готовится в 2017 году отметить свой 110-летний юбилей.

В первом выпуске нашего альманаха в статье «Скульптурный экслибрис» сообщалось о том, как в далёком 1939 году И. В. Сталиным было подписано Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по Омской области», предусматривающее выделение 75 тысяч рублей на проектные работы по строительству здания библиотеки. Но помешала война... В 1960-х, начале 1970-х годов вновь заговорили (уже на местном уровне) о необходимости строительства, а 24 марта 1981 года был утверждён проект, разработанный возглавлявшими авторский коллектив архитекторами Галиной Ивановной Нари-

Новое здание Пушкинской библиотеки по ул. Красный Путь, 11

циной, а затем (после её ухода из жизни) Юрием Алексеевичем Захаровым. Этот проект в 1985 г. экспонировался на ВДНХ и получил Диплом II степени. Автором скульптурных композиций являлся Василий Андреевич Трохимчук.

В те годы мы, сотрудники Омской «Пушкинки», с особым вниманием просматривали каждую публикацию в газетах о перспективах строительства. Трудно было поверить, что в сложные для страны годы «перестройки», такой масштабный проект будет реализован. Директор библиотеки Раиса Николаевна Царёва самым непосредственным образом занималась вопросами привлечения финансовых средств, вела переговоры с руководством области, ездила в Москву.

Как сообщали омские СМИ, первоначально планировалось завершить строительство сначала в 1984, затем – в 1989 г. Однако время внесло свои коррективы в планы омичей: стремительно менялась политическая ситуация, росли цены на материалы и работы, происходила смена приоритетов в финансировании проектов. Только к середине 1990-х местным властям под руководством главы администрации Омской области, позже – губернатора области Л. К. Полежаева удалось принять важное политическое решение, поддержанное финансово на уровне Федерации: «Научная библиотека имени А. С. Пушкина в Омске будет построена». Л. К. Полежаев предрёк библиотеке большое будущее: «Это здание станет символом истории, духовного богатства нашей нации, её просвещения. Здесь будет закладываться новый фундамент нравственного богатства, которым всегда была сильна Россия».

В апреле 1986 году началось строительство нового здания библиотеки. Работы по его возведению возглавил генеральный директор строительно-монтажного треста № 1 Главомскпромстроя Бронислав Ильич Кононов.

Темпы строительных работ были настолько высоки, что уже весной 1995 г. строительство и основные работы по отделке здания были завершены. Началась подготовка к перевозу книг и оборудования в новое здание.

Хорошо помню это волнительное время. Важно было всё тщательно организовать. Директор библиотеки Раиса Ни-

колаевна Царёва курировала процесс вывоза книг из старого здания. Я, являясь её заместителем, занималась работой по организации приёма и размещения фонда на двенадцати этажах нового хранилища, расположенного на улице Красный Путь.

Переезд – непростой период в жизни любого человека, а для Омской Пушкинской это – своего рода испытание, требующее и определённого настроя, и тщательной подготовки. В то время нас охватывали противоречивые чувства: с одной стороны, было жаль расставаться со старым зданием «Пушкинки», ставшим родным для каждого из нас, с привычным укладом, с другой, – мы понимали, что это расставание было совершенно необходимо. Любимая омичами «Пушкинка» уже с трудом вмещала фонды и всех желающих работать с ними. В 1992 году библиотеку и вовсе закрыли для читателей по причине аварийного состояния. В это время сотрудники, готовясь к переезду, начали сверку фонда. В мае 1995 г. предварительная работа по перевозу книг и документов в новое здание уже шла полным ходом.

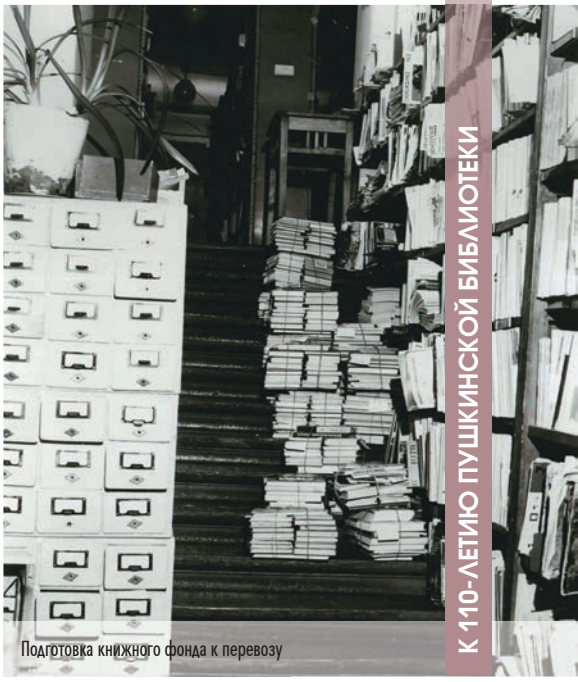
Я осознавала всю меру возложенной на меня ответственности. В моём рабочем блокноте наряду с ежедневными записями проводимых мероприятий были сосредоточены все номера телефонов организаций, с которыми велись переговоры по оказанию помощи в переезде, и список постоянно пополнялся.

В эти дни мы переживали поистине исторический период. Практически в каждой омской газете печатались статьи или заметки по данному поводу. В одной из публикаций процитировано высказывание заместителя директора библиотеки Л. В. Лапиной: «Переезд в новое здание – это не просто смена тесной, в аварийном состоянии квартиры в просторный особняк. Это иное состояние библиотеки...». С этим нельзя не согласиться.

Перевоз книжного фонда оказался самым тяжёлым испытанием. Одной из главных задач являлось обеспечение его сохранности при транспортировке. Сотрудники библиотеки предварительно расставляли фонд по отдельным видам коллекций, складывали стопками, на каждой делали записи о принадлежности той или иной коллекции. С особо ценными изданиями обращались наиболее бережно.

Прежде чем перевести три миллиона книг из старого помещения в новое, каждую книгу необходимо было обеспыливать, издания складывались в стопки и только потом укладывать в мешки, которые нумеровались. Трудность заключалась в том, что часть фонда была отдана на временное хранение в библиотеку им. Феоктиста Березовского. Фонд иностранной литературы размещался в здании на Ленинградской площади, а обменно-резервный фонд – в здании на ул. Чапаева. Особенно бережно относились к изданиям, которые пострадали по причине затопления помещений книгохранилища во время ливня, обрушившегося на Омск летом 1993 года, а также к фонду дореволюционных газет и журналов. Мы упаковывали подшивки газет в мешки таким образом, чтобы их не деформировать.

Проблема, с которой мы столкнулись при переезде, – нехватка рабочих рук и машин. Приходилось обращаться

Подготовка книжного фонда к перевозу

ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ!
ВНИМАНИЕ!

17 ИЮЛЯ В 10 ЧАС. УТРА

ОМСКАЯ ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА им. А.С. ПУШКИНА И ЕЕ ЧИТАТЕЛИ ПРОВОДЯТ

ЭКСПРЕСС-МИТИНГ

ОМСКУ-НОВОЕ ЗДАНИЕ „ПУШКИНКИ"

Цель митинга – привлечь внимание советских, хозяйственных, партийных и общественных организаций к катастрофическому положению на стройке нового здания областной библиотеки.
Место митинга – сквер у входа на строительную площадку нового здания библиотеки (ул. Красный Путь – ул. Косарева, 19)

Товарищи читатели!
От Вас зависит будущее библиотеки, будущее нашего города!
Ждем Вас и надеемся на Вас!

Оргкомитет по проведению митинга

во многие инстанции, шли бесконечные телефонные переговоры, нам необходима была любая помощь. Многие омичи помогали нам совершенно бескорыстно. И всё же особые слова благодарности за организацию переезда хочется выразить сотрудникам Управления пожарной охраны во главе с начальником управления Григорием Филимоновичем Луконенко за предоставление транспорта и сотрудников, Управлению капитального строительства Областного совета профсоюзов, ГАИ и милиции Куйбышевского и Центрального районов, лично старшему лейтенанту Владимиру Васильевичу Алышеву (организовал беспрепятственное движение и сопровождение гружёных книгами машин по центру города до здания новой библиотеки), курсантам Омского общевойскового командного училища, сотрудникам комендатуры, работникам АО «Профстрой» во главе с В. И. Оржеликом, Омской таможни, а также объединению «Омскнефтепродукт». Заместитель по хозяйственной части предприятия Аркадий Романович Ведерников лично участвовал в поиске и доставке металлических уголков для укрепления книжных стеллажей. Неоценимую помощь в переезде оказали сотрудники пожарной части № 1 Куйбышевского района и офицерский состав 242-го учебного центра ВДВ. Особенно отличился батальон связи под командованием подполковника Юрия Анатольевича Заборского.

Заместитель начальника финансового управления по Омской области Геннадий Васильевич Буньков распорядился выделить для перевоза книг более двух миллионов рублей с целью закупки вагона мешков, а также приобретения аптечек. Омский нефтеперерабатывающий завод предоставил многометровый шпагат для связывания стопок книг.

Вспоминается такой случай: утром вместо грузовика к библиотеке подъехала грузовая «Газель». Не скрою, вначале мы очень огорчились, ведь для перевозки такого количества книг этот автомобиль был слишком мал. Услышав наши слова, водитель «Газели» едва не прослезился! Он, получив с вечера ответственное поручение от руководства – перевозить Пушкинскую библиотеку, допоздна мыл машину, готовил к поездке. Ему была оказана такая честь! Даже выделили новые чехлы для сидений, чтобы разместить книги. Выслушав его, мы приняли решение погрузить на этот автомобиль компьютеры. Вёз он их с особой осторожностью...

Подготовкой книг к транспортировке занимались практически все немногочисленные (чуть более 60 человек) сотрудники библиотеки. Одна группа библиотекарей, находясь в хранилище старого здания (что располагалось в подвале), раскладывала книги стопками, связывала их, затем складывала в бумажные мешки. Затем поднимали мешки с книгами наверх, загружали в машины, которые перевозили ценный груз к новому зданию библиотеки. Большую помощь в этой работе оказали курсанты Омского общевойскового командного училища.

Другая группа библиотекарей встречала транспорт, разгружала мешки с книгами и поднимала их на подъёмнике на этажи хранилища. На этажах хранилища шла разгрузка мешков и расстановка книг по стеллажам. Эта работа продол-

жалась и после торжественного открытия нового здания библиотеки.

Таким образом, с апреля по первое августа 1995 года (день открытия библиотеки для читателей) шла интенсивная и самоотверженная работа библиотекарей по подготовке и перевозу всего библиотечного фонда, а это более трёх миллионов книг и документов!..

Много нахлынувших воспоминаний до сих пор волнует сердце. В своей записной книжке я читаю последнюю запись: «Пятое июля 1995 г., среда, 17.30 – от старого здания ушла с книгами последняя машина». Хорошо помню этот день. Мы, поднимаясь на парадное крыльцо, заносим последние книги, и вдруг... начинается дождь. Это был первый дождь за весь период переезда! Невольно подумалось: «Сама природа благоприятствовала нам. Ни одна книга при переезде не пострадала!».

Заселяться в «новый дом» одновременно и приятно, и волнительно. Когда мы впервые прошли по библиотечным коридорам, поднялись на второй и третий этажи и увидели просторные читальные залы, то были поражены масштабами этого архитектурного сооружения. Хотя работы по отделке здания ещё продолжались, велась установка люстр, светильников, настил коврового покрытия и др. Директор строительной фирмы «Стройподряд» Сергей Никонович Оркиш оказал неоценимую помощь в завершении строительных работ, а затем взял шефство над нами, помогая совершать работы по благоустройству отдельных помещений. Финансовую поддержку библиотеке многие годы оказывали: ООО «Научно-производственное объединение «Мир» в лице генерального директора Александра Николаевича Беляева, ОАО «Омский нефтеперерабатывающий завод» в лице директора Ивана Дмитриевича Лицкевича и его заместителя, ныне начальника департамента нефтепродуктов «Сибнефти» Исаака Борисовича Бронфина, ОАО «Омскпромстройбанк» (ныне филиал «Омский» ОАО «ОТП Банк») в лице председателя правления банка, ныне советника директора филиала Валерия Николаевича Степанова, ОАО «Инкомбанк» в лице вице-президента банка Симана Викторовича Поварёнкина. Благодаря этой поддержке,

Сотрудники Пушкинской библиотеки на крыльце в последние дни работы в старом здании. В центре директор Р. Н Царёва

Торжественная сдача строителями нового здания библиотеки 28 апреля 1995 г.

мы приобрели современную копировальную и компьютерную технику.

Понадобилось значительное время для размещения необходимого оборудования и полной расстановки фонда в хранилище и в отделах. Усталость и волнение охватывали всех без исключения. На наших глазах начиналась новая эпоха в жизни Омской «Пушкинки», и каждый ощущал свою причастность к этому славному событию. По словам самих библиотекарей, в дни переезда в новое здание они ближе познакомились друг с другом, подружились. Это и понятно, ведь переезд для каждого из нас был целым событием, значение которого трудно переоценить!

Торжественная сдача строителями нового здания Омской областной научной библиотеки состоялась 28 апреля 1995 года в 11 часов утра. Парадный вход в библиотеку был украшен разноцветными воздушными шарами, приобретёнными на деньги ПО «Полёт». На мой вопрос, нужно ли нам расплачиваться за такой подарок, услышала ответ: «Нам было бы стыдно взять у вас хоть копейку. Ведь мы все вышли из Пушкинской библиотеки!». Эти слова были и остаются особенно дороги нам.

Множество гостей и читателей пришли поздравить родную библиотеку с этим долгожданным событием. Сколько прекрасных подарков было вручено в этот день! До сих пор интерьеры читальных залов украшают прекрасные гобелены, полотна омских художников.

Одним из почётных гостей была Генеральный директор Всероссийской библиотеки иностранной литературы, член исполнительного бюро Международной федерации библиотечных ассоциаций Екатерина Гениева. Журналисту одной из омских газет она призналась: «Когда меня спросили в Нью-Йорке: «Куда так спешишь?», я ответила, что не собираюсь пропускать событие, которое бывает раз в жизни – открытие библиотеки такого уровня в таком регионе!». Через три месяца, первого августа 1995 г. Пушкинская библиотека торжественно распахнула двери нового здания для читателей.

В книге почётных гостей библиотеки сохранилось множество самых тёплых слов в адрес тех, кто осуществил этот грандиозный проект!

В канун 110-летнего юбилея библиотеки хотелось бы ещё раз выразить слова благодарности библиотекарям, участвовавшим в перевозе книг в новое здание.

ПЕРВЫЙ БИБЛИОГРАФ-СПЕЦИАЛИСТ

К 110-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. В. НЕЦВЕТАЕВОЙ

Ольга Леонович

3 сентября 2016 г. исполняется 110 лет со дня рождения Антонины Васильевны Нецветаевой (12.09.1906 – 09.11.2001) – первого специалиста с высшим библиотечным образованием Омской областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина.

Из автобиографии:

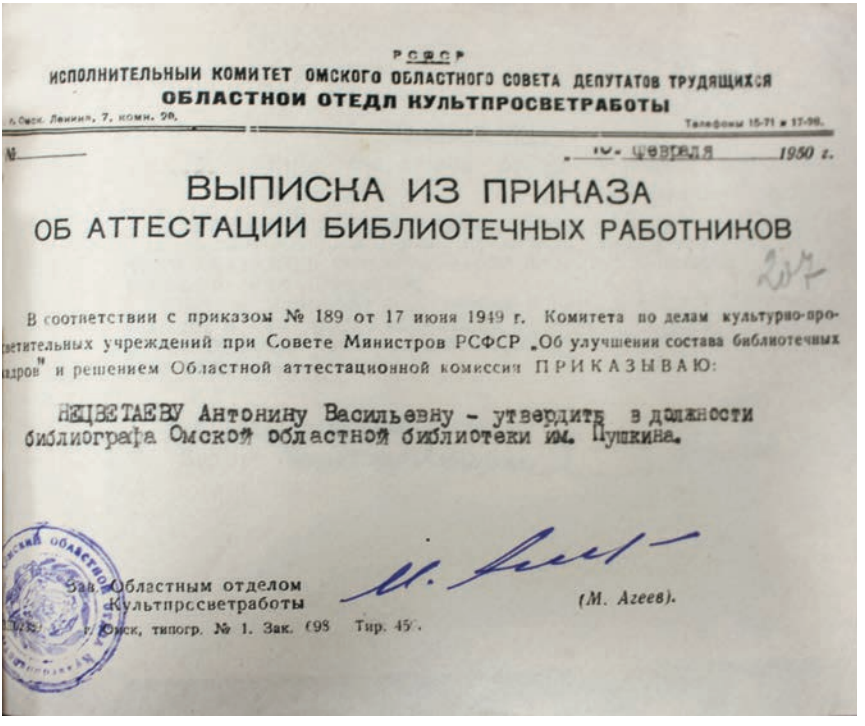
«Родилась в 1906 г. в г. Новосибирске (Новониколаевске). Отец работал машинистом на железной дороге. Умер в 1910 г. Мать работала кассиром до 1917 г. у частных лиц, с 1917 по 1935 г. – в Новосибирской кооперации.

До 1925 г. я училась и окончила 8 групп 12-й советской школы и 10-месячные курсы по подготовке в вуз. Начала работать с 1928 г. в библиотеке Общества изучения Сибири в качестве библиотечного техника. В 1929 г. библиотека Общества изучения Сибири была переименована в краевую научную при Институте народного хозяйства и с 1932 г. отделяется от института в самостоятельную краевую научную библиотеку. В ней я проработала до поступления в Московский библиотечный институт, т. е. до 1934 г. августа месяца.

После окончания Московского библиотечного института была назначена на работу в Омскую областную библиотеку им. А. С. Пушкина.

В данной библиотеке работаю с 1 сентября 1938 г.

15.01.39 г. Нецветаева».

РСФСР
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ОМСКОГО ОБЛАСТНОГО СОВЕТА ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ
ОБЛАСТНОЙ ОТДЕЛ КУЛЬТПРОСВЕТРАБОТЫ
г. Омск, Ленина, 7, комн. 26. Телефоны 15-71 и 17-98.

№ _____ 10- февраля 1950 г.

ВЫПИСКА ИЗ ПРИКАЗА
ОБ АТТЕСТАЦИИ БИБЛИОТЕЧНЫХ РАБОТНИКОВ

В соответствии с приказом № 189 от 17 июня 1949 г. Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при Совете Министров РСФСР „Об улучшении состава библиотечных кадров" и решением Областной аттестационной комиссии ПРИКАЗЫВАЮ:

НЕЦВЕТАЕВУ Антонину Васильевну – утвердить в должности библиографа Омской областной библиотеки им. Пушкина.

Зав. Областным отделом
Культпросветработы (М. Агеев).

г. Омск, типогр. № 1. Зак. 698 Тир. 45[illegible]

С первого дня работы в библиотеке и до ухода на пенсию Антонина Васильевна трудилась в справочно-библиографическом отделе. Этот отдел по праву можно назвать детищем Антонины Васильевны, так как она положила начало его существованию, собирая по отдельным экземплярам энциклопедии, словари, справочники, библиографические указатели, создавая картотеки, помогая читателям в поиске необходимой информации. Подтверждением этого является тот факт, что большая часть картотек отдела ведётся с конца 30-х - начала 40-х гг. XX века. С 1939 г. формируются архив выполненных справок и картотека заглавий художественных произведений, с 1940 г. – картотека рецензий и персоналия.

В 1938 г. А. В. Нецветаева была единственным специалистом в Омской области, имеющим высшее библиотечное образование, и поэтому понятно, какая огромная работа ложилась на неё по оказанию помощи молодым кадрам библиотек. Без её участия не проходил ни один областной семинар, ни одни курсы повышения квалификации.

С июня 1941 г. (уход на фронт директора библиотеки Д. А. Рудина) по октябрь 1941 г. Антонина Васильевна исполняла обязанности директора библиотеки:

«Приказ № 281 по Омскому областному отделу народного образования от 25 июня 1941 г.

В связи с уходом в армию директора областной библиотеки т. Рудина Д. А. временно исполняющей обязанности директора назначить т. Нецветаеву А. В. с правом распоряжения кредитов.

Прием и передачу библиотеки оформить актом».

В этот период были заложены основы работы библиотеки в условиях военного времени: информационное обеспечение запросов предприятий, эвакуированных в Омск, и местных фабрик и

заводов, перестраивающих своё производство на выпуск военной продукции, предоставление книг в помощь обучению специалистов, библиотечное обслуживание в госпиталях.

В 1943 г. при областной библиотеке был создан филиал Государственного фонда литературы. В работе филиала участвовал весь коллектив библиотеки. В течение двух лет среди населения Омска и области было собрано более 75 тыс. книг. Их нужно было принять, разобрать по отделам, старые и непригодные изъять, скомпоновать полноценные библиотеки. По указанию Государственного фонда литературы эти библиотеки отправлялись в сёла и города, освобождённые от немецкой оккупации. Филиал, работавший при Пушкинской библиотеке, отправил 80 библиотек в Ворошиловградскую, Тульскую, Сумскую, Смоленскую и другие области. Две библиотеки были скомплектованы для Мелитопольского и Запорожского педагогических институтов.

А. В. Нецветаева все военные годы совмещала основную деятельность с работой в Госфонде литературы, отдавая ему не только служебные часы, но и свободное время. Через её руки прошло более 70 тыс. книг.

Читателей, обращавшихся в справочно-библиографический отдел в поисках информации, интересовали устройство реактивных двигателей, обработка хлопка, технология изготовления резины, рециркуляционная сушка древесины, способы очистки олеиновой кислоты, радиолокация, атомная энергия и многое другое.

В послевоенные годы библиографы справочно-библиографического отдела под руководством Антонины Васильевны продолжили формирование справочно-библиографического аппарата, положили начало картотеке газетно-журнальных статей, краеведческой картотеке. Показателем потребности в справочно-библиографической работе является количество справок, выдававшихся Пушкинской библиотекой. Если в 1938 их было выдано 157, то в 1957 г. – около 2000 и это при условии, что регистрировались далеко не все, а лишь наиболее сложные.

Менялся и характер справок. В первые годы работы справочно-библиографический отдел больше удовлетворял

Библиограф А. В. Нецветаева за работой

Сотрудники Омской областной библиотеки имени А. С. Пушкина. 1957 г.

личные, индивидуальные запросы читателей. В 1950-е гг. многие справки стали отражением тех вопросов, над которыми работали коллективы предприятий, учреждений области. Омичей интересовала литература по вопросам, связанным с освоением передовых технологий, выпуском новой продукции, усовершенствованием техники и производства: кирпичеделательные машины, опыт поточно-скоростного строительства, зубчатые передачи и редукторы, пеногазобетон, химико-нефтяная промышленность.

Сотрудники отдела во главе с Антониной Васильевной помогали читателям не только областной, но и районных, сельских библиотек, составляя для них рекомендательные списки литературы. Библиографы популяризировали главным образом книги местных издательств и литературу об Омской области. Этот факт подтверждают издания: «Изучай свой край» (Омск, 1956), «Творчество омских писателей за 40 лет», «Памятка о выдающемся учёном – лауреате Ленинской премии К. П. Горшенине» (Омск, 1957).

Антонина Васильевна стала первым составителем текущего краеведческого библиографического указателя «Литература об Омской области», над которым она работала до ухода на пенсию в 1965 г.

В производственной характеристике А. В. Нецветаевой отмечается: *«Нецветаева является хорошим общественником, она неоднократно избиралась членом местного комитета, членом Пленума обкома Союза работников культуры, несколько лет работала председателем месткома. За активную работу в годы войны награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», имеет несколько благодарностей от Областного управления культуры и дирекции библиотеки. В 1957 г. награждена знаком Министерства культуры «За отличную работу».*

РАБОТА БЫЛА СЧАСТЛИВОЙ НОШЕЙ

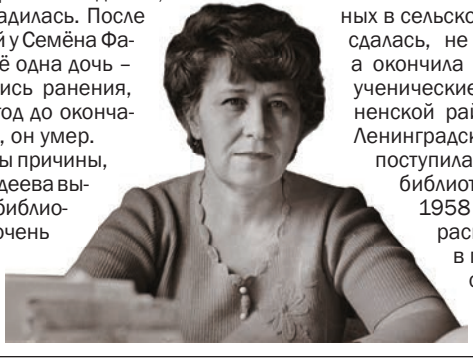
К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М. С. ФАДЕЕВОЙ

Елена Каткова

Мария Семёновна Фадеева родилась 1 января 1937 г. в с. Ключи Алтайского края в семье служащих. По сохранившимся семейным рассказам, увидев её ярко-голубые, как море глаза, работник сельсовета, куда новорождённую принесли для регистрации, предложил назвать девочку Мореной, и родители согласились. Но при получении паспорта экзотическое имя было исправлено.

Детство Маши Фадеевой пришлось на годы Великой Отечественной войны. Однажды старшие братья написали отцу на фронт, что он больше не увидит дочь, так как она тяжело заболела от недоедания. Отцу удалось выправить офицерский аттестат, возвратиться домой, и жизнь семьи наладилась. После возвращения домой у Семёна Фадеева родилась ещё одна дочь – Тамара. Но сказались ранения, и в 1953 году, за год до окончания Марией школы, он умер.

Нам неизвестны причины, по которым М. С. Фадеева выбрала профессию библиотекаря. Но это был очень смелый шаг, потому что 1950-е гг. в РСФСР было только два библиотечных института – в Москве и Ленинграде. Сколько надо было проявить решимости, чтобы из далёкой сибирской глубинки за тысячи километров поехать поступать в институт! Чуда не случилось – Мария не прошла по конкурсу, скорее всего не хватило знаний, полученных в сельской школе. Но она не сдалась, не вернулась домой, а окончила в феврале 1955 г. ученические курсы при Тосненской районной библиотеке Ленинградской области, затем поступила в Ленинградский библиотечный техникум. В 1958 г. окончила его и по распределению уехала в г. Ачинск Красноярского края. Здесь Мария работала заведующей чи-

тальным залом Ачинской городской библиотеки, главным библиотекарем по координации. Профессионализм и общественная активность способствовали выдвижению М. Фадеевой на пост секретаря комсомольской организации работников культуры г. Ачинска. В 1961 г. она вернулась в Ленинград и осуществила свою мечту, поступив в библиотечный институт (с 1964 г. – Ленинградский государственный институт культуры). И здесь она совмещала учёбу с общественной работой – была секретарём комитета ВЛКСМ вуза, ездила в Польшу в составе комсомольского поезда дружбы (1963 г.). Именно в Ленинграде М. Фадеева приобщилась к высокому искусству и культуре, на всю жизнь приобрела привычку посещать музеи, выставки, театры, много читать.

В 1965 г. Мария приехала в Омск на производственную практику, и приказом № 10 директора областной библиотеки Е. Г. Хребтовой студентка 5-го курса ЛГИК была зачислена в штат методистом. О первых годах работы М. С. Фадеева вспоминала с теплотой и признательностью: о постоянных командировках в районы, о подготовке областного слёта лучших сельских библиотекарей и многом другом. Она считала, что «это была настоящая школа обретения профессии на практике». С юмором рассказывала Мария Семёновна, как на глазах у всего зала уронила предназначенный победителю слёта сельских библиотекарей чайный сервиз, который успела подхватить начальник областного управления культуры Н. Н. Бревнова. Вспоминала, как стеснённо работали вместе в одной комнате директор, методисты, сотрудники отдела МБА и штаб строительства, поскольку в этот период возводилась пристройка к зданию библиотеки.

Плакат, демонстрирующий динамику книговыдачи за период с 1918 по 1966 гг.

Работала М. С. Фадеева в научно-методическом отделе успешно, показала высокий профессионализм и поэтому, когда в августе 1968 г. вышла на пенсию заведующая справочно-библиографическим отделом А. В. Нецветаева, на её место назначили Марию Семёновну. В этот период были созданы отраслевые отделы и читальные залы (патентно-технический, сельскохозяйственный, нотно-музыкальный), в их структуре выделены библиографы, но библиографический отдел остался, по выражению М. С. Фадеевой, «гарантом единства справочной службы библиотеки».

Мария Семёновна считала информационно-библиографическую работу главным направлением деятельности библиотеки любого уровня. Ею была внедрена система информационного обслуживания специалистов и научных работников в координации с библиотеками других ведомств. Для этого под общим руководством М. С. Фадеевой издавались и распространялись списки новых поступлений в фонды библиотек: «В помощь советскому и партийному работнику» (с 1970 г.), «В помощь медицинскому работнику», «В помощь педагогу» (оба с 1974 г.). Внедрялись такие формы работы, как Дни специалиста, библиографические обзоры, выставки новых поступлений. С целью объединения всех библиотек в этой работе, в 1978 г. «Пушкинкой» (в основном усилиями справочно-библиографического отдела) были проведены две конференции: «Библиотека в помощь даль-

В. И. Бородина, М. С. Фадеева (в центре). 1980-е гг.

нейшему совершенствованию науки и промышленного производства» и «Пути повышения уровня пропаганды библиотечно-библиографических знаний среди различных категорий читателей Омской области». Качество информационного обслуживания в Омске, во многом определённое Марией Семёновной, было высоко оценено на всесоюзном уровне. Например, было признано, что опыт издания списков литературы по актуальным вопросам партийного и советского строительства важен, и что «необходим целенаправленный общесоюзный подход к оформлению системы таких изданий» (Советская библиография, 1984, № 4).

Ещё одним важным направлением в системе информационного обслуживания специалистов и научных работников стал Университет библиотечно-библиографических знаний, ректором которого была М. С. Фадеева. Его первое занятие состоялось в феврале 1979 г. в «Пушкинке». Главной целью университета было знакомство слушателей с основными принципами организации научной информации в СССР и за рубежом. Опыт оказался успешным, и М. С. Фадеева разработала «Положение об информационно-библиографическом всеобуче в Омской области», утверждённое 25 февраля 1980 г. Междуведомственным советом по культуре. В конце этого же года Омский обком КПСС разослал письмо, в котором всем горкомам и райкомам КПСС и ВЛКСМ, профкомам области было рекомендовано «включить всеобуч в систему повышения квалификации кадров и оказать органам научно-технической информации и библиотекам помощь в его проведении». Составной частью пятилетнего всеобуча (1981-1985) был университет библиотечно-библиографических знаний, ректором которого вновь стала Мария Семёновна. В его структуре были выделены «Факультет специалистов различных отраслей» и «Факультет пропагандистов библиотечно-библиографических знаний». Занятия проводились в форме лекций и практических занятий, были организованы книжные выставки и экскурсии по «Пушкинке», посещения других библиотек города. Всеобуч охватил также все массовые библиотеки Омской области, куда библиографы постоянно выезжали и оказывали методическую

и практическую помощь сельским коллегам. Всеобуч привлёк новых читателей в библиотеки, научил их самостоятельно пользоваться каталогами, картотеками, библиографическим пособиями, составлять личные картотеки; помог библиотекам всех ведомств повысить качество справочно-библиографического обслуживания.

М. С. Фадеева считала, что «основой всех дел библиографического отдела была и есть краеведческая библиография». С первых лет своей работы в справочно-библиографическом отделе Мария Семёновна направила усилия на создание единого краеведческого справочного аппарата и системы краеведческих библиографических пособий. Поэтому к созданным ранее картотекам («Омские издания», «Картотека упоминаний» и др.) в 1968 г. добавилась новая – «Хроника дат и событий Омской области». Трансформировался и основной элемент краеведческого справочного аппарата – краеведческий каталог. 1970-1980-е гг. были временем бурных дискуссий о том, каким он должен быть. По действующим тогда документам в краеведческом каталоге предусматривались три составные части: систематическая, топографическая и биобиблиографическая. Мария Семёновна считала эту схему несовершенной и активно участвовала в дискуссиях и научных исследованиях, которые в 1981 и 1983 гг. проводила Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ныне – Российская национальная библиотека). Ценные замечания и предложения М. С. Фадеевой были учтены и использованы составителями издания «Библиотечно-библиографическая классификация: таблицы для краеведческих каталогов библиотек» (М., 1989).

Совершенствование краеведческого каталога позволило поднять систему краеведческих изданий, раскрывающих жизнь Омской области, на новый уровень. В обзоре выдающегося российского библиографа Н. Н. Щербы отмечалось, что Омская областная научная библиотека активизировала краеведческую библиографическую работу, «выпустила в свет ряд обстоятельных библиографических указателей по различным аспектам жизни своего края». А указатель «Что читать об Омской области», одним из составителей которого являлась М. С. Фадеева, был отнесён «к наиболее удачным, достойным выступать в качестве образца» (Библиография советской библиографии, 1984. М., 1986).

В этот период времени М. С. Фадеевой пришлось совместно с коллегами участвовать в централизации массовых библиотек и внедрении таблиц ББК в практику работы. На неё легла задача руководства созданием и налаживанием справочной службы в районных библиотеках области, для чего были разработаны программы обучающих курсов и семинаров, организованы выезды на места. Нередко Мария Семёновна сама помогала создавать каталоги и картотеки, занималась их редакцией и делала это с такой скоростью, что поражала своих коллег. Она также задумала и реализовала силами отдела серию методических материалов «Используй в своей работе». Коллеги из районных библиотек отмечали, что эти методички были очень важным подспорьем в работе, особенно в первые годы централизации, а многие из них не утратили актуальности и сегодня.

Аналитический ум Марии Семёновны, её опыт работы и умение генерировать идеи были замечены и оценены ведущими специалистами того времени. Например, составители таблиц ББК для краеведческих каталогов областных библиотек привлекли М. С. Фадееву к разработке новой схемы классификации. Её избрали членом секции информационно-библиографической работы Совета по координации деятельности научных и специальных библиотек Сибири и Дальнего Востока при ГПНТБ СО АН СССР. В этом качестве Мария Семёновна вносила предложения по работе секции; обсуждала проспекты важных документов, таких, как «Положение о системе региональных библиографических пособий Сибири и Дальнего Востока», «Сводный план издания региональных научно-вспомогательных указателей на XII пятилетку» и других.

За свою принципиальность, глубокие знания, организаторские способности, умение ладить с людьми М. С. Фадееву уважали в родном коллективе и профес-

Сотрудники справочно-библиографического отдела

сиональном сообществе Омской области. Она всесторонне знала все библиотечные процессы, поэтому к ней за советом обращались сотрудники из других отделов, она входила в совет по комплектованию, участвовала в отборе изданий из общего фонда для отдела редких книг. Как проницательно заметила одна из коллег, для Марии Семёновны «работа была счастливой ношей». Она была хорошим психологом, и многие годы спустя методист Шербакульской районной библиотеки Э. Л. Пономарёва с благодарностью вспоминала, как помогла ей Мария Семёновна в самом начале её профессионального пути, посоветовав: не дай человеку разочароваться в себе, найди хорошее, сначала похвали, а потом говори, что нужно изменить к лучшему.

Сотрудники справочно-библиографического отдела уважали и любили её, так как она всегда была готова помочь в любом вопросе; создавала в отделе дружественную атмосферу; загружала всех работой, но и сама много и с азартом трудилась; видела в них не только подчинённых, но и друзей. При обсуждении проблемных вопросов любила повторять: «О люди, я любила вас!». Возвращаясь из командировок радостной и возбуждённой, делилась новыми идеями, быстро внедряла новшества в работу отдела.

Кипучая, деятельная натура М. С. Фадеевой проявлялась также в её активной жизненной позиции, стремлении улучшить жизнь вокруг себя. Поэтому Мария Семёновна неоднократно избиралась в местком «Пушкинки», а в 1971-1973 гг. была его председателем. В 1974 г. коллектив библиотеки выдвинул М. С. Фадееву кандидатом в депутаты Омского областного Совета депутатов трудящихся. Профессионализм и общественная деятельность были высоко оценены – в 1977 г. Мария Семёновна была удостоена звания «Заслуженный работник культуры РСФСР». До этого в библиотеке такое почётное звание было присвоено лишь директору Е. Г. Хребтовой.

Необходимо отметить, что, помогая коллегам или избирателям решать их профессиональные или бытовые проблемы, она ничего не добивалась для себя. Показательно, что до 1973 г. М. С. Фадеева жила в общежитии вместе с больной мамой и младшей сестрой, о которых она заботилась всю жизнь. Квартиру ей дали на окраине городка Нефтяников, добираться до работы в те времена было трудно и долго. Как вспоминают ветераны

Сотрудники библиотеки на субботнике

отдела, однажды они собрались к Марии Семёновне на день рождения и так долго ждали транспорт, что купленные в подарок гвоздики стали «стеклянными».

Все, знавшие М. С. Фадееву, отмечали её человеческие качества: справедливость, чуткость, гостеприимство. В круг её общения входили не только коллеги по работе Э. Я. Звенигородская, М. Г. Хаит, М. С. Скворцова, В. А. Русанова, но и омские учёные, писатели, журналисты: С. Н. Поварцов, А. Э. Лейфер и др. Со студенческих времён она дружила с Е. М. и Е. М. Смирновыми, ставшими впоследствии преподавателями ОмГУ. Кроме того, с Евгением Михайловичем, библиофилом и коллекционером, Марию Семёновну связывала любовь к миниатюрной книге. Их объединяли общность интересов, любовь к литературе и искусству. Они стремились посещать все значительные художественные выставки, не пропускать театральных премьер или гастролей столичных театров. Она много читала, значительно раньше широкой публики познакомилась с произведениями поэтов и писателей Серебряного века, любила и такой жанр, как фантастика. Характерной чертой жизненной позиции советских людей в 1970-1980-е гг. был коллективизм, стремление вовлечь своих коллег не только в решение производственных задач, но и в совместный отдых. Поэтому большинство праздников – Новый год, Международный женский день, юбилеи и т. д. – мы отмечали всем коллективом. Мария Семёновна могла приготовить какое-нибудь особенное и вкусное блюдо, красиво накрыть стол, сочинить стихи или сценку для капустника, самой поучаствовать в выступлении отдела. Праздники в «Пушкинке» проходили весело, приглашались гости (официальные лица, актёры, писатели, музыканты). По воспоминаниям ветеранов, очень любила бывать на таких мероприятиях начальник Областного управления культуры Н. Н. Бревнова. Помимо праздников, регулярно проходили субботники, и М. С. Фадеева наравне со всеми сотрудниками очищала набережную Омки от снега вдоль всей «Пушкинки», убирала мусор на строительной площадке нового здания библиотеки.

В 1988 г. проводили на пенсию В. А. Запрудского, проработавшего заместителем директора областной библиотеки с 1966 г. После длительных уговоров и нелёгких раздумий М. С. Фадеева согла-

силась занять эту должность. Как вспоминает Т. Ф. Бурмистрова, тогда заведующая научно-методическим отделом, она опасалась, что на их взаимоотношениях скажется многолетнее соперничество в социалистическом соревновании двух отделов – научно-методического и справочно-библиографического. Но Мария Семёновна вызвала её к себе в кабинет, усадила за стол и сказала: «Было у нас соперничество, а теперь будем работать вместе». В новой должности пригодился её опыт организаторской работы, умение наладить отношения с людьми. Но, к сожалению, она лишилась общения с читателями, не ощущала ответной реакции на то, что делала, не занималась любимой справочно-библиографической деятельностью. Нужно также помнить, что рубеж 1980-1990 гг. – это время перестройки. На её глазах стало рушиться всё, на что было потрачено столько времени и усилий: система централизации библиотек, налаженная структура информационно-библиографического обслуживания, координация в деятельности библиотек разных ведомств. Кроме того, резко ухудшилось её здоровье. Совокупность этих причин и привела к тому, что в сентябре 1992 г. она написала заявление об увольнении. Но и после выхода на пенсию, Мария Семёновна не рассталась с библиотекой окончательно. По договору она расписывала для краеведческого каталога омские газеты, к ней обращались за помощью при подготовке библиографических пособий и методических материалов. Коллеги, прежде всего библиографы, навещали её, помогали в бытовых делах. Но силы таяли, и 25 апреля 2000 г. М. С. Фадеевой не стало. Похоронили её на Северном кладбище.

Основная деятельность Марии Семёновны пришлась на 1960-1980-е гг., когда была чёткая государственная политика в сфере культуры, законодательная и финансовая поддержка всех начинаний. Реализацией руководящих указаний, претворением поставленных задач в практические дела занимались рядовые работники, такие, как М. С. Фадеева. Именно их волей, знаниями, умениями и талантом было сделано так много в развитии библиотечного дела страны в целом и Омского Прииртышья в частности.

Издания Пушкинской библиотеки 1970-1980 гг.

СЛУЖИТЬ ЛЮДЯМ И КНИГАМ

Виктор Гоношилов

Я вошёл в Андреевскую библиотеку Саргатского района и обомлел от разноцветья. Замысловатые, ярко раскрашенные фигуры из ватмана с плакатами-призывами читать. Аппликации из огромных жёлтых подсолнухов в простенках между окнами. Коллекция красивых мягких кукол. Самовар с блёстками от игривых солнечных зайчиков. И всё это в обрамлении стеллажей с книгами.

ВСЯ ЖИЗНЬ В АНДРЕЕВКЕ

Разговор с Антониной Дунаевой, хозяйкой книжного царства, шёл легко и непринужденно. Обязанностей и увлечений у неё оказалось не меньше, чем цветных оттенков в помещении библиотеки, размещённой на первом этаже местного Дома культуры.

Вот неполный перечень. Во-первых, что само собой разумеется, библиотекарь. Во-вторых, активный участник художественной самодеятельности. В-третьих, ярый борец за чистоту окружающей среды: по несколько раз за год организует группы по уборке окрестностей Андреевки. В-четвертых, летописец родного села: ведёт страничку «Будни и праздники Андреевского поселения» в социальной сети «Одноклассники», где рассказывает о значимых и не очень значимых событиях в современной истории села. Например, о митинге в честь 9 Мая или о начале посадки картошки в огородах.

Вся 47-летняя жизнь Антонины Николаевна связана с Андреевкой.

– Здесь я родилась, – рассказывает она, – здесь школу окончила, здесь замуж вышла, здесь с мужем Юрием дочку вырастили, здесь же всю жизнь работаю. И никуда отсюда уезжать не собираюсь.

Патриот своей малой родины – такого человека всегда приятно встретить.

А ещё она человек с потрясающим чувством юмора. Когда бывает в Саргатке, то, проходя мимо районной Доски почета, обязательно поздоровается с самой собой:

– Привет, Тоня. Тебя тут не обижают?

Её портрет расположен шестым от начала галереи фотографий с изображениями лучших людей района.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ К ДИПЛОМУ

Она мечтала работать с детьми. Так поначалу и получилось. Окончила Андреевскую среднюю школу, поступила по направлению от местного хозяйства в Омское педагогическое училище № 2. Получив диплом, трудилась тут же, в Андреевке, воспитателем.

Потом – продолжение судьбы, обычное для многих наших современников. Безденежье. Сокращение. Работала завхозом, дворником.

– Моральное угнетение в дворниках испытывали? – интересуюсь у Антонины Николаевны. – Воспитателем же были. Родители детей к вам в группу водили. А теперь Вы в том же детском садике встречаете их с метлой.

– Нет, дискомфорта не испытывала. Я никакую работу не считаю ни зазорной, ни унизительной.

Библиотекарем Антонина Дунаева стала в 1997 году. Освободилось место. Её кандидатуру, покидая Андреевку, порекомендовала предыдущий библиотекарь. Антонина вела у неё в библиотеке кружок хохломской росписи.

Одним из условий для занятия должности было специальное образование. По этой причине Антонина Николаевна поступила на заочное отделение филологического факультета ОмГУ имени Ф. М. Достоевского. Специализацию проходила на кафедре библиотековедения и библиографии.

Диплом о высшем образовании дался тяжело. Она добросовестно посещала установочные лекции, основательно готовилась к экзаменам. Писала объёмные рефераты и контрольные, от руки писала – компьютеры ещё только-только входили в жизнь. А дома маленькая дочка, требующая внимания. На подворье две коровы, уход за огородом тоже никто не отменял. Ну, и работа в библиотеке, и работа с библиотекой. За 19 лет она четырежды вместе со всем фондом переезжала. Каждый раз требовалось заново ставить стеллажи от пола до потолка, закреплять их, расставлять книжки. Фонд Андреевской библиотеки насчитывает 14 тысяч томов книг.

Несколько лет зимовала в помещении без отопления. Обо всём этом рассказывает просто, легко, без надрыва.

Библиотекарь А. Н. Дунаева открывает юным читателям мир книги

– У меня в ящике стола лежат разводной ключ и молоток. Гайку закрутить, гвоздь забить, доску отпилить – для меня не проблема.

А судя по внешности, не скажешь, что эта яркая дама способна гайки крутить и гвозди забивать. В её манере одеваться, общаться с людьми больше видится не сельская женщина, а столичная, знающая себе цену актриса. По крайней мере, такой, какими их, прославленных служительниц Мельпомены, в телепередаче «Наедине со всеми» показывают. Она, кстати, любит театр. Есть у неё традиция: 6-7 января обязательно съездить в Омск на спектакль. В течение года заглянуть в тот или иной городской театр тоже не возбраняется, но в начале года – обязательно! Выступления самодеятельных коллективов в Саргатке тоже старается не пропускать. Но здесь у неё, кроме зрительского, ещё личный творческий интерес: посмотреть, как выступают коллеги по художественной самодеятельности, чем-то восхититься, а что-то и перенять.

СЛОВО О ЧИТАТЕЛЯХ И КНИГАХ

В Андреевской сельской библиотеке хорошо, уютно. Не удивительно, что люди идут сюда охотно.

Книги Антонина Николаевна любит.

– Я на работу иду с удовольствием, – признаётся она.

А. Н. Дунаева – человек публичный. Её артистизм, её внутренняя потребность общаться с людьми самым положительным образом отражаются на профессиональных устремлениях.

В библиотеке проходят заседания женских клубов «Валентина» и «Россиянка». «Валентина» объединяет андреевских женщин в возрасте 55+, а в «Россиянке» состоят те, кому 55 ещё не исполнилось. Надо же где-то сельским дамам о своих радостях или наболевшем откровенно поговорить, чай попить, песни попеть. Попутно какие-то мероприятия наметить, проблемы решить и книги выбрать.

Местные дети в библиотеку заглядывают не только из-за книг, а ещё потому, что их здесь приветливо встречают. В читателях числятся даже те, кто ещё читать не умеет – дошколята. Здесь можно порисовать и поиграть, послушать рассказ об интересных книгах.

После обеда подтягивают школьники с планшетами и без планшетов. Интернет в библиотеке бесплатный. Один из двух компьютеров снабжён программой «Цензор», предназначенной для юных посетителей. Не у всех ребят дома есть компьютер, а погулять по Интернету каждому хочется. Многие считают компьютер врагом книги, но только не в Андреевской библиотеке. Здесь компьютер – друг книги. С его помощью в пространстве «Мировой паутины» открываются тома, которых нет в местном фонде. Тут же, за библиотечными столами, можно обсудить прочитанное. Ещё Конан Дойл, автор знаменитых рассказов про Шерлока Холмса, указывал: «Говорить о книгах всегда прекрасно, к чему бы это ни привело».

Меня в нашей беседе с библиотекарем живо интересовал вопрос: что же в большинстве своём читают сейчас селяне? Ответ получился несколько неожиданным. Я думал, что есть разделы, которые в особой чести, и есть никому не нужные. А, по словам Антонины Николаевны, читают всё. На книги, как на вкус и цвет, товарищей нет. Правда, так называемая серьёзная литература – научные и справочные издания – художественной литературе явно проигрывает. Есть среди читательниц поклонники классики, любовных романов. У мужчин, естественно, самым большим спросом пользуются детективы и фантастика, военная литература. Хотя среди взрослых посетителей Андреевской библиотеки представители сильного пола в явном меньшинстве. Женщины читают в несколько раз больше мужчин. Тенденция не меняется со времен А. С. Пушкина. Представительницы лучшей половины человечества более эмоциональны, поэтому их не устраивает серость обыденного существования. Если душевности и трепетных отношений не хватает в реальной жизни, то почему бы их не почерпнуть из книг?

Антонина Николаевна с некоторым стеснением, как мне показалось, говорит о сравнительно небольшом количестве книг в её власти – 14 тысяч экземпляров. Ей больно, признается, слышать, как человек, переходя от полки к полке, произносит: «Та-а-к, это читал, это тоже читал. Что же брать?».

Но, может, не так уж и мало – 14 тысяч. Если человек за месяц прочитывает по три книги, то он за 60 лет осилит всего две тысячи томов. Конечно, книг много не бывает. Чем больше выбор, тем лучше. Появилась, слава Богу, хорошая привычка: дарить библиотекам книги. Кто-то личные книжки несёт от щедрости душевной, кто-то потому, что мода на них в домашнем интерьере прошла, кто-то специально покупает, особенно самые яркие для самых маленьких. Несут люди свои книги и в Андреевскую библиотеку. Есть книги из разряда риска – они были куплены очень давно. Найдут ли своего читателя сейчас? Сказать трудно.

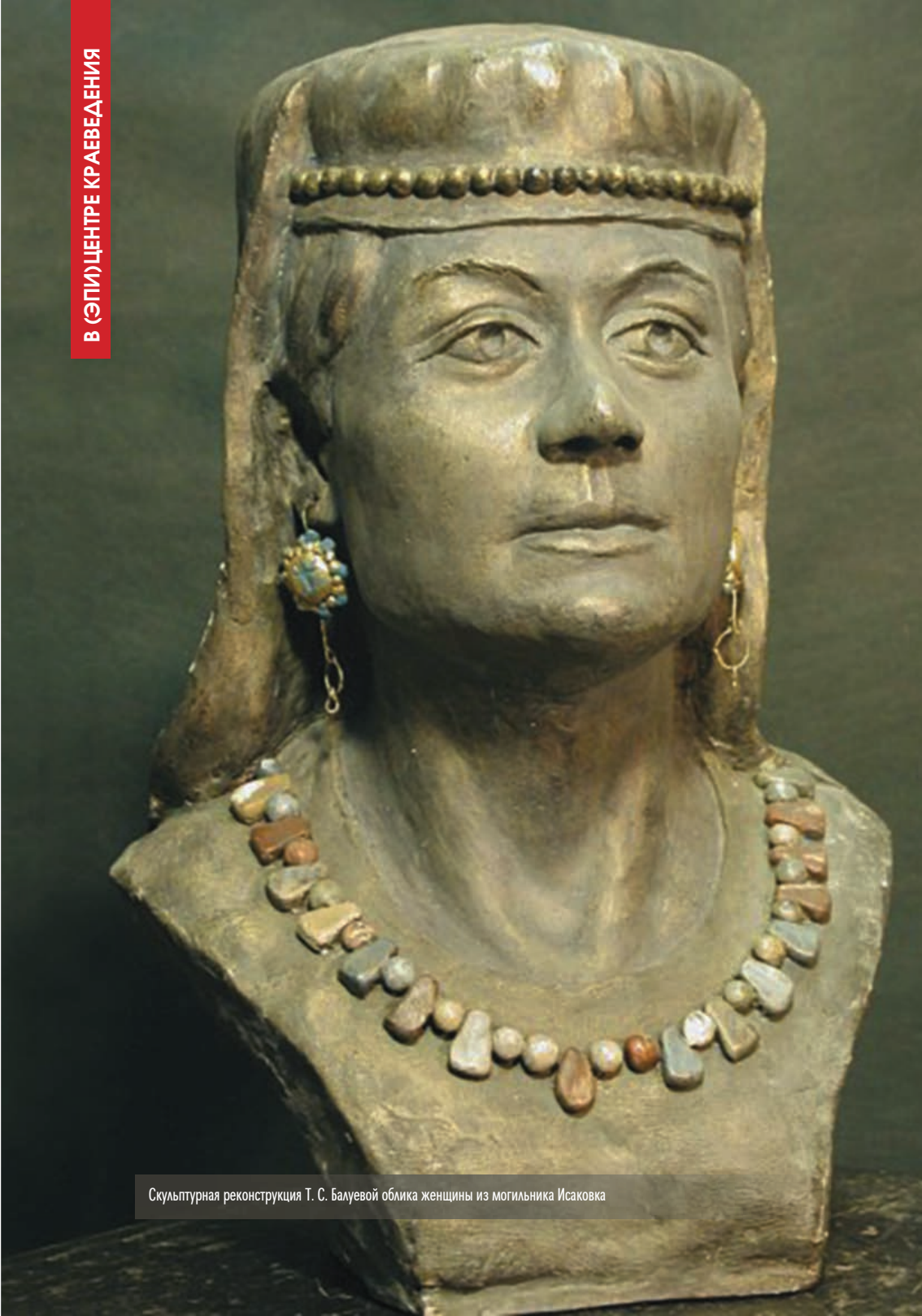
– Я ни от одной не могу отказываться, – говорит Антонина Николаевна. – Это же – книги!

В ЭПИ ЦЕНТРЕ КРАЕВЕДЕНИЯ

Празднование Дня города. Омску - 275 лет. Фото 1991 г.

ЛЮДИ / СОБЫТИЯ / ФАКТЫ

Скульптурная реконструкция Т. С. Балуевой облика женщины из могильника Исаковка

ЗАГАДКИ САРГАТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Саргатская культура – одна из наиболее изученных археологических культур Западной Сибири и Омского Прииртышья в частности. Изучением памятников саргатской культуры занимались многие исследователи – В. П. Левашова, Л. Н. Корякова, Н. П. Матвеева, В. А. Могильников, В. И. Матющенко, Л. И. Погодин, Н. В. Полосьмак и другие.

Существует большое количество научных публикаций, посвящённых вопросам развития социального строя и хозяйственной деятельности саргатского общества, а также работ, посвящённых реконструкции мировоззрения населения саргатской культуры. Но, несмотря на проделанную учёными работу, остается ещё много загадок и научных лакун в изучении саргатской культурно-исторической общности.

Одна из загадок – происхождение Сибирской коллекции Петра I и её связь с саргатской культурой. С начала минувшего XX века учёными и краеведами обсуждается вопрос о месте сбора знаменитой Сибирской коллекции Петра I – хранящегося в Эрмитаже собрания, включающего более 250 золотых художественных изделий сарматской эпохи (конец I тыс. до н. э. – первые века н. э.). Сторонники сибирского происхождения коллекции (впервые эту гипотезу обосновал археолог А. А. Спицын в докладе Русскому археологическому обществу в 1901 г.) искали её прародину в различных районах юга Западной Сибири, в том числе на территории Омского Прииртышья и на примыкающей к ним территории Казахстана.

В 1970-80-х годах обнаружились весомые аргументы в пользу западносибирского варианта. Во-первых, исследования и новые архивные находки М. П. Завитухиной позволили установить, что основная часть коллекции – свыше 200 предметов – была собрана в Тобольске в 1715-1717 гг. и попала к Петру I от первого сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина, сыгравшего ключевую роль в основании Омской крепости. Во-вторых, в 1981-1982 гг. в курганах Тютринского могильника на среднем Тоболе А. В. Матвееву (г. Тюмень) удалось обнаружить ряд ювелирных изделий, идентичных имеющимся в коллекциях Петра I и Николая Корнелия Витсена. Этот факт по-

зволил впервые поставить вопрос о связи этих находок с саргатской культурой раннего железного века, открытой в 1927-28 гг. В. П. Левашовой при раскопках курганов вблизи деревни Сибирская Саргатка на территории Омской области. На протяжении последних 50 лет саргатские памятники – неукреплённые поселения и городища (нередко очень крупные), а также многочисленные курганные могильники – исследуются в Западной Сибири достаточно интенсивно. Попытаемся на основе научных публикаций археологов охарактеризовать Саргатскую культуру-протоцивилизацию подробнее.

На основе раскопок памятников начальной поры железного века в Барабинской лесостепи возникло предположение, что здесь в эпоху раннего железного века, около VIII–VI вв. до н. э. сформировалось ядро той культуры (или этноса), которая спустя несколько столетий распространилась почти по всей территории западносибирской лесостепи. Саргатская культура получила своё название по найденным курганам у села Саргатка Омской области (первые исследования и раскопки проводила В. П. Левашова в 1927-1928 гг.). Хронологически Саргатская культура существовала на протяжении скифского и гунно-сарматского времени (VI в до н. э . – V в до н. э.). Вопрос о происхождении саргатской культуры обсуждается в современных научных кругах. Все исследователи отмечают два элемента, сыгравших определённую роль в процессе её формирования: во-первых, местное население эпохи бронзы и переходного (от бронзы к железу) периода, во-вторых, проникавшие в лесостепь группы кочевников из современного Северного Казахстана.

Золотые предметы из Сибирской коллекции Петра I. Государственный Эрмитаж

По типу хозяйствования саргатцы не были чистыми кочевниками, о чём свидетельствуют остатки долговременных стационарных поселений, состоящих из крупных полуземляночных жилищ с деревянными полами. В жилищах и хозяйственных ямах встречаются кости не только лошадей, но и крупного рогатого скота. Следовательно, хозяйство имело комплексный, многоотраслевой характер. Основой его было скотоводство (лошади, крупный и мелкий рогатый скот). Оно носило сначала пастбищный, затем отгонный, а на последнем этапе существования культуры, возможно, кочевой характер. У саргатцев были зачатки земледелия, развитая охота, существовало рыболовство.

Для своего времени саргатская культура была достаточно развитой, что даёт основание говорить о ней как о протоцивилизации. Ремесло носило домашний, кустарный характер, крупных ремесленных и промышленных центров не найдено. Наиболее полно в находках представлена керамика. Она хорошо развита. По форме сосуды делятся на горшки, кувшины, чаши и блюдца. Последние считаются особенностью саргатской культуры. На сосуды наносился орнамент – узкая полоска на плечиках и горле сосуда, на некоторых сосудах орнамент наносился на тулово и придонную часть. Столовая посуда широко представлена в погребениях. Этот тип посуды изготовлен более тщательно и имеет разнообразную орнаментацию. Особое место занимают небольшие глиняные блюда – алтарики, круглые или овальные, со следами охры на дне. Скорее всего, они имели ритуальное значение. Вся перечисленная керамика выполнена ручной лепкой. Встречается привозная посуда, изготовленная на гончарном круге.

Стоит отметить у саргатцев наличие железоделательного и бронзолитейного производства, о чём свидетельствуют многие найденные артефакты. Предметы же-

лезоделательного производства отличались, для своего времени, высоким уровнем исполнения. Кузнецы уже имели в своём распоряжении сталь, применяли закалку изделий в холодной воде. По этой технологии изготавливались ножи, мечи и кинжалы-акинаки, наконечники стрел – произведения искусства кузнецов саргатской культуры. Из украшений были обнаружены бронзовые и железные шейные гривны, серьги, браслеты, а также изделия из драгоценных металлов.

О наличии элементов караванной торговли свидетельствуют кости верблюдов (следы устойчивой торговли с южными областями) и привозные предметы. Среди найденных украшений встречается множество импортных бус и иных украшений из шпинели, полудрагоценных поделочных камней, стекла, фаянса и других материалов, которые были найдены в неразграбленных женских захоронениях. Это свидетельствует и о том, что в раннеклассовом саргатском обществе роль женщины была далеко не последней. В погребениях и культурных слоях поселений нередко встречаются целые привозные станковые сосуды и их обломки чуждых для местного гончарства форм. Все эти факты подтверждают существование на территории лесостепного Прииртышья, на северной периферии азиатской Скифии яркой культуры-протоцивилизации.

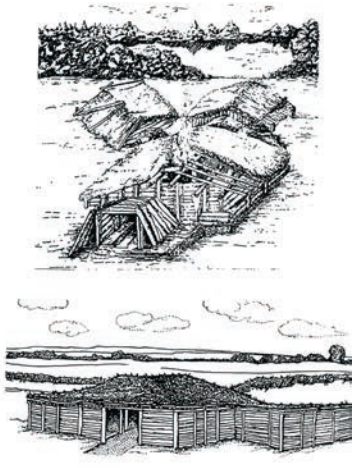

Фалар. Курганный комплекс Сидоровка. ООМИИ имени М. А. Врубеля

Основное количество открытых памятников саргатской культуры расположено в лесостепной зоне Западно-Сибирской равнины от Зауралья до Западной Барабы. Масса саргатских поселений была сосредоточена вдоль рек – Иртыша, Ишима, Тобола, Исети и Оми. Наибольшая плотность памятников отмечается в лесостепном Прииртышье. На территории современной Омской области (Нижнеомский, Горьковский, Омский, Саргатский муниципальные районы) культура представлена поселениями (Новотроицкое), городищами (Кокоиовское, Богдановское) и курганными могильниками (Богдановка, Исаковка, Саргатское, Сидоровка).

История «бугрования» в Западной Сибири – систематических (в виде промысла) грабительских раскопок древних могил-курганов местным населением позволяет пролить свет на загадку эрмитажной коллекции. Важные материалы о нём собраны участниками организованных по замыслу Петра I академических экспедиций и особенно Г. Ф. Миллером в 1733-1743 гг. От многих людей он узнал, что могилы на Тоболе, Иртыше, Оби и Енисее грабили уже с начала XVIII в., когда «калмыки и киргизы, кои набегами своими оные страны беспрестанно обеспокоивали, оттуда удалились» и что «самые богатые могилы найдены при Волге, Тоболе, Иртыше и до реки Оби, посредственные – в степях р. Енисей, а самые бедные – по ту сторону озера Байкал».

Факт ограбления курганов крестьянами-«бугровщиками» в ареале саргатской культуры в начале 1700-х годов особенно важен потому, что именно в этот период в руках первого сибирского губернатора князя Матвея Петровича Гагарина стали скапливаться сокровища, вошедшие впоследствии в состав Сибирской коллекции Петра I. Пётр I получил от М. П. Гагарина первые 10 древних золотых вещей в конце 1715 г. или начале 1716 г. В ответ на последовавший наказ о приобретении подобных древностей Гагариным 12 декабря 1716 г. из Тобольска в Петербург была направлена вторая, значительно более крупная партия изделий. «По именному его царского величества указу, который писан рукою его царского величества,— сообщал Гагарин в письме тюменскому коменданту Воронецкому от 5 июля 1717 г.,

Жилища саргатской культуры. Реконструкция

обнаруженном М. П. Завитухиной в Тобольском архиве, — древние золотые и серебряные вещи, которые находятся в земле древних поклаж, всяких чинов велено объявлять в Тобольску и велено брать те вещи в казну великого государя и отдавать им за те взятые из казны деньги». Затем, М. П. Гагарин в письме от 28 октября 1717 г. сообщает Петру I об отправке в Петербург третьей посылки, в которой находились два серебряных и около 60 золотых предметов. Основная часть коллекции поступила в Петербург от Гагарина в течение менее чем трёх лет. Правда, о районе сбора сокровищ документы прямо не говорят. Однако многое указывает на их связь с курганами саргатской культуры.

Вполне вероятно, что в состав Сибирской эрмитажной коллекции впоследствии могли войти и другие вещи, происходящие с территории распространения саргатской культуры. Так, уже известный нам Г. Ф. Миллер во время своего пребывания в Сибири обнаружил в архиве города Тары дело, датированное 1721 г. и содержавшее «Указ, коликое число всякого золота могильного и других курганных вещей в покупке в казну было и о присылке того золота и вещей в Тобольск».

Уже в эпоху Екатерины II, в 1770 г. по югу Западно-Сибирской равнины пролёг путь академика П. С. Палласа. В былом, да и не только былом богатстве описанных Палласом курганов, как и в саргатской принадлежности подавляющего большинства из них, современным археологам не раз пришлось убеждаться в ходе раскопок, проводившихся в тех самых пунктах, которые были отмечены учёным в записках.

Таким образом, изучение истории сибирского «бугрования» не только не противоречит гипотезе о происхождении, по крайней мере, части Сибирской коллекции Петра I из саргатских курганов, но и укрепляет её вместе с уже отмечавшимися современными находками богатых саргатских захоронений на р. Тобол и в других районах западносибирской лесостепи.

Это заключение может послужить основанием для существенного изменения наших представлений об истории саргатского населения, его связях, социальной жизни и искусстве. Саргатская культура, яркая и уникальная – одно и культурных сокровищ Омского региона. Ещё много предстоит сделать историкам, археологам и краеведам для полноценного исследования её материального и духовного мира.

Материал подготовила
Алина Маликова, специалист ЦКИ

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

Источники:

Берсенева Н. А. Погребальные памятники саргатской культуры Среднего Прииртышья: гендерный анализ // Археология, этнография и антропология Евразии. - 2010. - № 3 (43). - С. 72-81.

Матвеев А. В. Древнее золото «60-й параллели» // Природа. - 1991. - № 9. - С. 35-41.

Могильников В. А. Саргатская культура // Археология СССР. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. - М., 1992.

Молодин В. И. Саргатская культура // Историческая энциклопедия Сибири. - Т. 3. - Новосибирск, 2010. - С. 15.

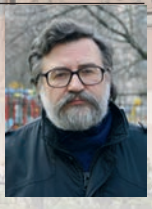
Полосьмак Н. В. Бараба в эпоху раннего железа. - Новосибирск, 1987.

Саргатская культурно-историческая общность // Энциклопедия Омской области: в 2 томах. - Т. 2. - Омск, 2010. - С. 304.

Троицкая Т. Н., Новиков А. В. Скифо-сибирский мир. - Новосибирск, 2007.

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕВЦОВ – УДИВИТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ПАТРИОТ СВОЕЙ СТРАНЫ

Валерий Мамиков

Время всё расставляет по своим местам и даёт возможность оценить то главное, что остаётся в памяти каждого из нас. Память – свойство души, особый дар, талант, которым награждён не каждый. И, хотя мы живём настоящим, но без того, дорогого, чем-то нам памятного, порой тревожно зовущего куда-то прошлого разве можно обойтись? Вспомнил, как Мария Ефимовна, пожилая женщина, у которой я в сибирском посёлке когда-то снимал комнату, вздохнув, сказала протяжно: «Ох, Валерий Миколаич, умных много, а вот памятливых – мало!». «Миколаич» был молодым учителем географии, а слова эти, сказанные с какой-то житейской горечью, запомнил на всю жизнь.

Бывает, что однажды такой вот интересный, памятливый и душевный человек вдруг встречается в самом начале твоей жизни и ... исчезает. Внезапно гаснет, как летящая с неба звезда. Уходит навсегда, безвозвратно. По молодости мы часто не замечаем стремительно уносящегося времени и, лишь много лет спустя, когда уже ничего нельзя исправить, начинаем понимать, что не хватает именно этого человека, встреч с ним, общения, что вы с ним не договорили когда-то о чём-то важном для вас обоих. Проходят годы, память притупляется, тускнеют, уходят, забываются какие-то важные детали встреч, событий. А потом, так бывает, что-то или кто-то напоминает об этом человеке, будто встряхивая тебя, вытаскивая из небытия лица, какие-то подробности... И, будто продолжая тот старый разговор, возникает что-то новое, о чём ты знать-то не мог, просто не жил в то время. И это ушедшее, бывшее вдруг оживает в тебе, в твоей душе. Тайна, загадка, возможно, спросит читатель? Видимо, да. Но раз уж это есть, пришло, а твоя душа встречно отозвалась, нужно, обязано просто перенести всё на бумагу, выложить в текст, в слово.

Имя Михаила Васильевича Певцова, путешественника, исследователя Центральной Азии я впервые услышал от преподавателя Омского государственного педагогического института имени А. М. Горького С. А. Огурцова [1]. Сергей Алексеевич читал лекции по истории географических открытий и общему земле-

ведению. В 1970-м году он приглашал нас – первокурсников естественно-географического факультета по одному к себе домой для знакомства и обстоятельного разговора. Помню, что беседовали мы с ним в комнате, где книги занимали большую её часть, теснились на полках. Огромная библиотека по истории географических открытий, топонимике, географии. Где сейчас это уникальное собрание, сохранилось ли оно?

Мы разговаривали о моих интересах, о его предмете – общем землеведении. Меня со школьных лет манили таинственные морские просторы. Море было таким далёким, но именно поэтому, наверное, таким притягательным. Сергей Алексеевич же больше говорил о сухопутных путешествиях и открытиях. И, конечно, о Певцове, экспедиции и судьба которого интересовали его всю жизнь. Только спустя много лет я выяснил, что ещё в 1960 г. в Омске вышла небольшая книга, точнее, брошюра, посвящённая Певцову. Её автором был Сергей Алексеевич [2].

Занятия проходили вначале в старом здании института, на Партизанской улице. По ходу лекции, хотя мне и было интересно, я почти всегда набрасывал на полях конспектов парусники разных видов, как будто спорил с учителем о том, что важнее: суша или море. Ещё бы, в школе начитался Фенимора Купера и Майн Рида. А Жак Ив Кусто, французский подводный исследователь, вообще был с детства моим кумиром.

Сергей Алексеевич – невысокий, худощавый, скромный, подтянутый, всегда был внимателен к нам – студентам. Сейчас я думаю, что беседы у него дома были не просто знакомством, а ещё и приобщением к профессии. Его деятельность УЧИТЕЛЯ была СЛУЖЕНИЕМ в самом высоком значении этого слова.

Сергей Алексеевич Огурцов ушёл на пенсию осенью 1973 года и в этом же году скончался. Отдалённо, смутно помню минуты прощания с ним в зале института. Тогда, в студенческие годы, я ещё не знал, что он воевал на Волховском и Ленинградском фронтах, был тяжело ранен под посёлком Синявино, награждён боевыми орденами и медалями. И лишь несколько лет назад, когда, я обратился к заведующей музеем Омского педагогического университета Людмиле Кирилловне

Обложка брошюры С. А. Огурцова

Гореловой с просьбой прислать мне любые сохранившиеся материалы о Сергее Алексеевиче, получил по почте брошюру, в которой были необходимые мне сведения. Вот тогда я и задумался над судьбой Певцова, известного путешественника, но совершенно неизвестного человека. И в своей авторской рубрике журнала для детей и юношества «Костёр» решил написать о нём.

В фондах Библиотеки Академии наук России я разыскал старые отчёты Певцова о своих экспедициях, карты, очерк о его путешествиях, вышедший в приложении к Запискам Западно-Сибирского отдела Императорского Русского Географического общества в 1902 году уже после смерти путешественника. Там же, в библиотеке, нашёл я и скромную брошюру Сергея Алексеевича Огурцова.

Читая все эти книги, размышляя над судьбой Михаила Певцова, я понял, что в Сибири, Омске осталось что-то очень дорогое, что грело его душу, и горькое, что

он помнил всю жизнь. Может быть, когда-нибудь я ещё напишу об этом более подробно.

Для путешественника, исследователя природы, географа важно уметь обращать внимание на всё, что его окружает, и точно описать увиденное, чтобы оно стало достоянием всех. Умение, а точнее, искусство ВИДЕТЬ дано не каждому, и лучше всего его воспитывать с детства. Это такой же дар, как способность быть хорошим человеком...

Русский путешественник, исследователь Центральной Азии генерал-майор Михаил Певцов обоими качествами обладал в полной мере.

О его жизни известно немного. Он не оставил дневников и воспоминаний о своей жизни.

Михаил Певцов родился в 1843 г. в сказочном крае хвойных лесов, рек, озёр и зыбучих болот – Новгородчине. В раннем возрасте потерял родителей, воспитывался у дальнего родственника в Петербурге. Не имея средств для оплаты за обучение, М. В. Певцов окончил Первую Санкт-Петербургскую гимназию вольнослушателем и даже начал учиться в университете. Но по причине тяжёлого материального положения был направлен для продолжения учёбы в Воронежское юнкерское училище, где раскрылись его способности в географии, истории и математике. Его уважали не только товарищи, которым он никогда не отказывал в помощи, но и преподаватели. За пристрастие к точным наукам юнкера Певцова называли «Пифагоровы штаны».

Все каникулы юноша обычно проводил на своей малой родине, изучая растения, животный мир, закаляя себя. Ведь он тогда уже готовился стать путешественником. Позднее, в Петербурге, обучаясь в Николаевской академии Генерального штаба, куда прошёл, выдержав серьёзный конкурс, Михаил Васильевич стал изучать восточные языки, увлёкся практической астрономией, посещал Пулковскую обсерваторию...

Судьба распорядилась так, что пятнадцать лет он провёл на службе в Омске – тогда столице огромного Сибирского края, простиравшегося от Карского моря до китайской границы. Жил в одноэтажном деревянном доме на Кадышевском форштадте [2], во дворе которого оборудовал небольшую обсерваторию. Сибиряки ценили благородство характера Михаила Васильевича, его заботу о лю-

Дом на Кадетской линии Васильевского острова Санкт-Петербурга, в котором М. В.Певцов жил в 1902 году. Фото В. Мамикова

М. В. Певцов

дях, безупречную честность и непоказную скромность.

В первый год службы в Омске капитан Певцов какое-то время преподавал географию в Сибирском кадетском корпусе. Как только его невысокая фигура появлялась в помещении корпуса, у кадет теплели глаза, и все они невольно подтягивались. Михаил Васильевич не был сторонником преподавания по казённому учебнику, он старался так вести предмет, чтобы заинтересовать им своих воспитанников. И это ему удавалось, кадеты отдавали предпочтение книгам по географии и астрономии. Он сам являлся автором учебного пособия «Начальные основания математической и физической географии», изданного в 1881 в Санкт-Петербурге [2; 3].

Но учительская карьера Михаила Певцова оказалась недолгой. Отсюда, из Омска, молодой офицер Генерального штаба Михаил Певцов совершил две своих первых экспедиции. Первому путешествию в 1876 г. Певцова способствовал благоприятный случай. В 1876 г. Певцов был командирован как начальник конвоя сибирских казаков для охраны торгового каравана российских купцов в Джунгарию – в город Гучен [2]. Михаил Васильевич воспользовался этим предложением, чтобы собрать материалы о местах, по которым он должен был следовать.

Накануне отъезда, после прощального обеда в Военном собрании, сослуживцы на руках понесли его к экипажу со словами: «Михаил Васильевич, дорогой, душа наша, не забывайте нас!» На память подарили ему фотоальбом в красивом малахитовом футляре, которым он очень дорожил.

В ходе первой экспедиции ему очень пригодились знания азиатских языков, астрономии, биологии, географии. Им была проведена маршрутная съёмка, собраны уникальные данные по флоре, фауне, климату и рельефу, описаны быт и культура кочевых и оседлых народов края. Эти и другие материалы послужили основой его «Путевых очерков Джунгарии». Редкостными и удивительными для всех были человеческие качества Певцова – сердечность и внимание к людям, будь то казаки его сотни или старый монгол...

В 1878 и 1879 гг. он сопровождал, с учёной целью, торговый караван по Монголии через пустыню Гоби к северным провинциям внутреннего Китая. В ходе экспедиции им были составлены подробное географическое описание и карта местности, собраны образцы горных пород, в «Очерке путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая» [2; 4] описаны образ жизни, культура и быт местных жителей.

В 1889 и 1890 гг., уже после переезда в Петербург, состоялась его третья (и последняя) Тибетская экспедиция, он путешествовал с научной целью по Восточному Туркестану, Северному Тибету и Джунгарии. Им были собраны подробные сведения по географии, геологии, флоре, фауне, этнографии исследованных местностей.

По возвращении из экспедиций много работал, писал, обрабатывал собранные в путешествиях материалы астрономических наблюдений, занимался делами Русского Географического общества, вёл многочисленную переписку. В «Записках Русского Географического общества» сохранились описания всех его путешествий. Известны его научные открытия в области географии и практической астрономии.

По сей день имя учёного и путешественника Михаила Певцова остаётся в тени более известных исследователей

Центральной Азии – Н. М. Пржевальского и П. К. Козлова. А, между тем, таким учёным-исследователем и путешественником, как он, могла бы гордиться любая страна мира!

Посмертно Михаил Певцов был награждён орденом святого Владимира 4-й степени. В память об учёном Омским отделением Географического общества России учреждена премия его имени. На Алтае в истоках реки Канас в Синьцзяне именем Певцова был назван ледник [5]. В г. Сиэтле (США) установлен памятник Михаилу Певцову. Его имя носит одна из центральных улиц Омска, а в 1975 году в его честь установлена мемориальная доска.

Три десятилетия спустя после смерти Михаила Васильевича, французский лётчик и писатель Антуан де Сент-Экзюпери написал: *«Они не слишком привязаны к своему жилью, им не даёт покоя древняя азиатская страсть к странствиям – караваном, под светом звёзд. Это племя вечно устремляется на поиски: Бога, правды, будущего...»*.

Эти слова сказаны словно о Михаиле Васильевиче Певцове – удивительном человеке и патриоте своей страны.

ПУТЕШЕСТВІЕ
ПО
ВОСТОЧНОМУ ТУРКЕСТАНУ,
КУНЪ-ЛУНЮ,
СѢВЕРНОЙ ОКРАИНѢ ТИБЕТСКАГО НАГОРЬЯ
И
ЧЖУНГАРІИ
ВЪ 1889-МЪ И 1890-МЪ ГОДАХЪ.

ОТЧЕТЪ ВЫЗВАНАГО НАЧАЛЬНИКА ТИБЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦІИ
М. В. ПѢВЦОВА,
Генеральнаго Штаба Генераль-Майора, дѣйствительнаго члена Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и почетнаго члена-корреспондента Лондонскаго Королевскаго Географическаго Общества.

съ картой и 40 фототипіями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1895.

Титульный лист книги М. Певцова Путешествие по Восточному Туркестану... 1895 г.

ПРИМЕЧАНИЯ:

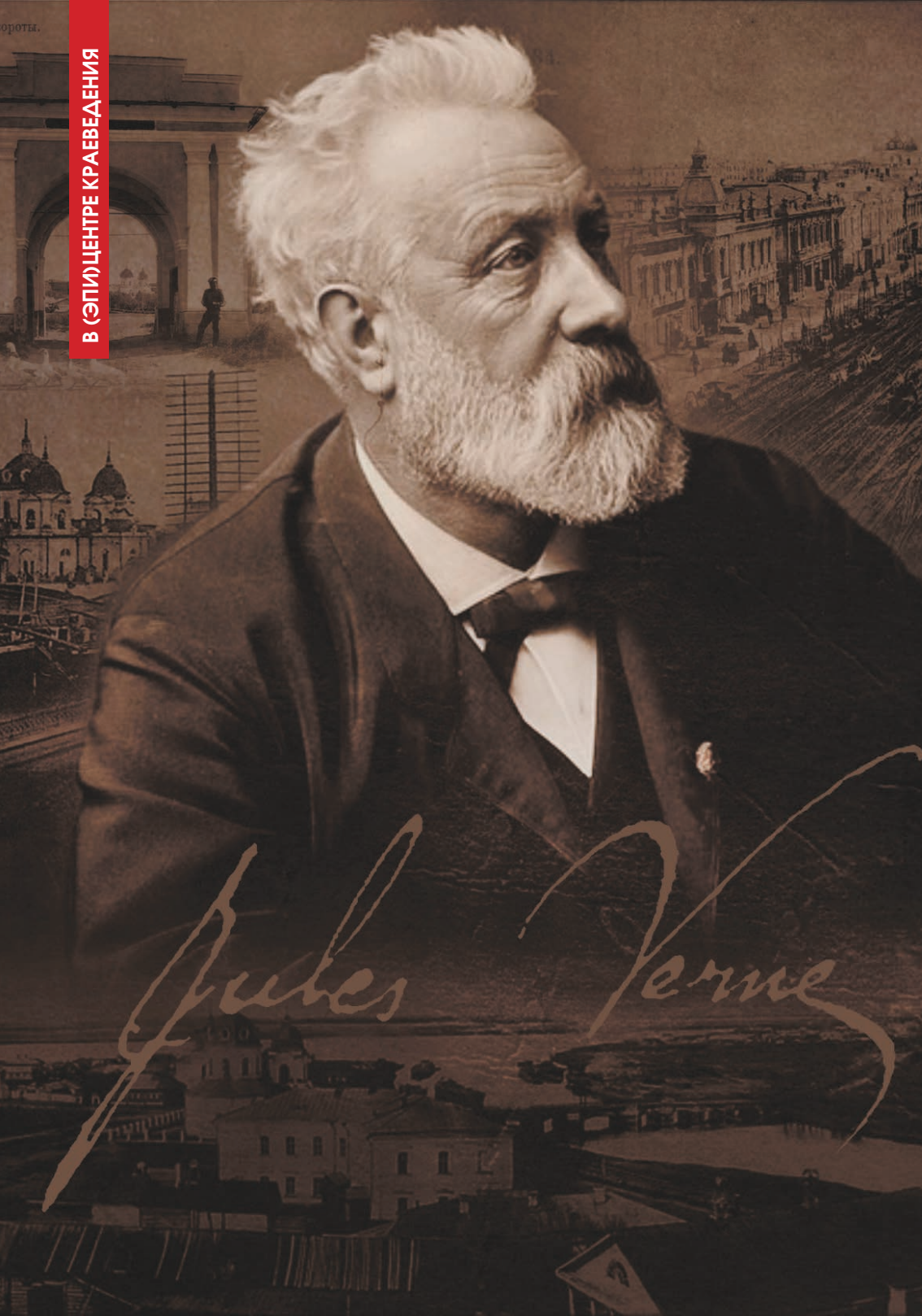
1. Огурцов Сергей Алексеевич (1913-1973) - родился в окт. 1913 г. в г. Омске. Образование получил на первом ускоренном курсе географического факультета в ОмГПИ им. А. М. Горького (1938-1941 гг.). По окончании, с января по май 1942 г. учился на курсах «Выстрел» (г. Новосибирск), получил воинское звание «лейтенант». В годы Великой Отечественной войны воевал на Волховском и Ленинградском фронтах. С 1946 по 1973 г. работал на кафедре географии ОмГПИ. После войны, майор в отставке, работал ассистентом, деканом естественно-географического факультета, преподавал в Омской школе милиции. Читал курс общего землеведения, историю географических открытий, а также факультативный курс «Топонимика». Автор ряда работ по топонимике Омской области. В начале 70-х годов под его руководством вышло 2-е издание словаря топонимических названий. Всего опубликовано более 20 научных статей по топонимике, об исследователе Центральной Азии М. В. Певцове и другие.

2. Огурцов С. А. Михаил Васильевич Певцов - географ-путешественник (1843-1902) / С. А. Огурцов. - Омск, 1960.

3. Омский историко-краеведческий словарь. - М., 1994. - С. 200-201.

4. Записки Западно-Сибирского Отдела Императорского Русского Географического общества. - Омск, 1879. Кн. 5: Очерк путешествия по Монголии и Северным провинциям внутреннего Китая: с картою Монголии / М. В. Певцов. - 1883. - IV, 354.

5. Большая Советская Энциклопедия : [в 30 т.] / гл. ред. А. М. Прохоров. - 3-е изд. - Москва, 1975. - [Т.] 19. - С.295 ст. 871.

Jules Verne

«ОМСКИЕ СТРАНИЦЫ» В ТВОРЧЕСТВЕ ЖЮЛЯ ВЕРНА

Анатолий Штырбул

В 80-е гг. XIX века маленький провинциальный Омск, утопавший весной и осенью в грязи, летом в пыли, а зимой в снегу, стал известен во всём, по крайней мере, читающем мире. Два писателя, столь не похожие в своём творчестве, сошлись в одном – сделали Омск знаменитым. Первым был Ф. М. Достоевский с его «Записками из Мёртвого дома» – произведением глубоко реалистическим. Пусть слава Омска в связи с этим произведением сомнительная, но, всё же, всемирная!

Вторым был... Жюль Верн с одним из наиболее читаемых своих произведений за границей и долгое время почти неизвестным у нас романом «Михаил Строгов».

Не будет преувеличением сказать, что роман «Михаил Строгов» в Европе и Америке вот уже более 100 лет входит в первую десятку наиболее популярных и любимых приключенческих книг, таких, как «Остров сокровищ» и «Чёрная стрела» Стивенсона, «Зверобой» и «Последний из могикан» Купера, «Три мушкетёра» Дюма и, наконец, «Таинственный остров», «Пятнадцатилетний капитан» и «Дети капитана Гранта» самого Жюля Верна.

«Но при чём тут Омск? – спросите вы. – Какое отношение наш город имеет к творчеству Жюля Верна?». Самое прямое. Дело в том, что главный герой романа, царский фельдъегерь, молодой, красивый и бесстрашный офицер Михаил Строгов, волею великого писателя – наш с вами земляк, сибирский казак и по рождению омич. Обратимся к тексту:

«Строгов, как сибирский уроженец, хорошо знал не только местность, по которой ему предстояло проехать, но также и

наречия многочисленных народностей, населяющих её. Детство и раннюю молодость он провёл в своём родном городе Омске, где старуха-мать его осталась доживать свои дни, овдовев лет за десять до начала нашего рассказа» [1].

Исторический фон романа необычен, и многих, особенно знакомых с историей, удивит. Начало 1860-х гг. На огромной территории Туркестана, Степного края и Южной Сибири полыхает грандиозное антироссийское восстание мусульманских народов – казахов и татар при поддержке Бухарского эмирата. Во главе восстания – некто Иван Огарёв, сын двух народов: русского (по отцу) и татарского (по матери). Он – бывший офицер и бывший каторжник, прощённый императором, но отплативший за великодушие чёрной неблагодарностью. Восставшие, опираясь на помощь вступившего в пределы Сибири войска жестокого бухарского эмира Феофар-хана, берут под свой контроль огромную территорию, захватывают Ишим, Омск, Томск и движутся к Иркутску, в котором находится в это время брат императора Александра II. С особым заданием из Москвы в Иркутск, по поручению царя, через территорию, захваченную восставшими, и отправляется Михаил Строгов...

«Что это? – спросит дотошный читатель. – Первое в мировой литературе произведение в жанре «historical fantasy»»? Но не будем столь строго подходить к определению жанра данного произведения. Великому мастеру позволено если не всё, то очень многое. Тем более что, в отличие от исторического антуража, географический выверен значительно точнее: если не на 100 %, то уж на 98 % наверняка. Мелькают, а то и властно вторгаются в повествование знакомые географические названия: Урал, Екатеринбург, Ишим, переправа через Иртыш, Омск и даже его кварталы, Барабинская степь, озеро Чаны (Чанг, в употребляемой Жюлем Верном транскрипции), Колывань, Томск, Енисей, Красноярск, Ангара, Байкал и, наконец, конечный пункт путешествия – Иркутск.

Порой просто удивляешься точности и выверенности географического фона романа. А секрет прост: Жюль Верн был ведь ещё и великим географом, составителем географических описаний и атласов и пользовался большим количеством карт не только при написании этого романа, но и других. Кроме того, у него были солидные консультанты-эксперты: известный географ (он же революционер-анархист) князь П. А. Кропоткин, хорошо знавший Сибирь, и писатель И. С. Тургенев [2]. Поэтому «развесистой клюквы», в тени которой пил чай один из героев Дюма в России, в романе Жюля Верна мы не встретим.

«Но, – скажет нам читатель, – не бывает романа без любви или хотя бы любовной завязки». Конечно же, и это есть в романе. По дороге в Сибирь Михаил Строгов знакомится с девушкой удивительной красоты – Надеждой Фёдоровой, которая

тоже следует в Иркутск, но цели их совершенно разные. Надя после смерти матери едет из Риги к отцу, осуждённому на поселение в ссылку за хранение нелегальной литературы. Дорога делает Михаила и Надю спутниками, а лишения и приключения сближают. Рождается чувство, которому суждено выдержать тяжёлые и трагические испытания: при переправе через Иртыш южнее тогдашней городской черты (уточним: это район современного железнодорожного моста, а тогда – почти безлюдный берег), на них нападают бухарцы и похищают девушку, а Михаил, тяжело раненный, едва выживает, спасённый рыбаком. Перед ним дилемма: спасать любимую или выполнять царское поручение. Конечно, государственный долг – прежде всего, но... Михаил задерживается в захваченном мятежниками Омске. И здесь на его долю выпадают едва ли не самые тяжёлые испытания: его мать узнаёт сына и невольно выдаёт его...

Жюль Верн описывает Омск так, будто жил в нём или хотя бы бывал проездом и был свидетелем событий:

«Омск, один из главнейших городов Западной Сибири, разделялся в это время на два квартала: в одном помещались присутственные места и сам губернатор, другой был населён коммерсантами. Город был окружён небольшой стеной с башнями по углам, но эта защита была незначительна. Мятежники беспрерывно получали подкрепления, а главная их сила заключалась в том, что ими предводительствовал изменник Иван Огарёв, человек очень образованный и храбрый» [3].

Чудом вырвавшись из Омска, Михаил продолжил свой путь в Иркутск. Нужно ли говорить, что этот путь он проделал с Надеждой? Более того, если бы не она, не выполнить бы фельдъегерю задание императора...

Итак, в романе пересекаются относительно точная география и виртуальная, почти фантастическая история. Автора частенько обвиняли в вольном обращении с Клио. Может быть, именно в этом кроется одна из причин, по которой роман, напечатанный в России в 1900 г., снова был переиздан только через 90 лет, – в 1992 году.

Судите сами. Ни грандиозного мусульманского восстания, которое бы угрожало отпадением Сибири от России, ни изменника Огарёва, возглавившего это восстание, ни осады Омской крепости объединёнными силами казахов (у Жюля Верна – «киргизцев» – именно так тогда называли их в России), татар и бухарцев – ничего этого в 1860-е гг. не было!

Но, не было – не значит, что не могло быть. История иногда многовариантна, и вариант, запечатлённый великим художником слова, вполне вырисовывался на историческом горизонте и довольно долго угрожал Южной Сибири, в том числе Омску. Обратимся к реальной истории.

Середина XIX века. Россия продолжала продвижение на Юг, в Среднюю Азию, присоединяя где мирно, а где и с

боями новые земли. Совсем недавно до этого Омск перестал быть пограничным городом. В 1854 г. на реке Алмата была заложена русская крепость Верный (ныне город Алматы в Казахстане). В 1864-65 гг. шла война с Кокандским ханством, и в 1865 г. русские войска взяли Ташкент. Победа была близка, но в российские дела вмешалась Бухара. В 1866-68 гг. шла война России с Бухарским эмиратом. Коканд и Бухара были побеждены и признали вассальную зависимость от России. В 70-х – 1-й половине 80-х гг. XIX в. продвижение на Юг продолжалось. Хивинский поход, присоединение туркменских племён, занятие Мервского оазиса (ныне г. Мары в Туркменистане), едва не приведшее к войне с Англией, продвигавшейся в Среднюю Азию с территории Индии и страшно обеспокоенной успехами России. В дипломатическом лексиконе в связи с этими событиями даже возник новый глагол – «мервировать»... Относительно спокойно было в добровольно присоединившемся к России Киргизском крае (Казахстане)[1], но только до поры...

Взрывоопасную, накалённую обстановку в Центральной Азии Жюль Верн сумел уловить и нарисовал нам один из возможных вариантов развития событий. Со стороны ведь иногда бывает виднее. Нам остаётся лишь радоваться, что тогда всё более-менее обошлось. Насколько дальнейшее обострение событий в Средней Азии и Казахской степи было бы опасно, можно судить не только по роману Жюля Верна. Восстание, очень похожее на то, что изображено в романе, всё-таки произошло, спустя 50 лет после мифического! Оно было не менее грандиозным и страшным, чем в романе!

Ещё раз обратимся к истории. Лето 1916 года. На обширной территории российской Внутренней Азии вспыхнуло стихийное массовое сопротивление узбеков, казахов, киргизов, туркменов, а также некоторой части таджиков, каракалпаков, дунган, уйгуров, алтайцев, направленное против царского колониального режима, военного призыва на тыловые работы и, в известной мере, против местной феодально-байской знати. В совокупности всех своих очагов и форм оно стало крупнейшим национально-освободительным движением за всю историю царской России. Недовольство копилось годами, но непосредственным толчком к волнениям и восстанию стал Царский Указ от 25 июня 1916 г. о мобилизации на военно-тыловые работы коренного мужского населения (по закону в Русской армии не служившего) в возрасте от 19 до 43 лет. В течение июля движение охватило Самаркандскую, Ферганскую, Сырдарьинскую, Закаспийскую, Семиреченскую, Тургайскую, Уральскую, Семипалатинскую и Акмолинскую (Омскую) области. В границах территории, охваченной волнениями, проживало более 10 млн. жителей, относящихся, в большинстве, к «туземному» населению [4]. Отряды восставших взяли под контроль часть территории, использовали партизанскую тактику рейдов и налётов, стали появляться вблизи административных центров, угрожая Ташкенту, Самарканду, Верному, Пишпеку, Семипалатинску, Акмолинску, Омску.

Советские историки делали упор на классовую (антифеодальную и антибайскую, бедняцко-интернациональную) составляющую этого восстания. И она действительно была, но, – не везде. В ряде районов феодально-клерикальным элементам удалось организовать выступления под реакционными панисламистскими лозунгами (в некоторых местностях Самаркандской, Семиреченской и Закаспийской областей). Здесь восстание приняло резко выраженный националистический, антирусский характер. Турецкая и германская агентуры пытались использовать восстание в своих целях (не забудем: шла Мировая война), но каких-то серьёзных успехов достичь не сумела. Между прочим, штабом Омского военного округа были получены сведения, что одной из групп восставших руководил турецкий офицер [5]. В тяжелейшее положение

[1] Мы говорим: «относительно спокойно», так как в 1837-1847 гг. здесь всё же прогремело довольно значительное восстание Кенесары Касымова (в том числе и в относительной близости от Омска); любопытно, что информация об этом восстании обнаружена в архивных материалах Жюля Верна (см.: Абдакимов А. История Казахстана (с древнейших времён до наших дней). Алматы, 2001. - С. 175), и есть основания считать, что при написании романа «Михаил Строгов» Жюль Верн опирался на некоторые детали событий данного восстания, известные ему, видимо, из европейских газет.

попало русское и русскоязычное население, оказавшееся в зоне восстания. Переселенческие сёла и казачьи станицы создавали отряды самообороны и, ожидая помощи из Омска, Ташкента, Верного, как могли, отбивались от повстанцев.

В июле-сентябре 1916 г. «пылающие языки» восстания полукольцом подступали к Омску с юго-востока, юга и юго-запада: в этих направлениях уже в 150-200 км от города начиналась зона очаговых боевых действий, хотя омская пресса об этом прямо не писала, и информацию можно было почерпнуть только «между строк». В оперативных же сводках военных, полицейских и административных учреждений среди очагов восстания и действий по его подавлению мелькают пункты и местности в относительной близости от Омска: Петропавловский и Кокчетавский уезды Акмолинской области, Павлодарский уезд Семипалатинской области, урочище Боровое Кокчетавского уезда, Покровская и Кзыл-Гакская волости Омского уезда.

Восстание полыхало местами более полугода до февраля 1917 г., а отдельные его очаги тлели и дольше, напомнив сначала царизму, затем Временному правительству (а на перспективу – и Советской власти), что «Восток – дело тонкое». А впереди были ещё: двадцатилетняя эпопея борьбы с басмачеством; многолетнее пламя Афганистана; чудовищная гражданская война в Таджикистане в 1992-97 гг. с толпами таджикских беженцев на вокзалах и улицах сибирских городов. И реалии совсем недавнего прошлого и настоящего: дискриминация русских в суверенных республиках Средней Азии; поток с юга русских беженцев в Россию; угроза продвижения афганских талибов на север; подпольный афганский «наркотрафик» через Среднюю Азию в Россию и Европу; противодействие так называемому ИГИЛ...

И вот весь этот драматизм соприкосновения России и Востока Жюль Верн чуткой душой художника уловил ещё в середине XIX века. Он оказался, может быть, и сам того не ведая, политическим пророком, заглянувшим на несколько десятилетий, а, может быть, и на несколько столетий вперёд. На такое способен только действительно выдающийся художник с великим даром предвидения.

Но вернёмся к роману. Его часто переиздают на Западе, особенно во Франции. В 1970-х гг. был даже создан многосерийный телефильм «Мишель Строгов» [6]. В то время иностранцам пробраться в Сибирь и, тем более, в Омск, было по известным причинам почти невозможно, поэтому авторам фильма пришлось забыть о съёмках с натуры. Экзотику Барабинской степи французы снимали в Патагонии, а Омскую крепость и кварталы нашего города – в парижском кинопавильоне.

Путешествие по «строговскому маршруту» с отсылкой репортажей из каждого пункта следования летом 1992 г. совершили корреспондент парижской газеты «Диманш» Клод-Мари Вардо и профессор географии из Парижа Даниэль Эдель. В середине июля 1992 г. они посетили Омск. Вместе с ними была фотокорреспондент западногерманского агентства «Фокус» Виктория Ивлева [7].

Французам очень понравилось в Сибири, особенно на «родине» Михаила Строгова – в Омске. Они дружно отметили радушный, приветливый характер сибиряков. Даже милиция у нас, оказывается, отличалась в этом отношении от милиции Центральной России! В Омске путешественники дали небольшое интервью газете «Омская правда» и отправились на восток, к Иркутску [8].

Есть данные, что в «застойные времена» одна французская турфирма попыталась предложить Интуристу туристический маршрут по «строговским местам», но не встретила понимания [9]. Не настало ли время российским турфирмам, в том числе и омским, сделать встречное предложение?

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Верн Ж. Михаил Строгов; Пять недель на воздушном шаре: Романы / Пер. с фр. М.: Раритет, 1992. С. 14.
2. Стрелков Е. По следам героев Жюля Верна // Омская правда. 1992. 21 июля.
3. Верн Ж. Указ. соч. С. 45-46.
4. Восстание 1916 года в Средней Азии и Казахстане: Сб. документов. М.: Изд-во АН СССР, 1960. С. 8, 794.
5. Там же. С. 489-492.
6. Осипов В. Вместо предисловия // Верн Ж. Указ. соч. С. 3.
7. Стрелков Е. Указ. соч.
8. Там же.
9. Осипов В. Указ. соч. С. 3.

Николай II с дочерьми на крыше оранжереи в Тобольске весной 1918 г.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Владимир Панасенков

Ежегодно 16-17 июля в Санкт-Петербурге, Тобольске и Екатеринбурге проводятся Царские дни в память о последнем Российском Императоре и его семье. С 2010 года «Дни Царской семьи» проходят и в Любино, так как именно станция Любинская стала последней большой остановкой на пути императора в Екатеринбург. Сегодня открываются новые подробности этой воистину детективной истории недолгого пребывания Николая II на Омской земле.

ГЛАВНЫЙ АРЕСТАНТ

После Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года уже отрёкшийся от престола Николай II по требованию петроградских рабочих был арестован и вместе с семьёй посажен под домашний арест в Александровском дворце в Царском Селе. Затем по решению Временного правительства 1 августа низложенный император был отправлен дальше от революционной столицы в Тобольск.

Вместе с ним в ссылку поехали его жена – императрица Александра Фёдоровна, дочери Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия и больной гемофилией наследник престола Алексей. Семью сопровождала многочисленная прислуга. В этом старинном сибирском городе царскую семью поселили под охраной в бывшем двухэтажном губернаторском доме – не царский дворец, но всё же лучший дом в городе. Содержание было весьма свободным. Летом семейство ходило на реку Иртыш купаться

Император Николай Романов

и ловить рыбу. Николай Романов пилил дрова, много читал и молился в церкви. А весной любил греться на солнышке на крыше оранжереи.

Но идиллия закончилась с октябрьским переворотом 1917 года, который позже стали именовать Великой Октябрьской социалистической революцией. Вскоре появилась идея провести показательный судебный процесс над Николаем Романовым с участием Льва Троцкого, как общественного обвинителя. В воспоминаниях екатеринбургского чекиста М. А. Медведева (Кудрина) читаем: «Именно всероссийский суд! – доказывал Ленин Свердлову. – Посчитать, какой людской и материальный урон нанёс самодержец стране в годы царствования. Сколько повешено революционеров, сколько погибло на каторге, на никому не нужной войне! Чтобы ответил перед всем народом».

По замыслу большевиков суд окончательно должен был развеять веру в «доброго» царя-батюшку. Впервые это предложение было озвучено председателем ВЦИК (фактически руководителем государства) Я. М. Свердловым на заседании президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в марте 1918 года. Одновременно руководство считало Тобольск ненадёжным местом для содержания Романовых, так как там были сильны монархические настроения и ходили слухи о некой офицерской банде, стремившейся освободить царя.

К тому же на заседании Совнаркома РСФСР говорилось, что с охраной бывшего царя дело «обстоит далеко неблагополучно, часть охраны разбежалась, окрестные крестьяне подкуплены». Поэтому для усиления охраны пленников в Тобольск был направлен отряд в сотню красногвардейцев из Омска под командованием уполномоченного Запсибсовдепа А. Демьянова с назначением его чрезвычайным комиссаром города и уезда. Однако омичи общего языка с местной властью не нашли, о чём зампредседателя Уралоблсовета Б. В. Дидковский 13 апреля 1918 г. докладывал Ленину и Свердлову: «В Тобольске разложение. Там омский комиссар Демьянов с отрядом отказывается подчиняться местному исполкому. Боимся вооруженного столкновения его отряда и солдат Керенского с нашими латышами и матросами». Демьянов даже выдвигал местным властям ультиматум в 36 часов.

Эта разборка нашла своё отражение в личном дневнике Николая II: *«Здешняя дружина расформировалась... Так как все-таки наряды в караулы должны нестись по городу, из Омска прислали команду для этой цели. Прибытие этой «красной гвардии», как теперь называется всякая вооруженная часть, возбудило тут всякие толки и страхи».*

Николай Романов и цесаревич Алексей пилят дрова. Тобольск

Поэтому было решено перевезти пленников из Тобольска через Тюмень в Екатеринбург, где власть принадлежала крепкому Уральскому Совету, состоящему из лично знакомых Якову Михайловичу стойких большевиков (в 1917 году Свердлов руководил Уральской областной парторганизацией, поэтому и город назвали его именем).

Ещё 9 апреля Уральский Совет получил от Свердлова следующую телеграмму: «Дорогие товарищи! Сегодня по прямому проводу предупреждаю вас о поездке к вам т. Яковлева. Мы поручили ему перевезти Николая II на Урал. Наше мнение – пока поселите его в Екатеринбурге. Решайте сами, устроить ли его в тюрьме или же приспособить какой-либо особняк. Без нашего прямого указания Николая II никуда не увозите. Задача Яковлева – доставить Николая II в Екатеринбург живым и сдать председателю Белобородову или Голощёкину».

К. А. Мячин (псевдоним В. В. Яковлев)

РОКОВОЕ РЕШЕНИЕ

Высокого роста худощавый особо уполномоченный ВЦИК Василий Васильевич Яковлев щегольски носил полуофицерский костюм. Императрица писала о нём, что он похож на «рабочего инженера». Уполномоченный готовил поездку основательно. От Тобольска до Тюмени на протяжении 200 вёрст на каждом придорожном пункте для смены лошадей дежурил кавалерист. Присланный из Уфы воинский отряд для охраны Романовых усилили уральскими и омскими конными дружинами.

Прибыв в Тобольск, Яковлев нанёс визит к низложенному царю. Причём полковник Кобылинский, сменивший статус начальника охраны на коменданта здания, витиевато представил гостя с мандатом за подписью председателя ВЦИК Свердлова как «специального уполномоченного нынешнего правительства России, избравшего своей резиденцией Московский Кремль». Комиссар познакомился с семейством, в том числе и с лежащим в постели больным цесаревичем Алексеем, и на следующий день огласил приказ о переезде одного Николая Романова.

Однако Александра Фёдоровна захотела ехать с мужем. По воспоминаниям Яковлева, императрица обронила: «Я боюсь, как бы он один не наделал там глупостей...». С собой в компанию она взяла дочь Марию, несколько слуг и князя Василия Долгорукова.

В 6 часов утра 26 апреля 1918 года от бывшего дома тобольского губернатора под усиленной охраной отъехал кортеж из 11 троечных и 8 парных экипажей. Тарантасы и сибирские кошевы были забиты под завязку багажом царской семьи, пленниками и охраной из стрелков и пулемётчиков. В общей сложности путь до Тюмени занял 40 часов. Проезжая село Покровское, по просьбе Александры Фёдоровны кортеж сделал остановку у дома убиенного Григория Распутина, который имел на императрицу большое влияние.

Несмотря на то, что операция держалась в тайне, а в сибирских деревнях не было телефонной связи, жители придорожных селений заранее забирались на колокольни, крыши и заборы, чтобы посмотреть на проносящегося мимо быв-

шего российского императора. Однако ликования уже не было – только простое любопытство.

В Тюмени пленников посадили на специальный «внеочередной поезд № 42 Самарско-Златоустовской железной дороги» из пяти вагонов, который должен был доставить их в Екатеринбург. Но дальше события неожиданно пошли не по плану.

ЗАГОВОР УРАЛЬСКОГО ОТРЯДА

28 апреля 1918 года в 5 часов утра, проехав один перегон от Тюменского вокзала в сторону Екатеринбурга, по устному распоряжению Яковлева поезд повернул назад и с потушенными огнями проскочил Тюмень. А затем погнал по недавно построенной ветке в Омск до разъезда Куломзино (ныне Карбышево), чтобы потом через Петропавловск, Челябинск и Уфу, минуя Екатеринбург, взять курс на Москву. Линию Тюмень – Омск сдали в 1913 году в год 300-летнего юбилея царской династии. Через 4 часа, узнав об изменении маршрута, Уральский Совет на экстренном заседании исполкома объявляет Яковлева изменником делу революции и ставит его вне закона.

По указанию уральских большевиков конный отряд милиции из Омска срочно выехал на узловую станцию Куломзино с целью задержать литерный поезд и мятежного уполномоченного.

Долгое время, такое, на первый взгляд, самовольное решение Яковлева порождало различные догадки и гипотезы о спасении императора. У историков даже появился термин «авантюра комиссара Яковлева». Однако, опубликованные в последние годы малоизвестные архивные материалы телеграфных переговоров свидетельствуют о целом заговоре в стане уральских большевиков. Смена маршрута была вызвана реальной угрозой жизни пленникам и самому Яковлеву.

К комиссару Яковлеву перед отъездом из Тобольска пришёл красногвардеец А. И. Неволин из Уральского отряда и

Фото императорской семьи Романовых

сделал письменное заявление о предполагаемом нападении на конвой, сопровождающий Николая II. Неволин заявил, что на собрании бойцов отряда помощник инструктора Пономарёв и инструктор Богданов сообщили тайный план: *«По дороге к Тюмени сделаем засаду. Когда Яковлев поедет с Романовым, как только сравняются с нами, вы должны из пулеметов и винтовок весь отряд Яковлева ссечь до основания. И никому ничего не говорить. Если кто станут спрашивать, какого вы отряда, то говорите, что московского, и не сказывайте, кто у вас начальник, потому что нужно это сделать помимо областного и вообще всех Советов».* На что Неволин возразил: *«Если комиссар Яковлев, командированный над ним, от Совета Народных Комиссаров, так он и должен его представить туда, куда ему велено. Мы разбойниками не были и быть не можем, чтоб из-за одного Романова расстрелять своих же товарищей-красноармейцев, как и мы».*

СПАСТИ СЕБЯ И БЫВШЕГО ЦАРЯ

Николай II около ж. д. вагона перед отправкой

Поэтому-то накануне отъезда из Тюмени, Яковлев предупредил председателя ВЦИК Я. М. Свердлова об изменении маршрута следования телеграммой: *«Маршрут пришлось изменить по следующим чрезвычайным обстоятельствам. Из Екатеринбурга в Тобольск прибыли специальные люди для уничтожения багажа* (так шифровали Николая II – Авт.). *Отряд особого назначения дал отпор – едва не дошло до кровопролития* (Это произошло во время ночёвки в селе Ивлево на полдороги из Тобольска в Тюмень – Авт.).

Екатеринбуржцы дали мне намек, что багаж довозить до места не надо. Они просили меня, что бы я не сидел рядом с багажом. Это было прямым предупреждением, что меня могут тоже уничтожить .... Не добившись своей цели ни в Тобольске, ни в дороге, ни в Тюмени, екатеринбургские отряды решили устроить мне засаду под Екатеринбургом. Они решили, если я им не выдам без боя багажа, то решили перебить нас... Четвертая, пятая и шестая роты красноармейцев готовят нам засаду. Я вас предупредил... Итак, отвечай: ехать мне в Екатеринбург или через Омск в Симский горный округ (в Башкирии – **Авт.**). *Жду ответа. Стою на станции с багажом».*

Москва не замедлила с ответом: *«У аппарата Свердлов. ... **Поезжай в Омск*** (выделено Авт.), *по приезду телеграфируй. Явись к председателю совдепа Косареву Владимиру* (его имя носит одна из улиц Омска – Авт.), *вези все конспиративно, дальнейшие указания дам в Омске. Двигай. Ушел. ... До свидания».* Таким образом, вопреки бытующему у краеведов мнению о самовольной авантюре комиссара по угону поезда, Яковлев направил спецпоезд в Омск по согласованию с председателем ВЦИК. Одновременно Яковлев дал телеграмму военному комиссару Уралоблсовета Ф. И. Голощёкину о намерении екатеринбургских отрядов захватить поезд с царской семьёй – *«У Вас в Екатеринбурге течение среди отрядов сильное, чтобы уничтожить багаж».*

Тем не менее, председатель Уралоблсовета А. Г. Белобородов 28 апреля в 15 час. 50 мин. разослал по станциям грозную телеграмму, объявляющую комиссара Яковлева *«вне рядов революционеров»* и предлагал *«всем советским революционным организациям, в особенности Омскому совдепу, принять самые решительные экстренные меры и включительно до применения вооруженной силы для остановки поезда бывшего царя. Комиссар Яковлев должен быть арестован вместе с лицами его отряда, ко-*

торые будут сопротивляться... Все предыдущие шаги бесспорно свидетельствуют о преступном замысле, осуществляемом Яковлевым».

28 апреля в 18 час. 50 мин. в Москве был принят телеграфный запрос Екатеринбургского совдепа В. И. Ленину и Я. М. Свердлову о действиях комиссара Яковлева. В нём сообщалось, что *«Теперь поезд с Николаем находится около Омска... Считаем такой поступок изменническим».* Это значит, что около 9 часов вечера по омскому времени литерный поезд уже стоял на ст. Любинская, что в 54 км от Омска.

Но, в тот же день Свердлов в телеграмме руководству Уралоблсовета подтвердил полномочия В. В. Яковлева: *«Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 часа утра указаниям».*

ПЕРЕГОВОРЫ В КУЛОМЗИНО

Яковлев узнал о зловещей телеграмме Белобородова по прибытии на ст. Любинская. Оставив состав на первом пути и отцепив паровоз с одним вагоном, комиссар поехал в Омск на переговоры. Но дальше Куломзино омские большевики его не пропустили. Отсюда комиссар послал телеграмму Свердлову: *«Несомненно, я подчиняюсь всем приказаниям центра. Я отвезу багаж, куда скажете... Если Вы отправите багаж в Симский округ (Уфимской губернии), то Вы всегда и свободно можете его увести в Москву или куда хотите. Если же багаж будет отвезен по первому маршруту (в Екатеринбург), то сомневаюсь, удастся ли Вам его оттуда вытащить».* Эти слова комиссара оказались пророческими.

Пока Яковлев по телеграфу вёл переговоры с Москвой, член президиума Уралоблсовета Г. И. Сафаров 29 апреля в 00 час. 20 мин. по телеграфу связался с председателем Западно-Сибирского Совета В. М. Косаревым. Между ними по прямому проводу с помощью телеграфной ленты состоялся следующий разговор:

(Косарев) – *Я, Косарев.*

(Сафаров) – *Говорит Сафаров. Где поезд № 42?*

(Косарев) – *Яковлев со своим добром прибыл в Омск. Сейчас разговаривает с Москвой.*

(Сафаров) – *Мы тоже говорили уже с Москвой. Вопрос выяснен. Яковлев должен ехать обратно сюда* (в Екатеринбург – Авт.) *со своим добром. Таков приказ Председателя ВЦИК и Председателя Совнаркома. Как обошлось дело с прибытием, было ли столкновение?*

(Косарев) – *Мы с ним быстро сговорились. Столкновения не было. Прошу вас – уральских работников – не делать сепаративных выступлений и в данном случае точно выполнять наказ Москвы... Благодаря вашим не совсем обдуманным решениям ...* (далее документ обрывается – Авт.)».

Косарев и Яковлев «быстро сговорились» потому, что давно знали друг друга ещё по эмиграции со времён учёбы в партийной школе на Капри (Италия).

И действительно, пока поезд с «багажом» с остановками на станциях через каждые 50 км для заправки водой к вечеру 28 апреля 1918 года доехал до Любино, уральцы заставили своего бывшего соратника по подполью Свердлова отменить своё недавнее решение о направлении спецпоезда в Омск.

Поэтому, находясь в Куломзино, Яковлев получил из Москвы следующую телеграмму: *«Немедленно двигай обратно в Тюмень. С уральцами сговорились. Приняли меры – дали гарантии личной ответственности областников. Передай весь груз представителю Уральского облисполкома. Поезжай сам вместе с ними... Ты выполнил самое главное. Возьми у Владимира Косарева, председателя совдепа в Омске, подкрепление. Уверен в точном исполнении всех указаний. Привет. Свердлов».*

Косарев той же ночью 29 апреля разослал телеграфное распоряжение об отмене приказа арестовать Яковлева: *«Военное. Вне всякой очереди. Посланную телеграмму из Екатеринбурга за № 3507 за подписью Белобородова от*

28 апреля прошу немедленно аннулировать. Это результат преступного недоразумения. Яковлев действует только по распоряжению Всероссийского ЦИКа. В данном случае его направление на Омск было дано ему предписанием Председателя Свердлова, что подтверждено в моем присутствии по прямому проводу».

ПОСЛЕДНЯЯ ОСТАНОВКА

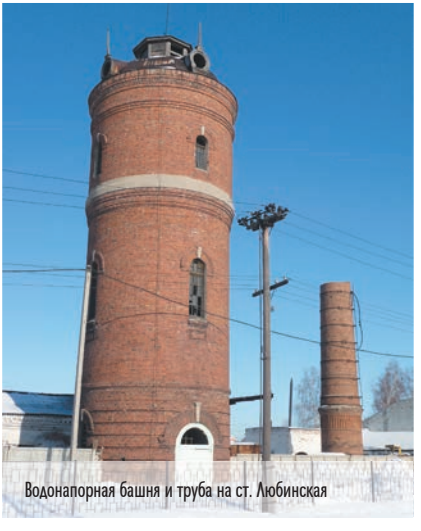

Вокзал станции Любинская

Тем временем вагоны с бывшим императором, его женой и Великой княжной Марией весь вечер воскресного дня 28 апреля накануне Страстной недели стояли на ст. Любинская (остальные оставались в Тобольске). Тогда это была маленькая станция на одноколейной тюменской ветке для заправки паровозов водой. Здесь кроме краснокирпичного здания вокзала возвышались водонапорная башня и дымящая труба водонасосной станции, так как насос приводился в движение снятым с паровоза двигателем.

Вокзал и башня сохранились до наших дней и являются немыми свидетелями тех событий. Во время вынужденной остановки немногочисленные местные обыватели, транзитные пассажиры и работники станции узнавали с детства знакомый по портретам ещё недавно почитаемый лик свергнутого монарха. Никакой возможности бежать пленникам со станции не было – поезд охранялся. Оставалось только покориться судьбе.

Во время горбачёвской перестройки и гласности заговорили и очевидцы того дня. Так, ровесник XX века 90-летний житель р.п. Любинский Роман Холявкин вспоминал: *«Мне уже 18 тогда исполнилось. Населения здесь было немного. Весть о том, что на станции стоит царёв вагон, разлетелась по округе. Царскую семью везли в Омск. Мы и побежали смотреть. Здесь в Любино паровоз почему-то отцепили, и он ушёл в сторону города, а вагон с государем оставили.... Я ближе подошёл к вагону и смотрю – охрана там, как положено. И вдруг царя увидел. Он прошёлся по вагону, остановился у окна и тоже на меня посмотрел. Настоящий царь! Таким его на картинках рисовали: с бородкой, с усами, одет по-царски. Вот так это было. Мы знали, что с престола царя скинули».*

Водонапорная башня и труба на ст. Любинская

«В ОМСКЕ НАС НЕ ЗАХОТЕЛИ ПРОПУСТИТЬ!»

О чём думал последний император Российской империи, вглядываясь в лица любинцев, трудно предугадать. Возможно, он вспоминал, как, будучи цесаревичем, приехал на Омскую землю в 1891 г. Тогда к его приезду в Омске специально соорудили Царские ворота (не сохранились) и подносили подарки. Восторженные горожане ликовали на площади Никольского Казачьего собора, а он их приветствовал со специально построенного балкона на фасаде здания хозяйственного управления Сибирского казачьего войска (ныне Омский юридический институт на ул. Короленко, 12). Николай заложил монеты в фундамент строящегося Успенского собора. И как вдруг всё резко изменилось в настроениях подданных. К таким переменам последний представитель Дома Романовых не был готов.

Сохранились дневниковые записи Николая II, сделанные им 28 апреля на месте событий: *«Все выспались основательно. По названиям станций догадались, что едем по направлению на Омск. Начали догадываться: куда нас привезут после Омска? На Москву или Владивосток? Комиссары, конечно, ничего не говорили. Мария часто заходила к стрелкам – их отделение было в конце вагона, тут их помещалось четверо, остальные в соседнем вагоне...».*

Царская семья на перроне у вагона

Ничего не зная о событиях минувшей ночи, проснувшись, 29 апреля Николай Романов записал в дневнике: *«Утром заметили, что едем обратно. Оказалось, что в Омске нас не захотели пропустить! Зато нам было посвободнее. Даже гуляли два раза, первый раз вдоль поезда, второй – довольно далеко в поле вместе с самим Яковлевым. Все находились в бодром настроении».* Вероятно, прогулка с Яковлевым, во время которой обсуждались радужные планы объехать агрессивный Екатеринбург, состоялась до его разговора со Свердловым, во время которого фактически и была решена судьба царской фамилии. Тогда ещё никто не догадывался, что станция Любинская станет переломным пунктом в истории августейших арестантов.

Как вспоминал Яковлев: *«Романов чувствовал себя в дороге по-прежнему хорошо. По-видимому, его больше всего интересовали три вопроса: семья, погода и еда. Семью свою он действительно любит и очень о ней заботится... Сам он, по-видимому, совершенно не интересовался политическими вопросами. Совсем другое дело представляет собой Александра Федоровна. Она очень хитра и горда. На мужа своего имеет сильное влияние. Всю дорогу она держалась замкнуто и по целым дням не выходила из купе... Дочь Романовых Мария, молодая девушка, совершенно не развитая для своих лет. О жизни в широком смысле слова не имеет никакого понятия. Находится под сильным влиянием своей матери».*

Александра Фёдоровна тоже вела дневниковые записи. Так, 29 апреля, проезжая, а может и останавливаясь для пропуска встречного состава на разъезде № 52 (ныне остановочный пункт Новокиевский в 24 км от ст. Любинская), в 9 ¼ часа утра императрица записала: *«Прекрасная погода. Не доехали до Омска и повернули назад».*

Двадцать четыре км поезд мог пройти за полчаса. А это значит, что литерный поезд простоял в Любино всю ночь и тронул-

ся в обратный путь только в 9-м часу утра 29 апреля. Следовательно, царский поезд стоял на ст. Любинская не менее 10 часов. Вероятно, комиссар Яковлев не рискнул ехать обратно в Тюмень ночью, так как в соответствии с директивой екатеринбургских большевиков его поезд могли загнать в тупик на любом разъезде. А ночная телеграмма Косарева об отмене ареста Яковлева наверняка дошла до исполнителей только утром. Так что оба революционера провели ночь в приятных воспоминаниях о жизни в эмиграции. А вот царская семья не догадывалась, что в эту ночь решалась их судьба. Если бы не упрямство уральцев, то в соответствии с телеграммой Свердлова низложенный император оказался бы в политически спокойном Омске, и история царской династии могла бы иметь не столь трагический конец.

В 11 часов императрица сделала новую запись: *«Снова та же станция, Называевская. Остальным принесли еду, я пила кофе»*. Комиссары, спеша в Екатеринбург, так разогнали поезд до максимально возможной скорости, что загорелась букса в одном из вагонов на станции Маслянская в 87 км от Называевска, что также нашло отражение в дневнике императрицы с указанием времени 12 1/6 часа (сказывается немецкая педантичность): *«Остальные выходили из вагона на прогулку. Вскоре после того они опять вышли погулять, так как загорелась ось одного из вагонов, и его пришлось отцеплять»*. Если пассажирка не напутала с записью времени, то получается, что состав гнали на перегоне со скоростью 75 км в час, при допустимой – не более 45 км в час.

ИЗ ЗАКЛЮЧЁННЫХ – В НАЧАЛЬНИКИ

Сама личность комиссара представляется весьма интересной. Яковлев был родом из Оренбуржья. Вступив в РСДРП в 1904 году, опытный подпольщик взамен настоящей фамилии Стоянович взял псевдоним Мячин, а затем Яковлев. В партии был боевиком – в г. Миасс совершил налёт на почтовый поезд, перевозивший 1,5 пуда золота. Затем бежал от царских властей за границу в Брюссель. Учился в знаменитой партийной школе на Капри в Италии. Вернувшись в Россию через Германию в известном «опломбированном вагоне» после Февральской Революции в 1917 году, участвовал в штурме Зимнего дворца по свержению Временного правительства Керенского. Яковлев избирался делегатом судьбоносного II Всероссийского съезда Советов и назначался комиссаром телефонных и телеграфных станций в Петрограде, зампредседателя ВЧК. Однако многие уральские революционеры знали Яковлева ещё по подполью, у них было взаимное недоверие, которое, как вскоре, оказалось, было обоснованным. Осенью 1918 года опальный комиссар от большевиков переметнулся к эсерам в созданный в Самаре Комитет членов Учредительного собрания (Комуч).

Однако через три месяца революционера арестовала колчаковская разведка и отправила в Омск «на расправу». Но Яковлеву удалось бежать из «Третьей столицы» в Китай, где он продолжал заниматься революционной деятельностью. В 1927 году беглец добровольно вернулся в СССР и тотчас угодил на 10 лет в Соловецкий лагерь. В 1933 году заключённого освободили «за ударный труд на строительстве Беломоро-Балтийского канала им. тов. Сталина», оставили работать в системе лагерей НКВД начальником Осиновского лагеря (Сиблаг) и начальником Томского распределителя. Однако в 1938 г. последовал новый арест. Яковлев писал заявления Менжинскому, Ежову и Сталину как невинно осуждённый, но это не помогло, и старого партийца расстреляли 16 сентября 1938 года. Такая же участь постигла и многих уральских товарищей, причастных к делу расстрела Царской семьи.

«КРОВОЖАДНЫЙ» УРАЛ И СЫТЫЙ ОМСК

Николай Романов в вагоне поезда

Если в Тобольске царскую семью народ встречал с поклонами и молитвами, в Любино – с любопытством, то на станции Екатеринбург-1 царский поезд ждала возбуждённая толпа, готовая немедленно совершить самосуд над пленниками. То и дело раздавались угрожающие крики: «Задушить их надо! Наконец-то они в наших руках!» А комиссар станции требовал: «Яковлев, выведи сюда Романова, я ему в рожу плюну!» Чтобы не допустить расправы, охрана состава еле сдерживала разъерённую толпу – пришлось поезд спешно отогнать за город на товарную ст. Екатеринбург-3 (Лесобаза). Так что не зря Яковлев хотел объехать этот город. 30 апреля в 11 часов комиссар под расписку передал царственных узников представителям Уралсовета.

Следует заметить, что не только Яковлев, но и Николай Романов не хотел ехать в Екатеринбург. Так, П. М. Матвеев – участник «отряда особого назначения», охранявшего арестантов, – вспоминал, что, подъезжая к городу, выходя из купе, Романов спрашивал его: «Скажите, вопрос определённо решён, что мы остаемся в Екатеринбурге?» Получив утвердительный ответ, он сказал: «Я бы поехал куда угодно, только не на Урал... так как, судя по местным газетам, уральские рабочие настроены резко против».

Интересно, но судя по документам, у самого Яковлева не возникало желания вывести Николая Романова в Омск, который был далеко не так кровожаден, как столица Урала, и история царской семьи могла быть не столь трагична, особенно детей. Ещё до революции В. И. Ленин оказал содействие в переезде в Псков профессиональному революционеру П. Н. Лепешинскому, жившему в Омске после окончания минусинской ссылки. В письме жене из Пскова Лепешинский сообщал: «Вообще, как вспомню я, что мог бы застрять в этом проклятом Омске, да спасибо Ильичу – выручил, – так улыбка у меня и расплывается по всей физиономии».

«Проклятым» был большой губернский город с точки зрения ведения революционной борьбы, так как в начале XX века Омск был сытым, довольным и «купался» в сливочном масле, которое в больших количествах поставлялось заграницу. Местные большевики не отличались активностью, и основная тяжесть борьбы с белогвардейцами в «несознательном» губернском городе взяли на себя стойкие и бесстрашные иногородние революционеры Вавилов, Звездов, Косарев, Лигети, Масленников, Нейбут, Рабинович, Яковлев. Большинство из них погибло, но их имена увековечены в названиях омских улиц.

«ЕКАТЕРИНБУРГСКАЯ ГОЛГОФА»

В Екатеринбурге царскую семью разместили в экспроприированном доме горного инженера Николая Ипатьева, который чекисты стали именовать Домом особого назначения. Здание было превращено в тюрьму и окружено двойным 3-метровым забором с одним входом. Пленникам выделили всего 4 комнаты, ещё 3 помещения занимали караульные и дежурный комиссар. На окнах установили решётки. Старая охрана царской семьи, назначенная ещё при Керенском, была заменена на новую, состоящую из 36 уральских рабочих и солдат и латышских стрелков.

Ленин и Троцкий планировали провести над Николаем II показательный процесс, однако разгоравшаяся гражданская война и неудачи Красной армии на фронтах похоронили эту идею. Участник событий П. М. Быков вспоминал: «По приезде из Москвы Голощёкина числа

12 июля было созвано совещание областного Уралсовета, на котором был заслушан доклад об отношении центральной власти к расстрелу Романовых. Областной Совет признал, что суда, как это было намечено Москвой, организовать не удастся – фронт слишком близок... Силы Красной армии недостаточны, и падения города можно ждать через три дня. В связи с этим областной Совет решил Романовых расстрелять, не ожидая суда над ними. На предварительном совещании был намечен порядок и способ уничтожения трупов».

Показательно, что 16 июля – фактически в день расстрела – в ответ на запрос датской газеты Совнаркому по поводу распространившихся слухов о казни бывшего царя был дан следующий ответ: «Слух беспочвенен, бывший царь невредим. Все слухи такого рода – ложь капиталистической прессы. Ленин». Однако на копии телеграммы есть приписка: «Вернули с телеграфа. Не имеют связи».

По постановлению Президиума Уралсовета в ночь с 16 на 17 июля 1918 года 11 узников были тайно и спешно расстреляны в подвале Ипатьевского дома, так как белочешские военные части стремительно наступали на столицу Урала и взяли её через несколько дней. Среди казнённых без суда и следствия были Николай II – ему было 50 лет, его жена Александра Фёдоровна (46 лет), дочери Ольга (23 года), Татьяна (21 год), Мария (19 лет), Анастасия (17 лет) и сын Алексей (13 лет). Профессор Боткин не пожелал покинуть царскую семью и принял мученическую смерть вместе со всеми. Спаслись лишь лакей Чемодуров, да поварёнок Лёня Седнев, которого охрана, как несовершеннолетнего пролетария, предварительно вывела из дома и отправила к родственникам в Самару. Полковник Кобылинский заблаговременно скрылся от чекистов ещё в Тобольске. Но его арестовали и расстреляли в середине 20-х годов при ликвидации белогвардейского заговора.

ПОСЛЕДНИЙ ДВОРЕЦ ПОСЛЕДНЕГО ЦАРЯ

По воспоминаниям очевидцев, тёмные пятна крови на каменных ступенях, ведущих в подвал бывшего Ипатьевского дома, были видны ещё спустя полвека. В 1927 – 1932 годах в доме работал музей Революции, основным экспонатом которого была расстрельная комната. В воспитательных целях её показывали даже пионерам, вход для которых был бесплатным. Для членов профсоюза тоже существовала скидка более чем в два раза. У расстрельной стены можно было фотографироваться. Площадь перед музеем нарекли Площадью народной мести. «Последний дворец последнего царя» – так подписывали фотографии дома Ипатьевых в советской печати тех лет.

Ипатьевский дом. Екатеринбург

Однако после 1932 г. факт расстрела царской семьи решили предать забвению, разместив в доме Совет безбожников. В 1970-е годы стал расти интерес к истории расстрельного дома со стороны иностранцев. Поэтому, в соответствии с решением Политбюро ЦК КПСС, местный обком партии, когда им руководил Б. Н. Ельцин, распорядился снести исторический дом. Предварительно окружённое забором здание разобрали за два дня. Утром 24 сентября 1977 г. спешащие на работу свердловчане с удивлением обнаружили, что вместо особняка чернеет ровная асфальтированная площадка. Таких стремительных строительных авралов уральский областной центр не знал со времён войны – дом, а заодно и его историю, спешно закатали в асфальт. Но, как оказалось, не навсегда.

ВОСКРЕСШАЯ ИСТОРИЯ

Уже при новой власти в 2003 г. на месте Ипатьевского дома воздвигли Храм-на-Крови. А в Ганиной Яме – монастырь во имя Святых Царственных Страстотерпцев. 18 июля 1998 года в Соборе Св. Петра и Павла в Санкт-Петербургской Петропавловской крепости были торжественно захоронены останки императора Николая II и его семьи. В 2000 году они были канонизированы Русской Православной Церковью как «Царственные страстотерпцы». Это понятие употребляется применительно к тем русским святым, которые с терпением переносили физические, нравственные страдания и смерть от рук политических противников.

В Омской области в райцентре Любино на площади перед железнодорожным вокзалом, где в апреле 1918 года останавливался поезд с царской семьей, в память об этом событии в 2012 году воздвигли часовню с мемориальной доской.

Автор выражает благодарность Любинскому краеведческому музею и библиотеке им. А. С. Пушкина за помощь в подборе исторических материалов

Мемориальная доска в р. п. Любино

Часовня на привокзальной площади ст. Любинская

БИБЛИОТЕКА КООПЕРАТИВНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ «ЦЕНТРОСИБИРЬ» В ОМСКЕ

Сергей Наумов

На рубеже XIX-XX вв. Омск стремительно развивался. Дошедший до Прииртышья Транссиб способствовал тому, что за несколько лет военно-административный город превратился в крупнейший в Сибири торгово-распределительный, финансовый и транспортный центр. В Омске открывались отделения и филиалы крупных российских и иностранных фирм, акционерных и банковских обществ, страховые кампании. Активно разрасталась сеть культурно-просветительных и благотворительных организаций. Широкое развитие получила кооперация – самая масштабная форма хозяйственной организации в России начала XX века.

В Сибири развитие кооперативных обществ проходило неравномерно. Процесс образования кооперативных союзов особенно был ускорен Первой мировой войной. Вызванный ею и нарастающий год от года спрос на товары первой необходимости способствовал росту числа пайщиков и открытию новых кооперативов. К 1918 г. численность потребительских обществ в европейской России выросла в 2,5 раза, в Сибири же – в 12 раз. Столь резкий скачок обусловил, после нескольких лет отставания, возникновение сразу двух центров объединения сельских кооперативов: Омского коммерческого отдела московского общества сельского хозяйства («Агросоюз») и Омского общества потребителей – «Товарищества Потребительских кооперативов Сибири и Степного Края «Потребитель».

Февральская революция 1917 г. поначалу благостно повлияла на развитие сибирской кооперации. В начале апреля 1917 г. собрание уполномоченных обоих союзов провозгласило слияние «Агросоюза» и «Потребителя» в один уставной «Союз Западно-Сибирских кооперативов» («Центросибирь»), куда вошли 163 кооперативных объединения.

«Союз кооперативных объединений Западной Сибири» с первых дней своего существования уделял большое внимание культурно-просветительной работе. При союзе был создан культурно-просветительный подотдел со своим персональным уставом, целью которого было «содействие всестороннему развитию своих членов и всего населения районов в отношении умственном, нравственном, художественном и физическом». Для этого

ИЗДАНІЕ ОБЩЕСТВА РАСПРОСТРАНЕНІЯ ПОЛЕЗНЫХЪ КНИГЪ.

ОПИСАНІЕ

ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

НИКОНИТА ЗАВАЛИШИНА.

Цѣна 70 коп.

МОСКВА.

1862.

Титульный лист брошюры «Описание Западной Сибири» 1862 г. из фонда библиотеки «Союза кооперативного объединения "Центросибирь"»

была принята программа: по содействию организациям и отдельным лицам в деле распространения просвещения, по печатанию книг, брошюр, периодических изданий и учебных пособий, устроению передвижных библиотек, спектаклей, концертов, народных праздников и пр.

Определив круг задач, подотдел принялся за воплощение их в жизнь. Листовки, выпущенные подотделом в период Первой мировой войны, позволяют нам понять, что система организации работы его сотрудников строилась на демократических началах. Членом общества мог стать любой желающий в возрасте от 17-ти лет, сочувствующий целям и задачам общества.

Особое место в работе подотдела занимала библиотечная деятельность, которая должна была вестись в двух направлениях. Во-первых, подотдел должен был способствовать планомерному развитию библиотечного дела в районных союзах, во-вторых, необходимо было организовать в центре Омска показательную образцовую библиотеку-читальню с функциями центрального книгохранилища для всех районов, обслуживаемых «Центросибирью».

Немало сведений о деятельности кооперативного объединения «Центросибирь» содержат документы, хранящиеся в Историческом архиве Омской области (ГИАОО. Ф. 151). Так, например, любопытную информацию, характеризующую определённые настроения людей в годы Первой мировой войны даёт нам «Инструкция» по организации и обустройству библиотеки на селе: *«Знать свою родину, как свою волость, необходимо. Только тогда захваты немцами Прибалтийского края, Кавказа или Черноморского побережья станут так же тяжелы и ясны, как закрытые в деревне по чьему-то распоряжению или произволу проезжие дороги и базары… Всякое начинание (а такое, как библиотека в особенности) только тогда обещает прочный успех, когда рождено желанием самого общества и опирается на кооператив, культурно-просветительный кружок или специальную библиотечную группу. Задумав открыть библиотеку, беспокойте прежде всего просьбой свой ближайший кооператив (потребительское общество, кредитное товарищество, маслодельную артель) – такое дело не может быть ему чуждо».*

При разработке инструкций: «Как организовать библиотеку на селе» и «На что в деревне просветительное общество» культурно-просветительный подотдел союза давал конкретный адрес, куда необходимо обратиться в случае принятия решения об организации этих учреждений: *«Коли не знаете, как устроить – пишите в союз кооперативных объединений Западной Сибири «Центросибирь» (в г. Омск, на Гасфортовскую улицу, в дом «Треугольника») или в свой ближайший союз, чтобы Вам прислали поскорее знающего человека – инструктора по просветительной части».* В этом же документе мы видим и весьма актуальные рекомендации для всех, кто решил заняться организацией культурно-просветительной работы среди населения: *«Ещё лучше, если в этой избе можно было бы за разговором попить чайку и немного закусить. Только, Боже*

упаси, заводить там водку, вино, пиво или карты. Тогда уж совсем иные разговоры пойдут, и мало-помалу изба-читальня сделается попросту кабаком: не до чтения будет, когда у людей в голове замутит».

Что касается инициативы по организации в Омске библиотеки «Центросибири», то она, хоть и не без затруднений, всё же была воплощена в жизнь. 23 июля 1918 г. библиотека-читальня была открыта для общего пользования всех служащих «Центросибири» в помещении культурно-просветительного подотдела Союза Кооперативных объединений Западной Сибири на улице Гасфортовской (ныне – К. Либкнехта), в доме «Треугольника» на 2-м этаже. Двери библиотеки были открыты с 9.00 до 17.00.

Была сформирована библиотечная комиссия, главной задачей которой стала организация библиотеки «Центросибири». Активно подключились другие отделы союза. В марте 1918 г. с разрешения Правления Неторговый отдел приобрёл у П. В. Вологодского (будущего премьера «омского» правительства, который возглавлял библиотечную комиссию) личную библиотеку и книжный шкаф на сумму 2350 руб. Также была приобретена библиотека в 2000 томов у гражданина А. А. Жукова. Библиотека Союза «Центросибирь» начинала приобретать детские книги и приглашает всех желающих к сотрудничеству.

Библиотека приобретала литературу по сибиреведению. Для этой цели, заведующим библиотекой В. Х. Миллером были написаны письма в Омское отделение Географического общества и Гидротехнический отдел Переселенческого управления: *«Союз кооперативных объединений Центросибирь, создавая специальную библиотеку для нужд кооперативных работников в Сибири желал бы приобрести через Ваше посредство книги по сибиреведению и др. вопросам как Вашего, так и других изданий».* Также библиотека через Неторговый отдел «Центросибири» пыталась продать за 600 рублей имеющийся экземпляр энциклопедического словаря Брокгауза в 82 томах и скорее завершить переплёт вновь поступивших книжных изданий.

Работа библиотеки «Центросибири» была направлена и на приобретение подшивок различных периодических изданий того времени. Свидетельства этой работы мы можем увидеть в записках, адресованных различным редакциям и издательствам, с просьбой предоставить номера журналов «Промышленность и техника», «Народный театр» и др. Разумеется, библиотекой «Центросибири» в первую очередь приобретались журналы и газеты, освещавшие вопросы сибирской кооперации: «Власть народа» (Челябинск), «Свободное слово» (Тюмень), «Народная газета», «Знамя и труд» (Курган), «Единство» (Петропавловск), «Кооперативный путь» (Челябинск), «Томский кооператор» (Томск), «Сибирская кооперация» (Новониколаевск), «Алтайский кооператор» (Барнаул) и др.

Штамп библиотеки «Союза кооперативного объединения "Центросибирь"»

Все печатные издания, поступающие в «Центросибирь», не исключая протоколов и отчётов, в обязательном порядке должны были вноситься в библиотечную инвентарную книгу.

Обсуждался вопрос и об организации издательства на базе культурно-просветительного подотдела. Было решено просить правление о «выделении средств для постановки полноценного издательского дела на базе «Центросибири». Данная инициатива была осуществлена совместно с «Томским Союзом Кооперативов». В том числе было решено «приступить к изданию многокрасочных художественных плакатов на кооперативные темы... Темой для плакатов желательно избрать отражение сибирского быта в кооперации».

В сентябре 1918 г. в культурно-просветительный подотдел обратился известный сибирский писатель Г. А. Вяткин. В своём письме он выразил идею создания партии календарей, освещавших проблемы кооперации: *«Говорили о развале промышленности и торговли. Пора перейти к самостоятельным решениям... Между прочим, в конце года будет чувствоваться острая нужда в календарях... Фирмы Сытина, Кирхнера и др., издававшие календари, – в зоне советской власти и оторваны от Сибири».* Писатель полагает, что

П. В. Вологодский (1863 - 1925) - глава Временного Сибирского правительства, возглавлявший библиотечную комиссию кооперативного объединения «Центросибирь»

Омск, улица Гасфортовская. Справа - здание Товарищества «Треугольник», в котором располагалось кооперативное объединение «Центросибирь». Фото 1918 г.

Поэт и писатель Г. А. Вяткин (1885 - 1938)

Центросибирь способна объединить значительное число кооперативов: *«... настоящим предлагаю свои услуги по составлению отрывного книжного календаря с отделами: церковным, общероссийским, сибирским, причём центр тяжести будет в этом последнем... Могу предложить программу и схему календаря».*

Культурно-просветительный отдел с интересом отнёсся к предложению Г. А. Вяткина: *«... предложение тов. Вяткина вполне приемлемо, если календарь будет иметь отношение к кооперации; при этом со своей стороны подотдел готов оказать ему содействие имеющимися материалами как по самому календарю, так и по отделам его... гр. Вяткина было бы полезно привлечь как сотрудника культурно-просветительного подотдела, временно, со специальными функциями по изданию календарей».*

Вскоре Г. А. Вяткин станет одним из активных участников литературного объединения, возникшего в декабре 1918 г. при штаб-квартире Омского отдела «Союза возрождения России» – общественно-политического объединения, представлявшего собой широкую коалицию политических партий, противостоящих большевикам. Наиболее активной его деятельность была осенью 1918 г. С приходом к власти А. В. Колчака работа этого объединения ослабляется и носит вспомогательный характер. Одной из наиболее значимых форм деятельности «С. В. Р.», привлекавшей горожан, были «Вечера о России», проходившие с декабря 1918 г. в Гарнизонном собрании (ныне – здание областного Дома ветеранов), а также заседания литературного кружка «Зелёная лампа» в здании «Треугольника» на ул. Гасфортовской, где располагались помещения «Центросибири». Судя по всему, с началом 1919 г. библиотечная деятельность кооперативного объединения «Центросибирь» начала «сходить на нет». Хотя омские мастера слова прилагали все усилия к тому, чтобы книжные фонды не пропали. Так, летом 1919 г. будущий классик советской литературы, а тогда начинающий поэт Леонид Мартынов участвовал в сборе книг для формирования госпитальных библиотек, где познакомился и подружился с другим поэтом – Георгием Масловым. Литераторы приносили книги и комплектовали фонды в помещении, расположенном во внутреннем дворе дома «Треугольника». По сведениям омского искусствоведа И. Г. Девятьяровой, там, при конторе нотариуса Г. И. Цехановского, был организован пункт для сбора книг.

С установлением советской власти в Сибири потребительская кооперация была превращена в аппарат по распределению промышленных товаров, пищевых продуктов, сырья, поступавших по продразвёрстке от государственных заготовительных органов. Многообразные по формам и видам деятельности кооперативы были заменены едиными потребительскими обществами. Кооперативные союзы были ликвидированы, а вместо них были созданы оптимизированные губернские союзы. В последующий период НЭПа они по возможности старались продолжать традиции культурно-просветительной деятельности, проводимой кооперативными объединениями, но в условиях усиливающегося централизованного управления всеми сферами жизни общества, они уже не были столь живыми, оригинальными и разнообразными. Деятельность кооперативных обществ в 1910-х гг. – не единственная страница в истории потребительской кооперации Сибири, но, пожалуй, всё же самая яркая.

В (ЭПИ)ЦЕНТРЕ КРАЕВЕДЕНИЯ

НА ПОРОГЕ ЮБИЛЕЯ

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ОМСКА: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ВЕКА

Александр Лосунов

День города Омска – официальный праздник, который был установлен местными городскими властями в 90-х годах прошлого века. Ежегодно, каждое первое воскресенье августа город преображается и становится многолюдным. Горожане заполняют его центральные улицы. Как в дореволюционное, так и в советское время ежегодного празднования дня города не было. Широко и масштабно отмечались лишь круглые даты.

Первой из таких явилось столетие Омска, которое его жители торжественно отметили в ... 1882 г. Всё дело том, что до 1916 г. летоисчисление нашего города велось не с основания Омской крепости, а с получения Омском статуса города. А это произошло по повелению Екатерины II в 1782 г. В воскресный полдень 5 декабря 1882 г. в Городской думе собрался весь цвет омского общества. Собрание посетил Генерал-губернатор Степного Края Г. А. Колпаковский. После совершения краткого благодарственного молебна и панихиды по почившим императорам из династии Романовых, главный начальник Края поздравил жителей города с вековым юбилеем и пожелал им больших успехов не только в делах общественного управления, но и на ниве народного просвещения, а также в делах городского благоустройства.

А 20 июля 1916 г. омичи всенародно уже отмечали 200-летний юбилей основания Омска, исходной датой которого явилось основание И. Д. Бухольцем первой Омской крепости. Подготовка к нему началась ещё в 1912 г. При Городской думе по пред-

Г. Е. Катанаев

ложению П. Б. Яшерова была создана специальная юбилейная комиссия. Она и разработала большую праздничную программу, согласно которой планировалось: для рассмотрения нужд Края созвать съезд представителей городов Сибири, организовать выставку, создать музей города, где должны были быть представлены «всякого рода предметы, образцы, планы, рисунки, чертежи, таблицы и прочее, всесторонне рисующие прошлую и настоящую жизнь города Омска». Кроме того, предполагалось увековечить тем или иным образом жизнь города, а также имена лиц, изрядно потрудившихся на его благо.

К 200-летию города планировалось выпустить книгу под названием «Юбилейный сборник» в одном или нескольких томах. Готовя данный сборник к изданию, генерал Сибирского казачьего войска Г. Е. Катанаев немало поработал над сбором материалов в центральных и местных архивах. В книгу должны были войти сюжеты о возникновении города, его торгово-промышленной жизни, развитии народного образования и городского самоуправления. К написанию рукописи приглашались известные историки и старожилы Омска, в том числе и выдающийся сибирский учёный, общественный деятель Г. Н. Потанин. К нему с настоятельной просьбой участвовать в данном издании Омская городская управа обратилась ещё в 1914 г.

Празднование 200 летнего юбилея. Омск. Ильинская церковь и мост. Фото с дореволюционной открытки

Однако большая праздничная программа так и не была воплощена в жизнь полностью, помешала шедшая тогда Первая мировая война. Сценарий мероприятий по распоряжению Генерал-губернатора Степного Края Н. А. Сухомлинова в связи с военным временем был сокращён до минимума. Ограничились праздничным богослужением и торжественным заседанием Омской городской думы. 20 июля 1916 г. викарный епископ Омской епархии Киприан отслужил Божественную литургию в Ильинской церкви и молебен на площади возле неё по случаю празднования 200-летия основания нашего города. Управляющего Омско-Павлодарской епархией Святителя Сильвестра на тот момент в Омске не было. С 19 июня по 22 июля он находился в поездке для обозрения южных районов вверенной ему епархии. Затем состоялось торжественное заседание Омской городской думы, которое открыл Омский городской голова В. А. Морозов. Затем гласный Городской думы Г. Е. Катанаев зачитал свой доклад об основании нашего города. В этой речи он изложил причины и обстоятельства основания города и впервые обосновал дату его рождения – 20 июля по старому стилю, 2 августа – по новому, в День пророка Илии.

В ознаменование двухвекового юбилея Городская дума приняла решение открыть в Омске народный университет. Для его открытия был образован специальный денежный фонд, который составил 10 тысяч рублей из средств городского бюджета. Не остались в стороне от этого благого дела представители омских властей и предпринимательских кругов. Так, гласный Городской думы Г. П. Дроздов внёс в фонд 1000 руб., представитель торгового дома М. А. Шаниной – 25 000 руб., а омский купец П. А. Липатников – 10 000 руб. Думой было принято решение о ежегодном пополнении фондового капитала путём отчисления средств из бюджета города Омска. Гласные решили открыть в нашем городе торгово-промышленное учебное заведение. А чтобы праздничное настроение передалось и малоимущим горожанам, «отцы города» постановили: списать недоимки по оплате за лечение в размере 21 670 руб. 41 коп., по

Здание Омской Городской Думы и Управы.
Из коллекции Н. А. Малкова

арендно-оброчным статьям – 14043 руб. 23 коп. и оценочного сбора в размере 3249 руб. 90 коп. Так что многие омичи благодаря юбилею города избавились от отягощавших их долгов.

Помимо этого, городские власти запечатлели юбилейное торжество и в наименовании улицы. Центральному проспекту было решено присвоить имя первого российского императора, в царствование которого появился наш город. Проспект должны были образовать две улицы, следующие друг за другом, – Дворцовая и Атаманская (сегодня они обе составляют южную часть улицы Ленина). Но проспект Петра Великого так и не появился среди городских топонимов, так же как и памятник царю-преобразователю, который планировали установить на площади перед Ильинской церковью. Два государственных переворота 1917 г. и последовавшая вслед за ними братоубийственная гражданская война не позволили данные мероприятия воплотить в жизнь.

Через полвека, уже в советское время, вновь широко праздновали юбилей нашего города – его 250-летие. Случилось это 29 июля – 1 августа 1966 г. Центром праздничных торжеств стал стадион «Красная звезда». Здесь 29 июля в 18 часов омичей и гостей нашего города ждало театрализованное представление «Праздник на Иртыше». В нём было задействовано более 1000 человек. Этот костюмированный спектакль воскресил перед зрителями основные вехи истории Омска. С большой концертной программой перед жителями Омска выступили выдающиеся артисты СССР:

В. П. Соловьёв-Седой, Б. Т. Штоколов, Е. Б. Серкебаев и др. Праздничный фейерверк, уникальный по своей продолжительности, завершил юбилейные торжества.

Партийное руководство области через «Омскую правду» поздравило омичей с 250-летием нашего города. Торжественное собрание с участием представителей власти прошло во Дворце культуры «Нефтяник». В канун юбилея города (20 июля) было учреждено, а если говорить точнее, то возрождено, существовавшее до революции звание «Почётный гражданин г. Омска». Первыми этого звания за советский период по решению исполкома городского совета удостоились пять омичей: А. Н. Дианов, В. А. Голоскоков, Е. К. Долматова, М. М. Зуева и П. П. Тимохина.

Вспомнили также и о городском гербе. Был объявлен открытый конкурс на его создание. Однако победитель выявлен не был. Свою точку зрения на этот счёт высказал председатель Омского горисполкома А. И. Бухтияров: «Во время подготовки к празднованию 250-летия Омска возник вопрос о гербе. Герб, естественно, должен отражать наиболее характерное для города на данном этапе его развития. Что же мы можем считать характерным для Омска сейчас? Я думаю: это – нефть и цветы!». Эти пожелания были частично учтены омским архитектором М. М. Хахаевым, который и разработал геральдический рисунок. А 22 июня 1973 г. первая сессия Омского городского Совета народных депутатов XIV созыва утвердила представленный проект герба нашего города.

На страницах областной газеты «Омская правда» под рубрикой «К 250-летию Омска» активно печатались статьи историков и воспоминания старожилов, которые превозносили советский период и уничижали дореволюционный. Вот какую запись о содержании и характере этих публикаций оставил в своём архиве известный учёный-краевед А. Ф. Палашенков: *«В этом году (имеется ввиду 1966 г.) «Омская правда» ввела... раздел, посвящённый 250-летию Омска, но, к сожалению, с довольно неудачным помещаемым в нём материалом – случайным, имеющим характер сенсации, и «тенденциозным», построенным по принципу «теперь хорошо, а всё, что было раньше – было плохо». Странна и непонятна позиция газеты в этом отношении, видимо отражающей мнения людей незнающих, не интересующихся, случайных для Омска... В самом деле. Как вам показалось бы странным, когда вы приглашены на семейный праздник одного из членов семьи по случаю дня его рождения и услышали бы как виновник торжества, вспоминая свою прошлую жизнь, стал бы говорить, что в детстве он был самый ужасный ребёнок, вроде «Джека Потрошителя», что в юношестве он был непробудно пьян, когда вышел на большую дорогу жизни он занимался только тем, что*

Омск встречает свой 250-летний юбилей

Почтовый гашёный конверт к 250-летию Омска

Праздничный выпуск газеты «Омская правда»

воровал... Может быть, такие и встречаются юбиляры, но о таких лучше не говорить и в гости к ним не ходить... Я думаю, что омичи, любящие, уважающие, ценящие свой город, не уподобятся таким «юбилярам»!!! Однако надо отметить и другое. Омск, несмотря на свой довольно почтенный возраст, не может похвалиться сохранившимися памятниками своей прошлой истории, а те, что ещё недавно существовали, уничтожены нашими незадачливыми хозяевами города... Во второй половине января 1958 г. приступили к разборке первого каменного сооружения в Омске – Воскресенского военного собора... С этим «очагом дурмана» омичи окончательно расправились в 1959 г... На утренней заре 17 февраля 1959 г. началась поспешная разборка Тарских крепостных ворот, построенных в 1792 г... Сквер, где находились украшавшие его ворота, опустел... Шесть лет тому назад у южной стены Казачьей кладбищенской церкви находилась могила исследователя Сибирской истории, преподавателя Омского кадетского корпуса Александра Ивановича Сулоцкого... Теперь на месте могилы сделан дощатый сарай. Могила стёрта, между тем, она находилась на местной государственной охране. В начале шестидесятых годов стальной ковш экскаватора выбросил кости великого русского металлурга, изобретателя булатной стали – Павла Петровича Аносова, умершего в 1851 г. в Омске и похороненного на Омском Бутырском кладбище. На месте могилы воздвигнут дом, как об этом красноречиво говорит надпись на мемориальной доске... Можно было бы продолжить перечень «мероприятий» по подготовке к 250-летию г. Омска...».

Сетования Андрея Фёдоровича мне, как человеку, профессионально занимающемуся историей Омска, вполне понятны. Ведь именно он и возрождённый при его активном участии Омский отдел Географического общества Союза ССР выступили главными ходатаями перед местными властями о праздновании 250-летнего юбилея нашего города. Вопрос об утрате исторических памятников и сегодня, впрочем, как и тогда, стоит очень остро.

Тогда, в 1966 г., омские историки, архивисты и краеведы внесли свою лепту в подготовку к юбилею. Была проведена научная конференция, которая, по выражению омского историка и преподавателя Омского педагогического института А. К. Касьяна, «явилась большим вкладом... в создание научной истории родного города». Вышли в свет издания, посвящённые истории Омска. Трудами и стараниями омского архивиста Е. Н. Евсеева был составлен и опубликован сборник архивных документов, освещающих дореволюционный период существования города на Иртыше. Именно тогда впервые увидели свет открытки и буклеты с видами Омска, которые сегодня уже стали библиографической редкостью. К юбилею было изготовлено несколько значков с достопримечательностями

нашего города и юбилейными датами. Министерство связи издало несколько почтовых конвертов с видами Омска, некоторые из которых, по желанию омских коллекционеров, погасил своим штемпелем омский почтамт.

Даже школьники не остались в стороне от юбилейных торжеств. Наглядное свидетельство тому – письмо в редакцию «Омской правды» ученицы омской школы № 114 Галины Рыбак, которая летом 1966 года в частности писала: *«...Через несколько дней нашему родному городу исполнится четверть тысячелетия. Каждый коллектив, каждый омич встречает юбилей как большой праздник. Не стоит в стороне от этого события и наша школа. Усилиями всех учащихся создан школьный музей «Омску – 250». Наш девятый «А» оформил один из разделов музея».*

Следующей вехой в череде Омских юбилеев стал 1991 г., который подвёл черту 275-летию города. На площади перед речным вокзалом, носящей с 1987 г. имя основателя нашего города И. Д. Бухольца, по проекту скульптора С. А. Голованцева был установлен памятный знак в виде колонны, увенчанной двуглавым орлом. Воздвигнутый монумент торжественно освятил Его Высокопреосвященство Митрополит Омский и Тарский Феодосий. Далее праздник перенёсся на центральную историческую часть улицы Ленина – Любинский проспект, где состоялось костюмированное шествие исторических героев Омска. По инициативе областного архитектора М. М. Хахаева, а также реставратора и любителя старины И. Л. Коновалова при активном содействии Омского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры были восстановлены Тарские ворота, которые и явились «первой ласточкой» в добром деле возрождения утраченных городских исторических сооружений. Неотъемлемой частью городских торжеств тех лет, посвящённых дню города, являлись православные богослужения. Они были включены в программу городских мероприятий. В 1991 г. по инициативе Митрополита Омского и Тарского Феодосия с разрешения властей после торжественного богослужения и освящения на колокольню Свято-Никольского казачьего собора были подняты колокола.

Своё 280-летие Омск встретил с восстановленной копией легендарного знамени Ермака, которое с 1883 по 1919 гг.

Празднование 275-летия Омска. Едут,едут по центру Омска наши казаки

хранилось в Свято-Никольском казачьем соборе. Копия была изготовлена в патриарших швейных мастерских. В настоящее время она хранится в Свято-Никольском казачьем соборе и в дни церковных празднеств выносится на крестные ходы. В канун дня города, в Омске 20-21 июня 1996 г. состоялась научная конференция «280 лет Омску: история и современность». К открытию конференции был выпущен сборник, в который включено свыше 60 тезисов докладов и сообщений. В работе конференции, проходившей в областном Общественно-политическом центре, участвовало 190 человек, 40 человек выступили в качестве докладчиков. В принятом по итогам конференции решении её участники постановили обратиться к администрации города со следующими предложениями: оказать содействие Департаменту культуры и искусства в публикации первого тома «Очерков истории Омска», подготовленного к изданию; ускорить решение вопроса о выделении помещения Музею городского быта и о создании культурного центра «Омская крепость».

Было высказано предложение об увековечении памяти второго основателя нашего города, генерала И. И. Шпрингера. Обсуждался вопрос о содействии местных властей в копировании малодоступных источников по истории Омска и Омской области, так как они хранятся в центральных архивах Москвы и Петербурга и архивохранилищах Казахстана.

280-летний юбилей ознаменовался рядом изданий историко-краеведческого характера. Именно тогда увидела свет «Историческая записка о том, когда и как построен город Омск», составленная Г. Е. Катанаевым в 1916 г. и опубликованная омскими архивистами через 80 лет после её написания. Год спустя был издан первый том «Очерков истории города Омска».

Само же праздничное театрализованное представление под названием «Знамя Ермака», посвящённое 280-летию нашего города, состоялось 4 августа, как и тридцать лет назад, на стадионе «Красная Звезда».

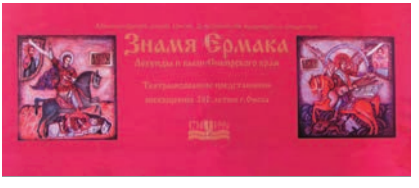
В дня празднования 290-летия Омска центрами торжеств стали: соборная площадь с восстанавливаемым Успенским кафедральным собором, территория второй Омской крепости, а так же Любинский

Подъём колоколов на колокольню Никольского собора. Фото 1991 г.

проспект. Праздник завершился ставшим уже традиционным фейерверком.

Остаётся только сожалеть, что в официальную программу празднования дня города сегодня не включаются богослужения, как это было в начале 1990-х гг. Жаль! Ведь за наш богоспасаемый город и жителей его молят Всевышнего сразу трое святых – Пророк Илия, Святитель и Чудотворец Николай и Св. Преподобный Сергий Радонежский. Именно в честь этих святых нашими далёкими предками и были устроены самые первые храмы на омской земле.

Приглашение на празднование 280-летия Омска

ОМСКАЯ КРЕПОСТЬ
НА КАРТАХ И ПЛАНАХ ГОРОДА ОМСКА XIX – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКОВ

Алексей Сорокин

Важнейшим источником, характеризующим военную крепость как ядро города и оборонительное сооружение, всегда являются планы и карты города и крепости – исторические, архивные и опубликованные. Устроение второй Омской крепости на мысу (стрелке) правого коренного берега Иртыша при впадении Оми навсегда определило градостроительную структуру, направления развития и историческую планировку города Омска, его центральной, ядерной части и мегаполиса в целом. Картографический материал позволяет судить как о первоначальном назначении сохранившихся сооружений второй Омской крепости, в том числе её северо-западного сектора, в исторических зданиях и на территории которого разместился городской историко-культурный общественный комплекс «Омская крепость», так и о развитии, а значит об историческом обосновании использования этой территории в настоящее время. Мы попытаемся совершить небольшой историко-краеведческий экскурс по опубликованным и архивным картам и планам Омской крепости и города Омска, в том числе из фондов ОГОНБ имени А. С. Пушкина, Исторического архива Омской области, ОГИК музея и его научной библиотеки, а также частных собраний и электронных коллекций, в том числе автора данной статьи [1].

Ряд архивных планов Омской крепости и города Омска XVIII – XX веков был опубликован в научных и популярных изданиях Омского книжного издательства, тиражированных картах и атласах Омской картографической фабрики в 1960-х – 2000-х годах. Проблема качества и масштаба воспроизведения архивного оригинала, к сожалению, имеет место в поистине энциклопедической работе Виктора Ильича Кочедамова «Омск. Как рос и строился город», изданной в чёрно-белой растровой офсетной печати более пятидесяти лет назад и недавно переизданной – сначала репринтно, а затем и с комментариями и дополнениями [2]. Книга Кочедамова одновременно является и практическим иллюстрированным каталогом карт и планов Омска и Омской крепости XVIII – середины XIX вв. Это – планы первой кре-

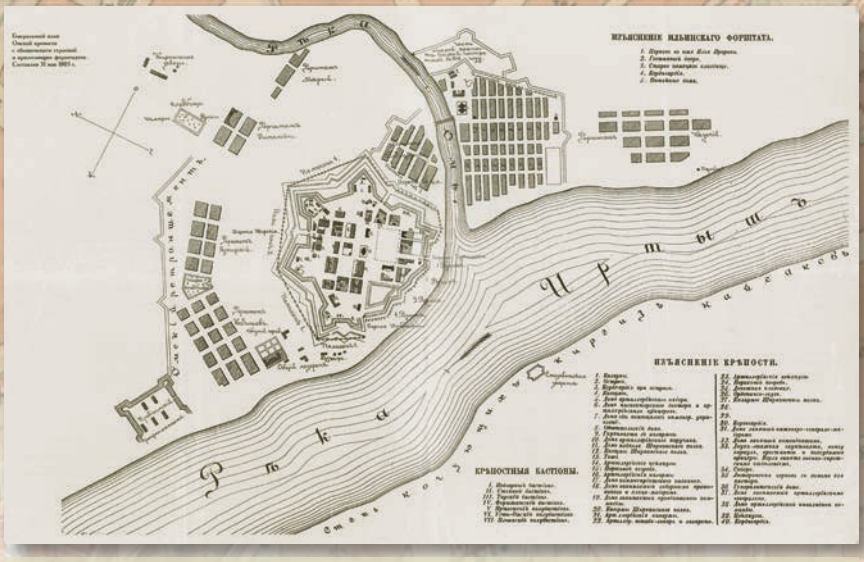

Рис. 1. Генеральный план Омской крепости с показанием казённого цивильного строения и прилежащих форштадтов. 31 мая 1803 г. Опубл.: Словцов И. Я. Материалы по истории и статистике города Омска. Омск: Типография штаба Омского воен. округа, 1880. Ч. 1. 371 с. Вклейка. (Труды Акмолинского статистического комитета)

пости 1722 (проект), 1745, 1755 годов [3], планы второй крепости 1765 (проект), 1769 (проект), 1780, 1795, 1819 годов [4], проектный план Гесте 1829 г. и планы застройки города Омска 1850 и 1889 годов [5]. Сегодня эти планы из личного архива Кочедамова свободно размещены в сети Интернет благодаря внуку Кочедамова В. Б. Наумову [6].

Перейдём к планам второй Омской крепости XIX века. Наиболее известен план 1803 года (Рис. 1). «Генеральный план Омской крепости с показанием казённого цивильного строения и прилежащих форштадтов» от 31 мая 1803 г. публиковался неоднократно. Первая его публикация относится к 1880 (!!) году и сделана И. Я. Словцовым (!) в его «Материалах по истории и статистике города Омска». Этот двухтомник, содержащий итоги «однодневной переписи» населения Омска 1877 года, уже давно стал музейной редкостью [7]. Именно эта копия плана воспроизводится в «Старом Омске» и других современных изданиях [8].

По иному пути пошла Омская картографическая фабрика, подготовившая в 1991 году (к 275-летию Омска) первый специализированный альбом исторических карт «Омск: 1716-1991», положивший начало серии републикаций исторических карт путём их перерисовки в соответствии с современными картографическими стандартами. Так, альбом содержит уже упомянутый план 1803 годов, карту Омска 1917 г. и ряд проектных карт-схем с обозначением исторических памятников и проектов развития и застройки города к 2000 (!) году. Планы крепости 1755 и 1803 гг. картфабрика переиздавала в дальнейшем неоднократно, в частности, они опубликованы в атласе Омской области (1996, 1998), а также на карте города Омска 2009 года издания [9]. (Рис. 2)

Предшественник Омской картфабрики – созданный в середине XIX века Военно-топографический отдел штаба Омского военного округа – также преуспел в издании карт и планов Омска типографским способом. На имеющемся у автора цветном варианте плана 1917 г. имеется

Рис. 2. Интернет-версия плана крепости 1803 г. Опубл.: Омск: 1716-1991: Альбом карт. М.: ГУГК СССР, ОКФ, 1991. С.3

Рис. 3. Фрагмент типографского воспроизведения Генерального плана Омской крепости 1803 г. Опубл.: План города Омска с окрестностями. Составлен в 1917 году при Военно-топографическом отделе Штаба Омского военного округа. Архив автора.

врезка с подробным уменьшенным воспроизведением плана 1803 года. (Рис. 3)

Ещё одна попытка публикации исторических карт была осуществлена Историческим архивом Омской области. В 1996 году в переизданной исторической записке Г. Е. Катанаева об основании Омска 1916 года, на мелованной бумаге воспроизведены уже вышеупомянутые планы, а также во вкладке – План Омска 1911 года (из справочника «Весь Омск» издания Н. А. Иванова, правда, с досадными орфографическими опечатками) и две карты центральной части Омска из фондов ГИАОО: «Часть плана города Омска, с показанием на оном вновь построенной каменной магометанской мечети...» от 21 сентября 1829 года, включающего территорию Ильинского и Казачьего форштадтов, и «Часть настоящего расположения окружнаго города Омска Тобольской губернии...» за 1862 год с территорией Кадышевского и Мокринского форштадтов [10].

Исторический архив обладает богатейшей коллекцией карт и планов не только собственно Омска, но и других населённых пунктов, включая рукописные крупномасштабные планы сёл Омского Прииртышья конца XIX века. Автору пришлось работать в ГИАОО в 1990 г. с планами населённых пунктов по заданию историко-краеведческой лаборатории ОГПИ под руководством П. П. Вибе и П. Т. Сигутова. Основную часть материала составляет картографическая коллекция – фонд 198 ГИАОО. Поэтому архив подготовил переиздание ещё одного плана Омска 1898 г. [11] в виде вкладыша к справочнику «Улицы города Омска» (2001 г.) [12].

На этом плане крепость (уже упразднённая) от собственно города (форштадтов) достаточно чётко отделена широкой эспланадой, которая от Иртыша до новопостроенного Успенского собора абсолютно пуста. (Рис. 4) Пуст и плац в середине крепости. Ещё сохранены Тарский бастион и Форштадтский полубастион с фрагментами крепостных валов, к Тобольским воротам подходит вал Иртышского полубастиона, создающий замыкание северо-западного сектора крепости и объясняющий современное нелинейное взаимное расположение сохранившихся

Рис. 4. Фрагмент плана города Омска 1898 г. ГИАОО. Опубл.: Улицы города Омска. Справочник. Омск: ГУИПП «Омский дом печати», 2001. Цв. вкладка.

построек. Далее вал сменяется откосом крутого берега, а вплотную к воротам подходит откос-взвоз поперёк идущего наискосок от Иртыша оврага на месте рва (по горизонталям).

Таким образом, при внимательном анализе данного плана можно заметить, что первоначальный рельеф местности, искусственно модифицированный руками человека при строительстве оборонительных сооружений, гораздо точнее и живописнее формировал казарменную замкнутость периферии крепости и, к сожалению, сегодня, при «благоустройстве» территории уже утрачен. Также следует отметить, что большинство сохранившихся сегодня в северо-западном секторе крепости зданий уже присутствует на этом плане, где видны форма и взаимное расположение строений. Особенно важно подчеркнуть, что на плане 1898 г. улицы Омска уже получили названия, но в крепости на плане они пока отсутствуют.

Следующая серия планов города связана с именем областного землеме-

Рис. 5-6. Крепость на плане 1908-1914 годов (экспликация): 42. Церковь во имя Воскресения Господня; 43. Военно-Окружной Совет. Бригадное Управление и Военное Собрание; 44. Лютеранская церковь, дом пастора и причта; 45. Окружное Инженерное Управление; 46. Окружный Штаб; 47. Военно-Топографический Отдел; 48. Инженерная Дистанция; 49. Окружный Военный Суд; 50. Окружное Артиллерийское Управление; 51. Дисциплинарная рота; 52. Военно-Окружное Медицинское управление

ра Иванова-Царёва. Составленный им в 1908-1909 году план в дальнейшем неоднократно тиражировался с некоторыми изменениями вплоть до 1926 года. В фонде документов ОГИК музея хранится план 1909 г.

На рисунках 5-6 – фрагменты плана 1909 г. с исправлениями на 1914 год (предоставлены автору из фондов РГИА О. В. Лесниченко), у автора статьи имеется аналогичный фрагмент плана 1926 г. (в цвете) [13].

Внимательный взгляд позволит обратить внимание на то, что улицы крепости имеют названия. Спустя десять лет крепость почти сливается с городом. С запада на восток (перпендикулярно Иртышу) по территории крепости идут улицы Инженерная, Шпрингоровская (!), Горчаковская, Манежная. На месте бывшего вала – Архиерейская. По линии север-юг – Достоевская, Глазенапа, Штабная, Батальонная, Дисциплинарная [14]. У Тобольских ворот по-прежнему прочитывается овраг на месте рва.

На этом плане в «Крепостном» форштадте (!) подписаны только некоторые строения, а весь северо-западный сектор обозначен под № 51 как «Дисциплинарная рота».

Интересным образцом типографских планов является «План города Омска с окрестностями. Составлен в 1917 году при Военно-топографическом отделе Штаба Омского военн. округа». У автора статьи хранится цветной вариант верхней половины плана без экспликации, где разным цветом показаны форштадты, в частности, крепость – коричневым. Масштаб: в 1 дюйме – 200 саженей (1:16800). В качестве городского герба в заголовке плана используется штриховое изображение «киргизского» всадника как на гербе 1825 г. (утверждённом для Омской области) [15]. (Рис. 7)

Омская крепость на плане 1917 года ещё больше смыкается с городом. На плацу и за Тобольскими воротами – западнее казармы Дисциплинарной роты с Преображенской церковью, примыкая к её стене – появляются зелёные насаждения. По восточному валу крепости формируется ещё одна улица – Колпаковского (П. Некрасова). Территория строящейся ТЭЦ с водозабором окрашена в розовый цвет, т. е. относится к Бутырскому форштадту. Сохраняется овраг у Тобольских ворот (выемка). К воротам ходил паром – перевоз с левого берега Иртыша. Рядом – на месте будущего стадиона – товарные пристани.

Можем определить даже высоту крепости над уровнем Балтийского моря: у Тобольских ворот – 34,8 сажени (74 м) над Кронштадтским футштоком. Появляется много новых строений, особенно казарм. Любопытный казус: улица Шпрингеровская превратилась в Жирингоровскую (!).(Рис. 8)

Планы 1920-40-х годов менее информативны применительно к территории крепости. Так, на плане 1923 года мы видим переименование Архиерейской в Театральный пер., Колпаковского в Театральную, Горчаковской – в Красноармейскую (поскольку в прежних названиях запечатлены фамилии бывших генерал-губернаторов), а Шпрингеровской – в Советскую улицы. Правда, мы видим, что крепость остаётся обособленным районом, но территория у Тобольских ворот пока не перекрыта для доступа. На плане 1926 года эта территория по-прежнему показана открытой, а Воскресенский собор – действующим [16]. (Рис. 9.) На плане 1940 г. уже весь северо-западный сектор залит одним цветом, исчезают Дисциплинарная, Манежная и Батальонная, а Инженерная превращается в Учительскую улицу. В 1997 году воинская часть расформировывается, и территория открывается для доступа омичей. Но это уже совсем другая история, продолжающаяся и сегодня.

А ведь многие из сооружений, чудом сохранившихся на территории второй Омской крепости, и ныне остаются важнейшими объектами культурного наследия, требующими бережного и вдумчивого обращения, а не варварской новодельной реновации, движимой лишь стремлением «на скорую руку» навести видимость блеска. Остаётся только порадоваться, что эта судьба не постигла здания гауптвахты, комендантского дома, лютеранской кирхи и Тобольских ворот. Важно осознавать, что весь ансамбль сохранившихся и новодельных зданий и сооружений но-

Рис. 7. План города Омска с окрестностями. Составлен в 1917 году при Военно-топографическом отделе Штаба Омского военного округа. Верхняя половина. Архив автора.

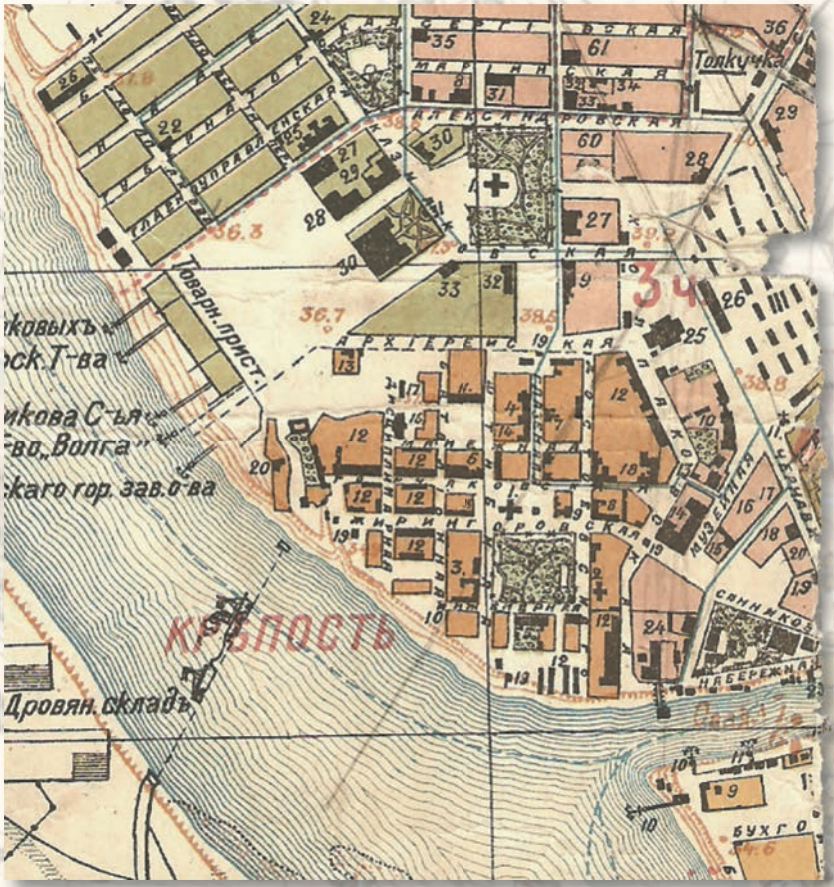

Рис. 8. Омская крепость на Плане города Омска с окрестностями. Составлен в 1917 году при Военно-топографическом отделе Штаба Омского военного округа. Архив автора.

Крепость на плане 1917 года
1. Военный Собор во имя Воскресения Господня
2. Кирха (дом пастора и причта)
3. Окружной штаб
4. Военно-Окружной Суд
5. Окружное Управление по квартирному довольствию войск
6. Военно-Топографический Отдел
7. Окружное Артиллерийское Управление
8. Гарнизонное Собрание и Военно-Окружной Совет
9. Управление Воинского начальника, Комендант города Омска и главная гауптвахта
10. Типография Окружного штаба
11. Отдел по квартирному довольствию войск
12. Казармы 43-го Сибирского стрелкового полка
13. Канцелярия Омского инженерного склада
14. Военно-окружное санитарное управление
15. Казармы санитарного околотка
16. Казармы казачьего дивизиона
17. Бактериологическая лаборатория
18. Конвойная и местная команда
19. Крепостные ворота
20. Военный Тир

Рис. 9. Крепость на плане города Омска, 1926 год. ГИАОО. Ф.695. Оп.1. Д.83. Л.1

вой Омской крепости, включая элементы архитектурно-планировочной среды, позволяет нам соприкоснуться с давно уже минувшей эпохой второй половины XVIII – начала XX веков. Исторические же карты и планы во многом могут способствовать более глубокому изучению этого уникального исторического места.

---

[1] Автор пользуется возможностью высказать личную благодарность архиву и Л. И. Огородниковой, Н. Г. Линчевской, М. Ф. Паниной; ОГОНБ и Л. Г. Пономарёвой, О. П. Леонович; ОГИК музею, научной библиотеке ОГИК Музея и лично И. В. Томиловой и Г. С. Епериной; Омской картфабрике и Т. П. Филатовой, а также Л. С. Худяковой, О. В. Лесниченко, О. А. Свиридовскому, В. И. Селюку, А. М. Лосунову. В. И. и Т. А. Штыбину за предоставление карт и планов и безвозмездную помощь в сборе, копировании и систематизации материалов на протяжении многих лет. Также неоценимую помощь оказали уже, к сожалению, ушедшие от нас коллекционер Ю. В. Александров, библиотекари музея Н. Ф. Климова, Н. М. Столповская, географы П. Т. Сигутов и А. А. Кожухарь.

[2] Кочедамов В. И. Омск. Как рос и строился город. - Омск, 1960. - 112 с.

[3] Кочедамов В. И. Указ. соч. - с. 4, 5, 9.

[4] Там же. - С. 12, 13, 19, 20, 21.

[5] Там же. - С. 23, 34, 40. Публиковать более поздние планы, видимо, не входило в замысел автора, они могли не публиковаться по соображениям секретности, которая в советский период очень сильно навредила картографии.

[6] Кочедамов В. И. Омск. Как рос и строился город. - Омск: [Тип. «Золотой тираж», 2012].

[7] Словцов И. Я. «Материалы по истории и статистике города Омска». Труды Акмолинского областного статистического комитета. Омск: Типография штаба Омского военн. округа, 1880. Ч. 1 - 371 с. Вклейка. Там же - план города Омска 1879 г. Издание хранится в фонде редкой книги ОГИК музея, но планы отделены от книжного блока. Экземпляр есть в ЦКП ОГОНБ. Неповреждённый экземпляр есть в РНБ в Санкт-Петербурге и, возможно, - в БАН.

[8] Старый Омск. Иллюстрированная хроника событий. / сост. и науч. ред. П. П. Вибе. - Омск: ИД ЛЕО, 2000.- с. 20-21; см. также: Очерки истории города Омска. Том первый. Дореволюционный Омск. / под ред. А. П. Толочко. - Омск, 1997. Миненко Н. мА., Фёдоров С. В. Омск в панораме веков. Омск, 1999. Алисов Д. А. Культура городов Среднего Прииртышья в XIX-начале XX вв. Монография. Омск, 2001.

Альбом предпроектных обоснований к мероприятиям, посвящённым 300-летию города Омска «Выдвижение инициативы по созданию, развитию и популяризации историко-археологического комплекса «Тобольские ворота» в рамках реставрации Омской крепости. 1 блок». Фонд охраны археологического наследия / И. Г. Гаврилова. - Омск, 2009. На правах рукописи. 44 с.

[9] Омск: 1716 - 1991. Альбом карт. - Москва: ГУГК СССР, ОКФ, 1991. - 16 с. - 11000 экз.; Атлас Омской области - М.: Федеральная служба геодезии и картографии России , 1996 - 56 с.: ил. Карты городов России. Омск. М 1:20 000. Москва: ФАГК, ФГУП «Омская картографическая фабрика», 2008. (с изм.).

[10] Катанаев Г. Е. Историческая записка о том, как и когда был основан г. Омск. Переиздание. - Омск: ГАОО, 1996. Вкладка.

[11] Улицы города Омска. Справочник. Омск: ГУИПП «Омский дом печати», 2001. - 264 с. / ГАОО. 1-е изд.

[12] Исходный масштаб - «40 саженей в дюйме» соответствует масштабу в 1 см - 33,6 м (1:3360), поскольку в 40 саженях (7 футов в сажени х 12 дюймов в футе = 84 дюйма в 1 сажени) - 3360 дюймов.

[13] План города Омска с показанием проектных расширений и казачьих выселков 1909 г. (Иванов-Царёв).

[14] Современные названия: ул. Победы, Партизанская, Голика, нет, Красина. Параллельно Иртышу - Достоевского, Спартаковская, Таубе.

[15] «План города Омска с окрестностями. Составлен в 1917 году при Военно-топографическом отделе Штаба Омского военн. округа».

[16] Крепость на плане Омска, 1926 г. ГИАОО. Ф.695. Оп. 1. Д.83.

КОЛЛЕКЦИЯ КНИЖНЫХ ЗНАКОВ ОМСКОГО КРАЕВЕДА А. Ф. ПАЛАШЕНКОВА

Александр Ремизов

Андрей Фёдорович Палашенков (1886 -1971 гг.), будучи – почти как все краеведы – увлечённым и неутомимым собирателем, обладал коллекциями библиографических раритетов (старопечатные книги, омская периодика времён гражданской войны), старинных строительных материалов (кирпичи, плинфы, раствор, черепица, железные связи от древних архитектурных сооружений Киева, Смоленска, Петербурга, Омска, Тары), визитных карточек и даже фантиков от «конфектов», невесть кем съеденных ещё в начале прошлого века.

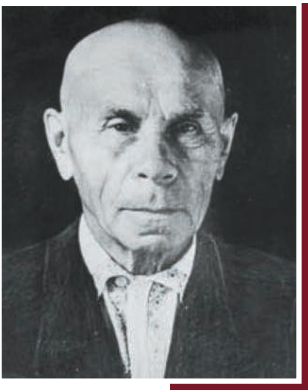
В делах его личного фонда, хранящегося в Государственном историческом архиве Омской области, есть ещё одно чрезвычайно интересное собрание – коллекция книжных знаков (Ф. 2200. Оп. 1 Д. 359). Эта коллекция представляет собой 116 книжных знаков, аккуратно наклеенных на листы семи обычных ученических тетрадок. Художественно выполненные авторские экслибрисы, отпечатанные типографским способом наклейки (наклеивались на соприкасающуюся с переплётом часть форзаца, в левый верхний угол его), а также вырезки с оттисками печатей, штампов и подписями от руки, говорящими о принадлежности книг или иным владельцам. Книжные знаки распределены коллекционером по этим тетрадкам с учётом разного рода признаков и, прежде всего, их географической принадлежности. В четырёх тетрадях помещены омские экслибрисы, в остальных – «иногородние».

Среди последних имеются наклейки книжного магазина С. И. Литова в Киеве, библиотек Императорского Московского Археологического общества, VI Петербургской гимназии, Пермского губернского комитета попечительства о народной трезвости. Тобольские библиотеки пред-

ставлены знаками Губернского музея, Духовной семинарии, Губернского статистического комитета, Резервного пехотного (кадрового) полка, Губернского межевого архива. Любопытны вырезки с надписями пером «Из книг ученика семинарии Евгения Иконникова» (Тобольск, сер. XIX века), знаки (наклейки и оттиски) библиотек Тюмени: клуба приказчиков и частной – В. П. Ядрышникова, фрагмент титульного листа книги К. Тимофеева «Генрих Песталоцци» с дарственной (аудиторскому училищу) надписью автора. Из знаков послереволюционного периода (1930–1950-е гг.) можно отметить оттиски штампов (в том числе угловых) библиотек Коммунистической Академии при ЦИК СССР, Центрального Педагогического музея РСФСР, Государственного астрономического института им. Штернберга, Иркутского геолого-разведочного НИИ, Алма-Атинского государственного заповедника и заповедника «Боровое», Якутской Национальной библиотеки.

Некоторые из «иногородних» книжных знаков особенно интересны. Просты и очень изящны знаки Их Императорских Высочеств Великих Князей Сергея Александровича и Николая Николаевича, на них изображены лишь сияющие короны и монограммы. В русском стиле с использованием в оформлении традиционных фрагментов теремной архитектуры выполнен экслибрис А. А. Сидорова. Все надписи («Из книгохранилища... Шкаф... Полка...») сделаны славянской вязью, знак украшен медальоном с портретным изображением первопечатника Иоанна Фёдорова.

Книжный знак графа В. В. Левашова свидетельствует о воинской доблести книговладельца: в центре экслибриса изображён родовой герб под графской короной, герб поддерживают грозный лев и бравый гусар в полном парадном обмундировании, под гербом – девиз «Virtuti et Honori» («Доблесть и Честь»). Экслибрис учёного-

А. Ф. Палашенков

Андрей Федорович Палашенков

Легендарный краевед, археолог, путешественник, директор Омского областного краеведческого музея А. Ф. Палашенков родился 29 октября 1886 года в с. Надва Смоленской губернии. Вёл активную музейно-краеведческую работу на Смоленщине. В 1933 г. был арестован по необоснованному обвинению в шовинизме и «противодействии Советской власти». В 1934 г. осуждён и выслан в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь (Карлаг) на 3 года. За ударную работу по созданию общелагерного музея в марте 1936 г. досрочно освобождён. Опасаясь нового ареста, в Смоленск А. Ф. Палашенков уже не вернулся и в ноябре 1936 г. оказался в Омске.

Будучи научным сотрудником Омского краеведческого музея, А. Ф. Палашенков в 1937-1940 гг. провел учёт, фотофиксацию и паспортизацию историко-революционных памятников на территории Омской области. В эти годы он обследовал кремль, могилы декабристов и другие памятники Тобольска. Под его руководством в 1938-1939 гг. были проведены археологические экспедиции к месту, где когда-то находился г. Искер - столица последнего сибирского хана Кучума, а также ряд экспедиций на Север.

В годы Великой Отечественной войны вместе с сотрудниками музея А. Ф. Палашенков обеспечивал сохранность эвакуированных в Омск в 1941 г. музейных коллекций из Москвы, Вологды, Новгорода. С 1943 г. - директор Омского краеведческого музея. В послевоенные годы по инициативе А. Ф. Палашенкова были открыты музей сибирского садовода П. С. Комиссарова, музей Марьяновских боев, положено начало литературному музею им. Ф. М. Достоевского, взят под государственную охрану участок Московско-Сибирского тракта, сохранены Тобольские крепостные ворота. Он активно выступал в защиту Тарских ворот, Никольского казачьего собора и других памятников истории и архитектуры. По инициативе А. Ф. Палашенкова и при его непосредственном участии в 1947 г. был возрождён Омский отдел Географического общества. Неслучайно Палашенков стал первым лауреатом премии им. М. В. Певцова, учреждённой этим отделом. Выйдя на пенсию, он не оставил любимое дело: в 1960-е гг. активно занимался популяризацией краеведческих знаний, путешествовал, собирал и систематизировал материалы к энциклопедическому словарю Омского Прииртышья. Эта большая работа так и осталась незавершённой - помешали тяжёлая болезнь и смерть краеведа 30 апреля 1971 г.

Экслибрис барона Д. Г. Гинзбурга

ориенталиста барона Д. Г. Гинзбурга (1857-1910 гг.) выполнен в виде овала с поддерживаемым львом и оленем баронским гербом в центре. Баронский титул был пожалован отцу владельца книг в 1870 г. Великим Герцогом Гессен-Дармштадтским (с согласия Александра II) за оказание правительству услуг (материального свойства) в годы Крымской войны. По краю овала надпись на иврите: «Вся ты прекрасна, подруга моя, нет недостатка в тебе».

На высоком художественном уровне выполнен экслибрис жившего на Литейном петербуржца В. Клочкова (женщина стоит на коленях среди груды книг. 1903 г.) и в ещё большей степени М. Соколовской (1921 г.). Художник Сергей Чехонин изобразил прекрасную златокудрую девушку. Перистое облако её рассыпающихся волос растворяется в море цветущих трав. Тело юной красавицы прикрыто бумажным листом с разбросанными по нему цветами. Из цветов, если приглядеться, складывается монограмма «М. С.». Располагавшему, по сути дела, скупыми изобразительными средствами талантливому мастеру удалось передать в лаконичной графической миниатюре и буйство цветения природы, и жизнерадостный настрой солнечного дня. Экслибрис буквально источает чарующий и пьянящий аромат знойного лета.

Естественно, наибольший интерес вызывают омские книжные знаки (в большинстве своём дореволюционного времени). А. Ф. Палашенкову удалось раздобыть наклейки библиотек Омского отделения Императорского Русского Музыкального Общества, Омского общественного собрания, Войсковой библиотеки Сибирского казачьего войска, ЗСОРГО (четыре наклейки голубого, зелёного, жёлтого и розового цветов), городской библиотеки им. В. Г. Белинского и Второй городской библиотеки, а также оттиски штампов Омского епархиального братства, Свято-Троицкой церкви на ст. Омск (два чётких оттиска очень изящного штампа), миссионерского кружка на ст. Омск.

Хорошо представлены в коллекции учебные заведения старого Омска. Можно видеть библиотечные знаки Сибирского кадетского корпуса, военных гимназий и прогимназий, Омской станичной мужской школы, военно-топографического училища, Никольского мужского приходского училища, знаки фундаментальных и ученических библиотек мужской и женской классических гимназий. Интересно, что на наклейках ученических библиотек

Книжный знак В. В. Левашова. Фрагмент

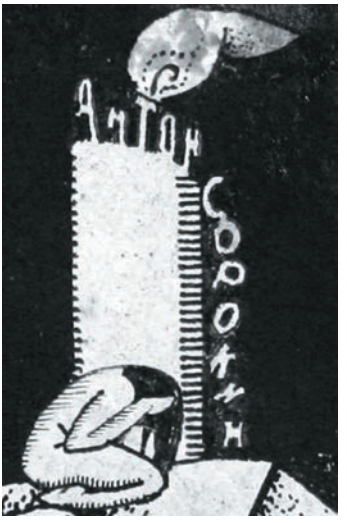
гимназий кроме обычных позиций типа «отдел» или «номер по каталогу» есть специальные – «возраст», «класс».

Отдельно поместил коллекционер экслибрисы омичей – деятелей науки и культуры (16 экз.). Впечатляет книжный знак «короля сибирских писателей» Антона Сорокина. В центре композиции – свеча, в её пламени огромными языками дрожат буквы имени писателя, подобно раскалённым восковым каплям стекают со свечи одна за другой буквы его фамилии, «с» находится ещё вблизи пламени, а «ъ» уже растеклась, почти потеряв форму, по писательскому столу. Слева у свечи – коленопреклонённая женская фигура в позе если не скорби, то, по крайней мере, глубочайшего почтения. На верхнем листе лежащей справа стопки бумаги – текст девиза: «Воспламенять читателя может писатель сгорающий». Есть в подборке и экслибрис самого Алексея Фёдоровича с изображением уходящих за горизонт степных просторов, перемежающихся с небольшими лесками. На переднем плане – каменные бабы – древние изваяния, оставленные кочевавшими когда-то по степи племенами.

В одной из тетрадей вместе с книжными знаками из Тобольска и Тюмени, о которых уже шла речь выше, помещены и тарские – 16 наклеек и вырезок с от-

Экслибрис А. Ф. Палашенкова

Экслибрис писателя А. С. Сорокина

тисками штампов и рукописным текстом. Судя по поблекшим чернилам и особенностям письма, более чем столетие назад были сделаны надписи «Градо Тарской Соборной Николаевской церкви» и «Казённая Градо Тарской Успенской Церкви». Концом XIX – началом XX столетия можно датировать наклейки и оттиски библиотек уездного училища, женской прогимназии, приказчичьего клуба. Есть в коллекции и книжные знаки тарчан В. А. Щербакова (наклейка) и Н. П. Щербаковой (оттиск штампа), имевших личные библиотеки (Щербаковы – известная в своё время в Таре купеческая фамилия).

Завершить обзор коллекции экслибрисов, собранной Андреем Фёдоровичем, хочется словами его старого друга, замечательного краеведа С. Р. Лаптева (1891-1967 гг.), произнесёнными на юбилейном вечере, посвящённом 80-летию Палашенкова. Когда речь зашла об архиве юбиляра и его коллекциях, Сергей Романович сказал: «Это исключительное богатство, над которым придётся поработать не только Андрею Фёдоровичу при его жизни, но останется достаточно и для его учеников, последователей и потомков».

СКРОМНЫЕ ГЕРОИ ВЕЛИКОЙ СТРАНЫ

ЭССЕ

Наталья Елизарова

Светлой памяти тех, кто не вернулся

С самого детства мне снится один и тот же сон: летний полдень, заросший душистыми травами луг, жиденький берёзовый лесок, стрекотание кузнечиков... Расслабляющая нега. Оазис парящей безмятежности... И вдруг, откуда ни возьмись, – танки! Массивные, тяжёлые, агрессивные... Чувствую, как всё тело прошибает холодный пот. В страхе отползаю к роще... Танки приближаются с неумолимой быстротой, ещё немного – и раздавят. Вскакиваю и в панике бросаюсь в березняк. За спиной грохает залп. Передо мной взмывает столб земли с выдранными корнями и растерзанной древесиной... Пригнувшись, бегу со всех ног, стараясь найти укрытие и обмануть смерть. Запнувшись о корягу, падаю в овраг, но, едва отдышавшись, подскакиваю и мчусь дальше... Молодая берёзовая поросль не спасёт... Если бы удалось добежать через поле до леса! В нём можно спрятаться: он огромен и, благодаря бурелому, непроницаем... Только бы успеть добежать до него!..

Досмотреть сон до конца не удавалось никогда. Оглушающий взрыв – и я просыпаюсь! Много раз спрашивала себя – что это: пересмотрела в детстве чересчур много военных фильмов или богатое воображение? Я никогда не была на войне, а танки видела только по телевизору, во время праздничного парада Победы, или в музее воинской славы. Почему же тогда страх такой явный, острый, не придуманный и будто бы испытанный мною лично?.. Как-то раз пересказала ночной кошмар товарищу и с изумлением узнала, что время от времени ему снятся почти такие же сны, что и мне. Позже выяснилось, что подобные сны видят очень многие. И многие ощущают такой же панический безотчётный ужас. Подобно мне, эти люди никогда не были на войне, но все их предки – родители, деды, бабушки – воевали. Должно быть, это от них из поколения в поколение передаётся травматическая память о пережитой боли от потери близких – ушедших на фронт и не вернувшихся, страх перед бомбёжками, автоматными очередями, взрывами орудий, страх перед голодом... «Ген войны». Он сидит в каждом из нас.

В моей семье воевали все, всегда, хоть профессиональными военными ни-

И. М. Черняк, участник Первой мировой войны

кто из родственников не был. В Первую мировую призывался на службу к царю-батюшке ещё мой прадед по линии матери – Черняк Иван Михайлович. Попал в плен в первый же год войны и семь лет провёл на чужбине. Рассказывал, что фермер, на которого ему довелось работать вместе с другими пленными русскими мужиками, никогда не обижал его, не наказывал. Ценил как хорошего столяра и постоянно делал заказы. Покажет, бывало, картинку: «Сможешь такую штуку сделать? А вот такие узоры сумеешь выточить?». Дед Иван сделает. А «хозяин» хвастается потом его работой перед своими гостями: изделие – роскошное и, главное, задарма – платить-то «русскому Ваньке» не надо... Вернуться домой он смог только в 1921 году, когда стали обменивать пленных. Многие русские, привыкнув за столько лет к дальней стороне, там и остались, обзавелись семьями. А дед Иван не мог – по дому тосковал сильно. Да и была у него уже жена, прабабушка моя, Ефросинья Ивановна (урождённая Глущиц), которая преданно долгие годы ждала мужа, а с ней – дочь Марфа и сын Арсентий... Потом у них ещё появятся дети: Василий, Фёдор, Николай, Нина, Антонина. Фёдор умер ребёнком, а вот три старших брата моей бабушки Нины хлебнули по полной...

Василий – весельчак и балагур, красавец и любимец женщин – прошёл Сталинград, был тяжело ранен. Сейчас ему 93 года. Казалось, всё давным-давно позади. Но, спустя годы, не может вспоминать войну без слёз. «Страшно было», – говорит он. Их, десантников, забрасывали на парашютах в тыл врага. Выживали единицы. А потом был Сталинград, и он помнит, как горела и стонала земля. Помнит, как заживо гнил в госпитале, выковыривая из раны червей. О себе говорит скупо, нехотя, но о брате Николае – весело, с задором: «Отчаянный был Колька, ничего не боялся!». Таким своего брата запомнила и моя бабушка. Николай был рослым, физически крепким и сильным. Драться не любил, но если кто «выпрашивал», спуску не давал. Младшие сёстры помнили его наказ: «Если кто обидит, только скажите!..». Однажды бабушка возвращалась из школы, ей преградил дорогу местный хулиган. «Попробуй, тронь – брату расскажу, он тебе наподдаёт!». «А кто

В. И. Черняк, участник Сталинградской битвы. Фото 2015 г.

Гвардии сержант Н. И. Черняк (первый ряд, второй справа) воевал на 1-ом Прибалтийском фронте

твой брат?» «Коля Черняк». Хулиган тут же ретировался… Во время войны младший сержант Николай Черняк был разведчиком, чудом выкарабкался с того света после двух тяжёлых ранений. В 1944 году его наградили медалью «За отвагу». Описание подвига в приказе о награждении лаконично и умещается в трёх строчках: «…при прорыве обороны противника в р-не д. Гравдуше 5.10.44 г., ворвавшись в траншею противника, забросал гранатами огневую точку, взял в плен при этом одного и убил двух немецких солдат…». Вернуться домой смог только в 1951 г.: война хоть и закончилась, но службу в армии никто не отменял, а служили тогда подолгу…

Но самая тяжёлая ноша выпала старшему брату Арсентию. Детство – без отца, едва встал на ноги – война: сначала советско-финская, едва вернулся – Отечественная. Только что и успел, что жениться, а вот детей не оставил. Он пропал без вести в самом начале войны – 4 сентября 1941 года. В ноябре пришла похоронка. Как погиб – неизвестно. Эти сведения я разыскала уже сама, по архивам, спустя более 70 лет. А как нашла данные о его смерти, почувствовала, как сжалось сердце; эта тупая боль долго не отпускала меня. Не готова я была к такой правде. Долго думала, говорить или нет своей бабушке Нине и её брату: всё ж таки старенькие они, а правда тяжёлая… С трудом решилась. Плакали оба – тихо, беззвучно: «Вот как, оказывается, погиб Сеня… а мы всё гадали, что с ним случилось»… Его часть была разбита, и он вместе с другими бойцами попал в окружение. Солдаты пытались вырваться из кольца малыми группами. Не получилось… Перед тем как казнить Арсентия, эсэсовцы подвергли его пыткам. Ему было 26 лет. Погиб он 3 ноября 1941 года, похоронен в деревне Заситино Себежского района Псковской области. «Хороший Сенька был, – говорит

Все графы заполнять полностью

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

1. Фамилия, имя и отчество ЧЕРНЯК Николай Иванович
2. Звание Младший сержант 3. Должность, часть Курсант 4-й роты 2-го б-на Школы Радиоспециалистов БТВ КА

Представляется к правительственной награде-Медали "За боевые заслуги"

4. Год рождения 1926 5. Национальность Русский 6. Партийность Чл.ВЛКСМ
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) Участник Отечествен.войны с янв.43г по март 1945 г. на 1 Прибалтийском фронте
8. Имеет ли ранения и контузии в отечественной войне 2 ранения в 44г. и 45г.
9. С какого времени в Красной Армии с янв.1943г. 10. Каким РВК призван Азовским РВК Омской области
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) Наград не имеет
12. Постоянный домашний адрес представляемого к награждению и адрес его семьи —

ДЛЯ ПОДШИВКИ

I. Краткое, конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг

В Районе деревни Пожилино Литовской ССР 4.10.1944г. в составе 3-й роты 154 гвард.стрелков.полка 151 гвард.стрелков.дивизии в наступлении при прорыве обороны противника получил сквозное пулевое ранение. В районе деревни Прикули Литовск.ССР 13.02.1945 года в составе 52-ой отдельн.развед.роты 51-й гвард.СД в разведке по захвату языка в момент боя в траншее противника вторично ранен.

За время службы в Школе Радиоспециалистов БТВ КА, показал себя дисциплинированным, добросовестным курсантом. К занятиям относится с большим интересом. Имеет несколько благодарностей от командования Школы.

Делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине Предан.

Достоин правительственной награды-медали "За боевые заслуги"

КОМАНДИР 2-го БАТАЛЬОНА
ГВАРДИИ МАЙОР — /ТРОЛНОВ/

Командир (начальник) (звание)

24 марта 1946 г.

Наградной лист Н. И. Черняка

Г. И. Лютик, ефрейтор, радиотелефонист ракетных войск и артиллерии

бабушка, – добрый, ласковый, работящий... комбайнёром до войны работал...». От него не осталось ничего – ни вещей, ни фотографии.

Совсем ещё молоденькой девчонкой ушла добровольцем на фронт моя бабушка – Галина Ивановна Лютик. С декабря 42-го и до конца войны служила радиотелефонисткой ракетных войск и артиллерии сначала в 289 отдельной зенитно-артиллерийской дивизии, затем – в 1571 зенитно-артиллерийском полку. За всё время войны она не удостоилась ни одной награды. Не принято тогда было награждать детей репрессированных родителей...

Всего одна фотография осталась от моего прадеда, фамилию которого я ношу, – Фоки Дмитриевича Елизарова, старшего политрука, комиссара полка... Ох, до чего же не нравилось прадеду его старорежимное, как говаривали в молодой Советской республике, имя – Фока (произносится с ударением на последний слог). Мечтал, вернувшись с войны, первым делом поменять имя. «Сергеем буду, – говорил он детям. – И у вас всех отчество другое будет – Сергеевичи!». Этому не суждено было сбыться: он погиб 5 марта 1942 года, под Старой Руссой. Боевые товарищи похоронили его в братской могиле у деревни Кузнецово. Не пощадила война и его четырёх родных братьев. Пятеро ушли и все пятеро сложили головы. Мать их, когда получила последнюю похоронку, сняла со стены икону и вынесла её из дома. «Если б Он был, хотя бы одного в живых оставил...».

В учебниках истории – сухие выжимки: Демянский котёл, ожесточённые бои... А ведь война обезглавила весь наш род, выкосив подчистую всех мужчин. Сильных. Здоровых. Умных. Трудоспособных... Иногда я задаю себе вопрос: как бы могла сложиться судьба моей семьи, если бы безвременно не ушли её кормильцы? Если бы они успели вырастить своих детей, дать им воспитание, образование?.. Какой бы могла быть судьба всей нашей Родины, если бы ни эта жестокая и бессмысленная война, отнявшая лучших? Отнявшая всё.

В 1986 году мой дед, Леонид Фокеевич, написал стихотворение, которое посвятил своему отцу. Дедушка не был поэтом. Это стихотворение – первое и единственное в его жизни. Наверное, могли

Комиссар полка, старший политрук Ф. Д. Елизаров

быть и другие, но ему с 13 лет пришлось, что называется, пахать. Тяжёлое время, трудная судьба. До стихов ли было?.. К слову, на его долю тоже выпало испытание войной, но уже другой – в Северной Корее.

Леонид Елизаров

Не забудьте, внуки!

Почему так грустно
Нам сегодня, друг?
Почему же сердце
Защемило вдруг?
В этот День Победы
Радуйся и пой!
Позади все беды,
Завершился бой!
Бой – в четыре года,
Бой – за право жить.
Чтоб всему народу
Быть или не быть!
Через кровь и стоны
Знамя пронесли
Двадцать миллионов
В землю полегли!
Не просохли слёзы
Матерей и вдов.
Стерегут берёзы
Вечный сон отцов!
Слышатся нам звуки
В шелесте листвы:
– Не забудьте, внуки
Как боролись мы!
Как боролись, пали,
Мир планете дав.
Как легендой стали
Смертью смерть поправ!
Вы ж за нас живите,
Чтоб порядок был...
Землю сохраните
От безумных сил!

Это стихотворение долго лежало в семейном архиве, пока в прошлом году я не решилась его обнародовать. Именно оно натолкнуло меня на создание проекта, посвящённого 70-летию Великой Победы, который я и мои коллеги по работе успешно воплотили. Был создан цикл видеороликов «Слово Победы. Омские поэты о войне», включивший в себя 26 стихотворений, которые транслировались на официальном портале администрации города

Л. Ф. Елизаров, труженик тыла, участник войны в Северной Корее

Омска. Для проекта были отобраны произведения как профессиональных литераторов, таких как Роберт Рождественский, Тимофей Белозёров, Николай Трегубов, Аркадий Кутилов, Николай Березовский, Елена Злотина-Миронова, Эльвира Рехин, Иван Денисенко, Вильям Озолин, Владимир Новиков, Яков Журавлёв, Николай Анкилов, так и поэтов-любителей, среди которых: Леонид Елизаров, Николай Трофимов (Никольский), Яков Горчаков, Александр Гусев, Юрий Плотов, Дмитрий Нелидинский. Зазвучали стихотворные строчки поэтов-фронтовиков, погибших в годы войны: Георгия Суворова, Бориса Богаткова, Иосифа Ливертовского. Чтецами стихотворений выступили не только профессиональные актёры (заслуженная артистка России, актриса Омского государственного драматического Пятого театра Татьяна Казакова, актёр Омского государственного драматического театра «Галёрка» Владимир Кокин, актриса Омского государственного театра куклы, актёра, маски «Арлекин» Елена Кочанова, актёры драматического Лицейского театра Николай Пушкарёв, Ольга Охот-

ницкая, Александр Боткин, Павел Симкин и другие), но и учащиеся средних образовательных школ и лицеев, воспитанники детских и юношеских творческих коллективов. Изюминкой проекта стали стихотворения омских поэтов Михаила Кузина, Александра Бекишева, Сергея Денисенко в авторском исполнении. Но самым незабываемым рабочим моментом была поездка в Кормиловку, куда мы с коллегами направились на поиски чтецов. До чего же талантливые дети живут в деревнях! Чуткие, искренние, добрые... Они читали так, что на глаза наворачивались слёзы. Это не актёрское мастерство и не ораторское искусство. «Ген войны» сидит и в этих детях. Дай бог им никогда не пережить то, что пережили их прадеды и прабабушки!..

Девятого мая, в день празднования Великой Победы, экранизированные стихотворные произведения транслировались в омских школах, библиотеках, кинотеатрах. Проект «Слово Победы» был тепло принят зрителями, которые охотно давали ссылки на полюбившиеся им видеофильмы в социальных сетях Интернета. Регулярно творческая группа получала благодарные отзывы не только от омичей, но и от жителей других регионов России и зарубежных стран: «Посмотрела-послушала... всплакнула... Где-то заскребло внутри и у меня от любви к моему деду... Люди разные, а судьба одна, опалённая войной... И такие хорошие фотографии, и документальные кадры... Всё это было в моём Отечестве...» (Наталья Ангарская, г. Хабаровск), «Спасибо за стихи... Вы читаете так, что мороз пробегает по коже...» (В. Шааф, Германия, г. Бонн), «Браво! Стихотворение, чтение... До дрожи... Очень волнительно, не оставляет до сих пор!» (Ю. Авдеев, г. Называевск), «Плакала и слёз не стеснялась» (Галина Бабенко, Украина, г. Киев), «Вам – низкий поклон... Очень трогательно и созвучно нашим чувствам – чувствам послевоенного поколения... Так хочется, чтобы эти чувства сохранились в наших внуках...» (Валентина Рыженко, г. Омск), «Спасибо за сильные чувства. Плачу. Хорошо. Честно.» (Татьяна Крылова, г. Екатеринбург). По итогам работы был выпущен компакт-диск, в который вошли все видеоролики проекта «Слово Победы. Омские поэты о войне». Примечательно, что его презентация состоялась не в Омске, а в Кормиловке, в связи с завершением Года литературы и открытием Года российского кино.

...Прошлой весной я зашла в Серафимо-Алексеевскую часовню поставить свечку за упокой погибшим на войне близким. Про себя называю её «храмом воинов»: после Русско-японской войны здесь размещались мемориальные доски с именами погибших солдат. Эта часовенка очень удобна для тех, кто предпочитает уединение: несмотря на расположение в самом сердце города, она почти безлюдна: служащая храма, продающая церковную утварь, один-два прихожанина. Но в тот день неожиданно для себя я встретила там священника. Остановилась на пороге, не решаясь войти: голова – не покрыта, брюки... одним словом, всё не по канону. Но отец Роман прогонять не стал, напротив, благословил и ответил на вопрос, который долгое время терзал и мучил меня: столько лет прошло после того, как отгремела война, столько воды утекло... я и родственников-то своих погибших не знала... почему же тогда мысли о них не дают покоя? Его слова потрясли: «Нет ни живых, ни мёртвых, ни прошлого, ни будущего. И Вы, и Ваши родственники – и живые, и умершие – это одно тело. Если болит палец, боль ощущает весь организм. И если Ваши родственники страдали, это будете чувствовать и Вы».

Я чувствую. Чувствую так, как будто бы всё произошло со мной... В 2011 году я написала роман «Пока смерть не разлучит нас», роман о войне, об Освенциме. На творческих встречах читатели задавали и задают мне один и тот же вопрос: «Почему Вы пишите о войне, на которой никогда не были?» Да, не была, но... У Роберта Рождественского есть стихотворение «За того парня», а в нём потрясающая по своей глубине строчка: «Всё, что было не со мной – помню!». Вот и я помню. Помню и чувствую боль. И надеюсь, что рано или поздно осуществится моё давнее желание: побывать на могилах прадедов – на Псковщине, под Старой Руссой. Хочу просто постоять там, подышать с ними одним воздухом... Я верю – смерти нет.

Леонид Фокеевич Елизаров (в центре) в годы службы в частях Военно-Морского флота СССР

Телеграф в блиндаже 115 -й Отдельной роты связи. За аппаратами слева направо Н. Шахнова и А. Сазонтова. 1942 г.

О ПОДВИГАХ СВЯЗИСТОК В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сергей Новиков

Ирина Гладкова

«...Без нас, без женщин,
В сорок пятом,
Может быть, и не было б весны!»
Н. Смирнова

Уходят люди, а с ними уходит время. Задача ныне живущих – сохранять историческую память, в особенности, легендарные страницы нашей истории. Прошло более 70 лет после окончания Великой Отечественной войны, но множество её свидетельств до сих пор не опубликовано. В домашнем архиве семьи Макаркиных-Гладковых хранится дорогая реликвия – рукопись деда, участника Великой Отечественной войны Ивана Васильевича Макаркина «Связь с небесными силами. (Документальные очерки)». В годы войны он служил командиром 115-ой и 229-ой отдельных рот связи, которые в 1942-1944 гг. поочередно входили в состав 7-ой и 1-ой Воздушных армий.

В рукописи собраны многочисленные факты, обстоятельства, подробности военной службы отважных девушек-связисток, которые наравне с мужчинами воевали, ежедневно выполняя возложенную на них тяжелейшую и ответственную работу. На страницах этого документа история оставила свои следы – в разное время, пока рукопись переносилась автором из изда-

И. В. Макаркин. Фото 1945 г.

тельства в издательство, чья-то безапелляционная рука уверенно дописывала в повествование фрагменты о роли партии в завоевании Великой Победы, другая рука вычёркивала из текста упоминание о замполитах и политруках, рассказ о комсомольском прошлом юных радисток и связисток. Впрочем, ни с первыми, ни со вторыми правками рукопись так и не стала книгой...

Идея написать о своём (и не только своём) военном прошлом у Ивана Васильевича возникла не случайно. В 1978 г., спустя 34 года после окончания войны, одна из бывших связисток Катя Кортьева сумела найти своего командира и написала ему письмо. Затем одно за другим последовали письма её боевых подруг, в каждом – воспоминания о военном прошлом. Долгожданная встреча однополчан состоялась в Москве в 1980 г., в год празднования 35-ой годовщины Великой Победы. Именно тогда они обратились к своему командиру с просьбой: «Иван Васильевич, напишите про нас книгу».

И работа над книгой началась. В течение пяти лет шла активная переписка, каждую неделю по почте приходили письма, а в них – военные фотографии, вырезки из газет. Присылаемые материалы ложились в канву воспоминаний ...

Довоенная жизнь Ивана Васильевича, родившегося 23 сентября 1915 г., была связана с Мариинском – старейшим городом Кузбасса (основанным в 1698 г. как с. Кийское). В конце 1920-х – начале 30-х гг. в этом городе шли активные социалистические преобразования: строительство Лесозавода (1928 г.), открытие Сельскохозяйственного техникума (1931 г.), Радиоузла (1934 г.), Дома Пионеров и Детской библиотеки (1936 г.).

После окончания школы И. В. Макаркин прошёл срочную армейскую службу на Дальнем Востоке, по возвращении домой обзавёлся семьёй, воспитывал двух сыновей. Работал директором школы с. Усть-Сертинска Чебулинского района. В ноябре 1941 г. он был призван на фронт.

В 1942 г. Иван Васильевич назначен командиром 115-ой отдельной роты, обеспечивавшей связь с эскадрильями бомбардировщиков, штурмовиков и истребителей, входящими в состав 7-ой Воздушной Армии, базировавшейся в Беломорске (Карельский фронт).

В первых числах ноября 1942 г. в Кандалакшу ожидалось прибытие из Новосибирска новобранцев, по преимуществу девушек-сибирячек, для комплектования 115-ой отдельной роты связи 26 Воздушной Армии. В числе новобранцев были и омички: сёстры Мария и Надежда Оконешниковы, Анна Вихрова, Вера Дементьева, сибирячки: Наталья Котенко, Галина Шерстюк, Анна Денисова, Нина Шаханова, Агния Созонтова, Анна Хорева.

Мария и Надежда Оконешниковы родились в селе Красный Яр Омской области в многодетной семье. После окончания восьми классов и курсов счётных работников старшая Мария вернулась в своё село. Первый же день её выхода на работу совпал с началом войны. В мае 1942 года в сельсовет телефонограммой велели представить в райком комсомола список девушек, имеющих образование не ниже семи классов, желающих добровольно защищать Родину. 18 мая первых добровольцев из села и района провожали все односельчане. Проводы мужчин на

фронт – трагическое событие, а проводы девчонок – зрелище, которое трудно поддаётся описанию. Это нужно видеть...

В Новосибирске девушек, направленных в 13-й отдельный запасной полк связи, сразу же подстригли «под мальчишек»; режим дня жёсткий, насыщенный занятиями; тут не до причёсок. Пришлось и Марии остричь свои русые косы и отправить их посылкой домой. Сколько было пролито маминых слез над этими косами!

14 октября 1942 года поздней ночью из Новосибирска группу связисток, среди которых были сёстры Мария и Надежда Оконешниковы, а также ещё тринадцать омичек, погрузили в вагоны санитарного поезда. Перед отъездом они послали телеграммы родным, надеясь на встречу в Омске, который должны были проезжать. Однако встреча не состоялась. Две недели родственники ждали эшелон у железнодорожных путей, пока начальник вокзала не объяснил, что вагоны с новобранцами давно проследовали на Запад.

Карельский фронт – северный фланг советско-германского фронта – протянулся почти на 1600 км. Как вспоминал Иван Васильевич: «Здесь долгая ночь сменялась непрерывным днём. На сотни километров раскинулись вековые леса со множеством светлых озёр, а в заполярной зоне – тундра со скалистыми бесплодными плоскогорьями и холмами». Круглый год порт Мурманск принимал основную часть грузов, получаемых по ленд-лизу из США и Англии. Учитывая эти обстоятельства, враг рвался вперёд, намереваясь овладеть Советским Заполярьем, что определяло ожесточённый характер борьбы двух противоборствующих сил. Мурманск соединялся с центром страны единственной железнодорожной линией – Кировской железной дорогой (той самой, которую прикрывали с земли зенитчицы – героини повести Б. Васильева «А зори здесь тихие»). Соотношение сил на сухопутном участке Северного фронта было выгодным для противника, и он, пользуясь своим превосходством, с жестокими боями теснил наши войска, захватив Печенгу (Петсамо), Медвежьегорск, Петрозаводск, форсировал Свирь и создал плацдарм на её южном берегу.

Радистки 3-го истребительного полка авиакорпуса, слева направо омички Галина Шерстюк и Анна Денисова. Фото 1943 г.

Тяжёлой была служба в условиях Заполярья. Из-за непрекращающихся авиационных налётов узел связи приходилось размещать глубоко под землёй. Суровая природа Севера с трескучими пятидесятиградусными морозами, сопровождаемыми сильными ветрами и глубокими снегопадами зимой, непроходимыми топями, нестерпимым гнусом и комарьём летом, требовала больших физических и душевных сил. Трудно приходилось связисткам в условиях, когда под непрерывным огнём врага они день за днём обеспечивали бесперебойную связь с главным командованием, спасая тем самым множество человеческих жизней и проявляя при этом истинные мужество и героизм.

С началом 1943 г. ситуация на Северном фронте обострилась. Враг особенно остервенело бомбил с воздуха город-порт Мурманск, железную дорогу, гарнизон авиадивизии, где находились штаб, узел связи, казармы, госпитали и другие объекты, пытаясь уничтожить всё живое. Шли кровопролитные бои, сопровождавшиеся шквальным огнём. За короткий промежуток времени нашими войсками было проведено несколько крупномасштаб-

Сташий сержант Хорева (омичка) сфотографирована у Знамени полка за отличное обеспечение связи в период Ковельской операци

ных наступательных операций. Но и в этих тяжелейших условиях военные связистки под руководством своего командира успешно решали вопросы обеспечения войск связью. Они смогли выдержать это тяжёлое испытание огнём и временем.

Февраль 1943 года выдался особенно суровым. Плохо было с питанием, обогреть большую землянку – дело непростое. Тёплые шубы и валенки от холода не спасали, замерзали руки, но телеграфистки в любых условиях должны были действовать оперативно, обеспечивая связью штабы, боевые и учебно-тренировочные полёты, держали связь с частями армии и фронта.

Знали девушки, какая ответственность возложена на них. Работали в три смены, в каждой по 10-12 человек. После двенадцати часов работы от усталости буквально валились с ног, но понимали – в их работе нельзя расслабиться, ошибиться, ведь вся информация шла в зашифрованном виде. Важные сведения всегда отправлялись под бдительным присмотром, проверялось наличие информации, любая утечка исключалась. Смелые и выносливые, удивительно работоспособные связистки не терялись в самых сложных ситуациях, вовремя передавали боевые приказы и донесения, а это – главное условие успешного ведения боя! Ещё более сложной была задача командира роты – от него требовались не только высочайший профессионализм, но и осознание большой ответственности за жизнь и здоровье вверенных ему бойцов.

Об этом периоде и о девушках-связистках 115 отдельной роты связи были опубликованы воспоминания Ивана Макаркина под заглавием «Передовая рядом...» в альманахе «Диспут» (2001. – №5). Для омичей, тем более для жителей с. Красный Яр, эти материалы могли бы иметь несомненный интерес, в связи с рассказом в них о боевых подвигах землячек Надежды и Марии Оконешниковых.

Оказавшись на фронте, связистки должны были за несколько месяцев освоить азбуку Морзе, обучиться работе на телеграфных аппаратах и на радиостанциях. Узел связи 115-й роты находился глубоко под землёй. Неподалёку располагался штаб дивизии. Связь держали с частями армии и фронта. У землянки вентиляция естественная, через открытую дверь. Зимой узел связи отапливался «буржуйкой». Крышей служили три наката брёвен вперемешку с землёй. В одном отсеке стояло три аппарата СТ-35, в другом – три аппарата Морзе. Работали в несколько смен. Зимой невозможно было держать дверь открытой, из-за недостатка кислорода к концу смены в глазах становилось темно, кружилась голова. Но девушки работали самозабвенно, никто не жаловался на усталость.

Голубоглазая Мария Оконешникова в роте считалась не только отличным механиком телеграфных аппаратов, но и успешно заменяла «эстисток» (тех, кто работал на аппаратах СТ-35). Её сестра Надежда лучше всех владела техникой работы на аппарате Морзе, помогала подругам, когда у них что-то не ладилось.

В апреле 1943 года Надежду Оконешникову избрали комсоргом роты и при-

няли кандидатом в члены партии. В сентябре 1943 в газете «Карельский фронт» появилась фотография этой девушки и статья «Связист Надя», повествующая о её подвиге, автор – заместитель командира роты по технической части, лейтенант Беркович. Этот подвиг описан и в рукописи книги:

«...Однажды, в декабре 1943 года, едва пришла на узел связи смена младшего сержанта Гришиной, как начали стрелять зенитки, охранявшие узел, а вслед за тем послышались разрывы бомб. И вдруг – такой силы удар, что, казалось, земля зашаталась: погас свет, воздух в землянке наполнился пылью и землёй, летевшей из щелей между досок, дымом из печки. Надю Оконешникову, стоявшую до взрыва у входной двери, отбросило в проём между стенкой землянки и раскалённой печкой-времянкой, в её же сторону полетела печная труба. В темноте никто не видел этого и не слышал крика. Но, спустя некоторое время, уловили зов о помощи и вытащили её из «западни».

Девушки попытались открыть входную дверь землянки, но им не удалось это сделать, так как дверь была перекошена и засыпана снаружи землёй. А наверху слышались взрывы и выстрелы. Бомбили штаб дивизии. В этот момент Надежда обратилась к девушкам:

– Всем оставаться на своих местах, без паники. Нас скоро отроют. Будем держать связь.

В землянке установилась тишина. Лишь Катя Ковалёва продолжала упорно выстукивать на аппарате Морзе два слова, предназначавшиеся истребительному авиаполку в Кировске: «Нас бомбят, нас бомбят....»

Морзист в Кировске, узнав «почерк» связистки, догадался, что бомбят штаб дивизии, о чём сразу же доложил дежурному офицеру. Вскоре прилетели наши истребители, и бомбёжка прекратилась. Однако выйти девушкам из землянки быстро не удалось. Потребовалось время, чтобы откопать и обезвредить бомбу, упавшую у входа, но, к счастью, не разорвавшуюся. Вскоре связь была восстановлена, смена вновь приступила к работе.

Боевые донесения в штаб доставляли девушки: Тихонова (посыльная), Алексеева и Белышкова (экспедиторы). Хотя штаб находился недалеко от узла связи, командир дивизии, полковник Ларюшкин приказал установить аппарат СТ-35 непосредственно в штабе для ведения переговоров.

В этот день у аппарата дежурила Зоя Красавина, настойчивая по характеру девушка из смены Надежды Оконешниковой. Командир вёл переговоры со штабом армии. Вдруг начался сильный вражеский налёт. Прервав переговоры, командир приказал:

– Всем в укрытие!

Но куда же уйдёшь, если аппарат работает, и лента колечками сползает на пол? Зоя и Надежда, не договариваясь, остались у аппарата. От сильного взрыва из окон посыпались стёкла. Рядом со штабом горело здание. А аппарат работал, из армии требовали ответа. Что говорить? Надежда передала:

– У аппарата младший сержант, связист Оконешникова. В штабе больше никого нет. Идёт воздушный налёт.

Затем приняла приказ для командира. Срочно передала его по назначению. А тем временем бомбёжка продолжалась. Вскоре появились наши истребители. Завязался воздушный бой. Один самолёт противника был сбит, видно было, как за ним потянулся чёрный шлейф дыма. Следом второй самолёт пошёл в резком пике вниз, но лётчик успел катапультироваться. Остальные немецкие самолёты без боя убрались восвояси. Это происходило недалеко от города Кандалакша, над Кандалакшской горой. Когда всё стихло,

Начальники смены, радистки омички (слева направо) Надежда Оконешникова, Наталья Котенко. Фото 1943 г.

Радистки за работой

и девушки вышли из штаба, то обратили внимание: вокруг было много больших воронок от взрывов, а среди них стоял невредимый столб с большими круглыми часами, которые наперекор всему невозмутимо... шли. Невольно подумалось: «И у часов «русский характер!..».

Через день заместитель командира роты по технической части лейтенант Беркович из числа свободных от смены бойцов организовал поисковую группу. Шли к тому месту, куда упали самолёты и где мог приземлиться выпрыгнувший с парашютом немецкий лётчик. Казалось, бой был рядом, а идти пришлось несколько часов. Передвигались развернутым порядком, чтобы не пропустить врага. Взобравшись на вершину горы, мы были поражены неожиданно представшей перед нашим взором картиной: по ту сторону ярко сверкали льды Белого моря (точнее, Кандалакшской губы). А между льдами расхаживали и купались белые медведи. Видимо, сбитые самолёты упали в море, да и лётчика не удалось обнаружить. Поздно вечером вернулись в расположение части, уставшие и разочарованные неудачным поиском.

На следующий день, приняв шифровку с грифом «Особо важная», Мария Оконешникова, не обнаружив посыльной, побежала с телеграммой в шифровальный отдел. В коридоре она увидела сопровождаемого тремя нашими солдатами того самого немецкого лётчика. Промелькнула мысль: «Вот кто нас бомбит, да и не один раз в день». Приглядевшись к молодому, высокому блондину в летном обмундировании поймала себя на мысли: «Ему, наверное, тоже не нужна война». В это время навстречу им шла девушка, работавшая в штабе связисткой. Ей вслед как плевок фашист бросил по-русски фразу: «Русская свинья». Прежние мысли мгновенно сменила жгучая ненависть к захватчикам за все жертвы и беды, причинённые советским людям, каждой семье, всей стране. «Бить любыми средствами, бить врага и побеждать!» – мысленно повторяла Мария себе как приказ, как клятву...».

Публикация второго фрагмента рукописи И. В. Макаркина состоялась в следующем номере альманаха «Диспут». В нём рассказ о 292-ой отдельной роте связи, прошедшей путь от Воронежа до Берлина, участвовавшей в освобождении Киева, Житомира, Белой Церкви, в Корсунь-Шевченковской операции, освобождении Польши. Командиром роты был назначен лейтенант И. Макаркин. В повествовании Ивана Васильевича вновь звучат имена

омичек. Это связистки и радистки: Ася Озерова, Мария Гаража, Тамара Шарапова, Анна Кубрина.

В двадцатых числах апреля 1945 года 292-ю роту связи с экипажем радиостанции наведения командование направило в район Берлина. В период штурма столицы Германии на радистов этой станции возлагалась особая ответственность: точно наводить бомбардировщики на цели. Руководил этим ответственным делом командир авиакорпуса генерал-майор П. П. Архангельский. Приведём фрагмент рукописи, описывающий последние дни войны:

«На пути следования по автостраде к Берлину пришлось встретиться с труднопреодолимыми препятствиями. Отступая, немцы взорвали все мосты и переправы через реки и овраги. Практически проезд по автостраде стал невозможен. Приходилось сворачивать с неё то влево, то вправо с целью объезда. При этом случалось застревать в болотах. Когда автомашины начинали буксовать к нам из леса подходили небольшие группы, а иногда и в одиночку болезненно выглядевшие немецкие солдаты с поднятыми вверх руками.

Они помогали нам выталкивать автомобиль с радиостанцией. Когда, с их помощью, мы выбирались на дорогу и уезжали, то фашисты с удивлением смотрели нам вслед. Видимо, думали, почему же их не берут в плен. Такое случалось дважды. Но нам было не до них. У одного пожилого немца я спросил, почему они так себя ведут? На что он ответил: «Гитлер капут».

Конечно, немцев можно было понять. Ведь тогда наши передовые части, воодушевлённые наступательным порывом, продвигались молниеносно. На этом направлении противник был разбит. Немецкие солдаты в одиночку и группами прятались по лесам и оврагам. Голодные, измученные, они выходили на автостраду, и, понимая, что находятся в глубоком тылу Красной Армии, как утопающий за соломинку хватались за всё, чтобы выжить.

В основном это были пожилые люди. Не стало, подумалось мне, того наглого немецкого солдата, каким он был в 1941 году. Пал моральный дух фашистской армии. Было видно – не могли они больше скитаться и прятаться по лесам: инстинкт самосохранения вынуждал добровольно идти в плен.

Экипаж радиостанции аэродромной фургонной (РАФ - КВ 3) у своей рации. Слева направо: А. Ерёмина, А. Афанасьев, Б. Рыбко, Е. Скипина, И, Павлов. Фото 1943 г.

Радиотелеграфистки 292-й роты связи. Фото 1943 г.

Подъезжая к Берлину, мы не знали, что вокруг города проходит широкая автострада. Попав на неё, решили, что едем к Берлину. Продолжая движение, вдруг увидели огромные толпы людей, двигавшихся из города на запад с домашним скарбом на тележках, велосипедах и просто с узлами и свёртками в руках и на плечах. Остановили одного из толпы, поинтересовались, что это за люди. Мужчина ответил:

– Люди бегут из города к американцам.

Он же рассказал и показал, как нам следует добраться в нужный пригородный посёлок. Следуя по указанному маршруту, мы подъехали к одному из каналов с хорошо отделанной бетонной набережной. Мост через канал оказался разрушенным. Мы остановились и все, кроме радистки Веры Капичин, вышли из машины. В это время с чердака одного из зданий по нам застрочил крупнокалиберный пулемёт. Пришлось срочно залечь за парапет набережной. Пули ложились неподалёку от нас, не давая возможности подняться.

Положение создалось чрезвычайно сложное: готовился штурм Берлина, нас ждут на командном пункте, а радиостанция наведения под обстрелом, и мы лежим, не имея возможности что-либо предпринять.

Сколько времени это длилось – 5 или 10 минут, – трудно сказать. Казалось нам тут «крышка». И вдруг мы услышали раскаты реактивных выстрелов нашей «катюши». Пулемёт на противоположной стороне канала смолк. Не понимая, что произошло, мы продолжали лежать. Вдруг к нам подбежала Вера Капичин и крикнула:

– Вставайте! Пулемётчик уничтожен!

Оказалось, что, когда фашистский пулеметчик открыл огонь, она срочно связалась с расположенной неподалёку группой подразделения «катюш». Командир группы принял решение: с установленной на студебеккере «катюши» уничтожить фашистскую огневую точку.

Так случайные обстоятельства помогли сохранить всю нашу радиостанцию и жизнь экипажу. Рация вовремя прибыла к месту назначения и включилась в боевую работу по корректировке действий бомбардировщиков. Это был один из самых напряжённых эпизодов работы радиостанции за последний год войны.

Перегревался движок – источник питания. Грелись радиолампы. По-особому «горели» сердца радистов. Шёл последний бой – «... тот трудный самый».

В течение недели с 27 апреля по 2 мая 1945 года радиостанция почти не выключалась. Механик Иван Павлов где-то раздобыл подменный движок (один не выдерживал нагрузки), несколько раз заменяли радиолампы. Радисты работали бессменно.

Шёл героический штурм фашистского логова, так называли тогда Берлин фронтовики. На Берлинский гарнизон почти непрерывно сбрасывались бомбы. Лётчикам было очень тяжело работать: над городом стояла сплошная завеса дыма от пожаров и взрывов. Лётному составу приходилось нырять через эту дымовую преграду, чтобы обнаружить заданную им цель. Авиация расчищала путь наземным войскам. 30 апреля во второй половине дня от командующего фронтом поступила команда: «Бомбометание прекратить». Был канун первомайского праздника. Рассеивался дым над городом, всюду были видны белые флаги – Берлин сдавался на милость победителя»...

292-ая Отдельная рота связи за боевые заслуги неоднократно получала благодарности от Верховного Главнокоман-

дующего, а в конце войны стала орденоносной. Девятнадцать бойцов связи были представлены к правительственным наградам. Командир роты, ст. лейтенант И. В. Макаркин за ратные подвиги был награждён двумя орденами Красного знамени, орденом Великой Отечественной войны, боевыми медалями. 13 июля 1946 г. он демобилизовался из воинской части, располагавшейся в Будапеште, вернулся в родную Сибирь.

После окончания войны стране нужны были опытные кадры военных связистов, потому с 30 июля 1946 г. офицер И. В. Макаркин вновь вернулся в строй. В общей сложности Иван Васильевич отдал военной службе 24 года, служил и учился, окончил Всесоюзный Юридический Заочный институт по специальности – «Правоведение», в Омске руководил районным штабом гражданской обороны. В 1970 году ушёл в отставку в звании подполковника.

Шло время, годы брали своё, но он продолжал активно работать: сначала над рукописью книги «Связь с небесными силами», затем готовил её к публикации. Второе оказалось сложнее. Походы в издательство «Омской правды», беседы с редакторами... Бесконечные правки, обещания, увещевания подождать. При жизни автора публикация рукописи так и не состоялась. В 2002 году отдельные главы увидели свет на страницах литературно-художественного альманаха «Складчина». В юбилейном 2015 году, в канун Дня Победы, в газете «Вечерний Омск» была опубликована статья «Они помогали брать Берлин. История подразделения омского «старшины Васькова», в которой были помещены фрагменты неизданной книги.

Подготовленная к 70-летию Победы полнотекстовая рукопись «Связь с небесными силами» по сей день ждёт своего издателя. Думается, что пришло время сказать о героинях неизданной книги благодарное слово. Её автор навечно вписал в историю их скромные имена. То, что они вынесли на войне наравне с мужчинами, сегодня служит уникальным опытом беспредельных человеческих возможностей, который мы не вправе предать забвению. Издание мемуарных материалов – дань признательности и уважения к подвигу героев войны, заслонивших Россию от фашистских захватчиков.

Вот они – нити человеческих судеб, сплетённые в историческое повествование, вот оно непаханое поле для работы краеведов и поисковиков. Вот она – замечательная возможность «социально ответственному» бизнесу проявить себя...

В День победы у стен Рейхстага. В центре певица Лидия Русланова

СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ КАК ЧАСТИЦА ИСТОРИИ НАШЕЙ СТРАНЫ

Татьяна Эйзен

А мы такую книгу прочитали...
Не нам о недочитанных жалеть.
В огне багровом потонули дали
И в памяти остались пламенеть.

Кто говорит о песнях недопетых?
Мы жизнь свою, как песню, пронесли.
Пусть нам теперь завидуют поэты:
Мы все сложили в жизни, что могли.

С. Орлов

Стыдно быть Иванами, не помнящими родства, тем более, когда есть кем гордиться и чью память чтить. До недавнего времени в семье Ямчуковых, проживающих в Омске, считалось, что в истории их рода нет белых пятен: своих героических предков, прошедших суровые годы Великой Отечественной войны, знают поимённо, с гордостью и трепетом хранят дома их фотографии и награды. Но оказалось, что это далеко не так...

В сентябре 2014 г. в одной из социальных сетей сотрудника Пушкинской библиотеки Ирину Ямчукову разыскали люди, занимающиеся поисковой работой, в частности, идентификацией найденных на полях сражений времён Великой Отечественной войны предметов, принадлежащих советским бойцам. Ирина Ивановна так отозвалась об этом событии: «Я всегда с глубоким уважением относилась к поисковикам, но не могла и представить, что однажды их деятельность коснётся и моей семьи. Участниками поискового отряда «Петсамо» из г. Заполярный под Мурманском была найдена солдатская ложка, принадлежащая Петру Павловичу Ямчукову (1920 года рождения), проживающему до войны в с. Марьяновка Омской области. Поисковики разыскивали родственников бойца, чтобы передать им найденную реликвию. Фамилия наша достаточно редкая, поэтому найти Ямчуковых в Омской области им не составило особого труда. Поначалу мне показалось, что данный боец не имеет отношения к моей семье, была уверена, что практически все мои родственники по отчеству Ивановичи и Ивановны. Однако, мысль, что в Омском регионе могут проживать наши однофамильцы мне тоже не давала покоя.

Я загорелась желанием найти среди своих родных хоть кого-то, кто смог бы указать мне на наше родство с Петром

Павловичем Ямчуковым, либо просто найти следы его семьи в нашем регионе и, тем самым, посодействовать поисковому отряду. Наверное, в какой-то степени взыграли мои профессиональные чувства, ведь профессия библиографа в чём-то сродни поисковой работе!

После многочисленных встреч, звонков и переговоров с близкими и дальними родственниками удача улыбнулась! Моя родная тётя, единственная из всей семьи, признала в Петре Павловиче Ямчукове своего двоюродного брата! Мне было удивительно, что в семье о нём никогда не говорили, ведь наш родственник – герой: дважды был представлен к медали «За отвагу», награждён медалью «За оборону Советского Заполярья», посмертно удостоен ордена Отечественной войны 1-й степени! Ни моя родная тётя Антонина Ивановна Глемба (Ямчукова), ни мой отец Иван Иванович Ямчуков лично не могли знать своего двоюродного брата, т. к. он погиб, спустя несколько месяцев после их рождения: тётя с моим отцом (они двойняшки) родились в феврале 1945 г., а Пётр Павлович Ямчуков погиб в Польше в марте этого же года. Прямых потомков после себя оставить он не успел.

В Хабаровске долгие годы проживала родная сестра Петра Павловича, покинувшая Омскую область ещё в далёкие 1950-е гг., и её связь с омскими родственниками была утеряна. Мысль о том, что в нашей семье незаслуженно забыт настоящий герой, не давала мне покоя, хотелось во чтобы то ни стало вернуть из забвения славное имя родственника! 9 мая 2015 г. мы вместе с дочерью Алёной приняли участие во Всероссийской акции «Бессмертный полк», с гордостью и волнением пронесли по омским улицам портрет Петра Павловича Ямчукова. 16 декабря 2015 г. в торжественной обстановке передали в Марьяновский музей его ложку, ставшую для потомков Ямчуковых семейной реликвией. Хотелось бы поблагодарить редакцию районной газеты «Авангард», на страницах которой было освещено это событие (статья А. Самсоновой «Фронтовой привет из 1944 года» (от 22 января 2016 г.), а также журналиста В. В. Гоношилова за публикацию «Фронтовая реликвия» в газете «Омская правда»

П. П. Ямчуков

(от 13 января 2016 г.). Особая благодарность сотруднику Марьяновкого музея Т. В. Эйзен, которая провела огромную исследовательскую работу по восстановлению боевого пути П. П. Ямчукова и за организацию мероприятия по передаче ложки в музей. И, конечно же, низкий поклон всем участникам поисковых отрядов, возвращающим нам историческую память!».

Чем дальше от нас война 1941-45 гг., тем всё меньше живых очевидцев и участников тех далёких событий. Помнить и беречь память о тех людях, кто отвагой и мужеством ковал Победу, – наш гражданский долг. Содержимое старой шкатулки: пожелтевшее фото, фронтовой треугольник, затёртая «похоронка», потускневшая награда, – это тоже свидетели тех далёких лет, а как фамильная память – это ещё и связь поколений, только умей прислушаться...

Порой случается, что обычная, на первый взгляд, вещь может «потянуть» череду семейных историй и заставит задуматься – в нашей жизни ничто не случайно. Вероятно, судьбой так было положено, чтобы через 70 лет время заставило вспомнить Петра Павловича Ямчукова, парня из Марьяновки, защищавшего страну и погибшего, как многие его

Фронтовая реликвия

сверстники, на фронтах войны. Его короткая судьба уместилась в несколько строк в региональной Книге Памяти: «Р.1920. Ефрейтор, разведчик-наблюдатель 29 гв. ап. 10 гв. сд.; погиб 26.03.45, похор. вд. Пустковиц, Польша».

Поводом для этого повествования стала история, которая началась, когда поисковый отряд «Петсамо» из города Заполярный обнаружил в 2014 г. в мурманской земле солдатскую ложку. Необходимо отметить, что, благодаря ребятам-поисковикам, с 1997 года в Заполярье уже найдено порядка 400 тел погибших советских солдат. Ложка обнаружена в Печенгском районе недалеко от посёлка Луостари, там, где 12-14 октября 1944 г. проходили ожесточённые бои по освобождению Советского Севера. Находка хранила фамилию владельца «Ямчуков П. П.»,«1941» и еле различимые инициалы «И К». Затем алюминиевая ложка (останки бойца не найдены) была передана Сергею Швецову, который работает над идентификацией найденных предметов, для передачи их родным. Кроме того, он прослеживает и собирает материал о той самой знаменитой Печенгской 10-й гвардейской дважды Краснознамённой, орденов Александра Невского и Красной Звезды дивизии, в составе которой в 29-ом артполку служил наш герой. Именно Сергей и вышел на родственников солдата П. П. Ямчукова. По его словам, этот случай не был сложным, т.к. фамилия довольно редкая. Так военная реликвия в 2014 г. отправилась в Хабаровск, где проживает родная племянница Петра, затем ложка полгода провела в Японии, а в конце августа 2015 г. прибыла в Омск в семью Ямчуковых. С декабря 2015 г. солдатская ложка находится в Марьяновском музее, заняв достойное место среди фронтовых реликвий.

Обычная солдатская ложка стала для большой семьи Ямчуковых фронтовым приветом из далёких сороковых. Из глубин памяти пришли воспоминания, и словно клубок из разных нитей, соединялась память о войне, об ушедших и забытых родственниках, о Петре...

Передо мной фотография, датированная августом 1940 г., на ней в полный рост трое молодых парней. Самый серьёзный из них – это Пётр Ямчуков. Фотография запечатлела последние летние деньки перед призывом в РККА.

Обратимся к истории. Первого сентября 1939 г. в СССР был принят новый закон о всеобщей воинской обязанности. Теперь все мужчины – граждане СССР были обязаны отбывать военную службу в составе Вооружённых сил. Возрастная планка призыва была понижена до 19 лет. Возраст добровольного поступления на службу остался прежний –18 лет.

В начале сентября 1940 г. краевые и областные военкоматы Сибири начали очередной призыв. Приказ: призвать на военную службу в РККА призывников «1920 г. р. – полностью, 1921 г. р. – родившихся с 1 января по 31 августа...». На пополнение войсковых частей, расположенных в пограничной полосе, предписывалось

Солдатская ложка П. Ямчукова. Фрагмент с нанесённым именем владельца

направлять тщательно проверенных призывников.

В октябре 1940 г. воинский эшелон, состоящий из товарных вагонов, набирая скорость, уходил в неизвестность, увозя молодых рослых сибирских парней на службу в ряды Красной Армии. Среди них был и Пётр Ямчуков.

«Шлю на память фото, – писал родителям Пётр предвоенной зимой. – Шёл снег и поэтому вышло плоховато, но ничего... летом вышлю другую». С фотографии с прищуром смотрит на нас молодой парень в будёновке, припорошённой снегом; несмотря на холод, – в гимнастёрке, чтобы родным хорошо были видны значки «Готов к труду и обороне СССР 1-й ступени» и «Ворошиловский стрелок» – свидетельство его отличной воинской службы. Выслать обещанную фотографию не удалось – летом 1941 г. под Мурманском застала Петра война.

«В Заполярье под пушечный гром, был крещён я железным огнём...» – эти строки из баллады как нельзя лучше отражают первые месяцы фронтовой жизни. Артиллерийский полк 52 стрелковой дивизии (преобразованной в декабре 1941 в 10-ю гвардейскую стрелковую дивизию) уже 23 июня 1941 года по боевой тревоге покинул свои казармы, погрузился в эшелон и направился в г. Мурманск, а затем дальше, к советско-финской границе, куда фашисты подтягивали свой 19-й горно-егерский стрелковый корпус для вторжения его в Советское Заполярье.

В течение всего лета шли ожесточённые бои на всех участках фронта, занимаемых 52-й дивизией. То в одном, то в другом месте возникали жаркие схватки с врагом, доходившие до рукопашного боя. К осени, потерпев неудачу в своих наступлениях, фашисты вынуждены были занять оборону и возводить оборонительные сооружения, надеясь отсидеться зимой в тёплых землянках до лучших времён. Однако это им не удалось. Захватив инициативу, советские войска не давали врагу покоя. В разных местах фронта завязывали жестокие бои, уничтожая живую силу и технику противника, не давая ему возможности перебросить освободившиеся части на московское направление. Особая роль при такой тактике отводилась разведчикам. Надо полагать, что не по годам серьёзный, рослый, физически подготовленный солдат Ямчуков ещё в учебной части был замечен и определён в разведчики-наблюдатели. Это была не совсем та разведка, о которой ещё мальчишкой в книжках читал Пётр. Здесь надо было быть «ушами и глазами» батальона, удачно выбрать наблюдательный пункт и засекать цели, при этом, не обнаруживая себя. Разведчикам-артиллеристам приходилось ходить в тыл немцев, переходить минные поля, попадать под огонь немецких снайперов, выполнять задание командования по выявлению огневых средств противника, вести наблюдение и корректировку огня батарей дивизиона по врагу.

Из воспоминаний разведчиков: «Как засечёшь батарею – миномётную, артиллерийскую – передавай координаты. По ней начинают вести огонь. При этом

И. И. Ямчукова и директор музея Т. В. Эйзен в момент передачи семейной реликвии в Марьяновский музей

оснащение примитивное и громоздкое: радиостанция на плечах, бинокль, стереотруба. Доводилось и по минному полю «гулять», и несколько дней лежать на нейтральной полосе, где даже по нужде подняться нельзя, только лёжа...».

С 1941 г. до октября 1944 г. 9-ая батарея 29 артполка в составе уже 10-ой гвардейской дивизии, где служил Пётр, занимала позиции на реке Западная Лица («Долина славы» сейчас, а тогда «Долина смерти»). Дивизия за период обороны провела около 150 боёв местного значения. За это время Пётр становится кандидатом в ВКП/б/, что говорит о его личных качествах, ведь фронтовая обстановка позволяла уже только за один бой оценить бойца, а за плечами Петра Павловича их было немало. Как следует из документов, «...в борьбе за социалистическую Родину против немецких захватчиков П. П. Ямчуков показал и показывает образцы мужества, отваги и умения бить врага наверняка». За 1943 - 44 гг. (в сентябре 1943 г. Пётр получил лёгкое ранение) в составе общевойсковой и корчующей разведки обнаружил «8 КЗОТов, три наблюдательных пункта, 7 станковых и 4 ручных пулемёта, 2 артиллерийских и одну миномётную батареи..». Большая часть обнаруженных разведчиком целей была уничтожена огнём советской батареи. Сам же Пётр «уничтожил месторасположение 75-мм артиллерийской батареи противника». Учитывая, что батарея как огневая единица артиллерии представляла собой хорошо укреплённый опорный пункт и бывала мало уязвимой даже во время сильного обстрела, уничтожение фашистской батареи – это боевой подвиг.

За личную храбрость, проявленную в боевых действиях, Пётр Ямчуков был дважды награждён медалью «За отвагу», которая присуждалась исключительно за личное мужество. Первую свою медаль гвардии ефрейтор, старший разведчик Пётр Павлович Ямчуков получил за выполнение заданий командования, участвуя в частной операции во время Петсамо-Киркенесской наступательной операции в апреле 1944 г. Его фамилия появилась в приказе № 016 по 10-й гв. СКД от 6 мая 1944 года. Вот как описан его подвиг: «Во время артнаступления, двигаясь в цепи стрелкового подразделения, пять раз отбивал контратаки пехоты противника, при этом огнём и штыком уничтожил трёх немцев». В октябре того же года дивизия форсировала реку Печенгу. В этих боях П. П. Ямчуков, проявив личное мужество и отвагу, получил вторую медаль «За отвагу».

В приказе 29-ой гвардии артиллерийского полка от 16.10.44 г. записано: «За действия по разгрому опорных пунктов противника и корректировке огня». По мнению поисковиков, именно в этом бою и была утеряна Петром Ямчуковым солдатская ложка. У солдат, как известно, всегда имелись при себе котелок, ложка, кисет и фляжка. Потеря одного из этих военных предметов считалась большой неприятностью, и каждый фронтовик скажет, что без ложки уж точно как без рук. Некоторые бойцы хранили ложку из родного дома. Кто в вещмешке носил, кто в подсумке, а чаще всего за обмоткой в сапоге, так она не звякала, не выдавала солдата в особенной обстановке. Чтобы

не путать с чужой, красноармейцы отмечали свои ложки инициалами, могли даже фамилию нацарапать, а в нашем случае – «загадочные» П. П. Бытовало поверье – если заполнишь вкладыш смертного медальона, то в ближайшем бою погибнешь. Солдаты охотнее подписывали личные вещи – котелки, кружки, сапёрные лопатки, ремни, пилотки, портсигары. Может быть, верили, что потом по этим инициалам их смогут опознать. Мы можем сейчас лишь предположить, при каких обстоятельствах была потеряна ложка... Возможно, в осеннюю слякоть в короткие минуты затишья менял Пётр промокшую портянку, и вдруг команда: «В атаку!». Он быстро натянул сапоги и – в бой, а ложка так и осталась на земле...

После проведения операции по освобождению Печенги, за образцовое выполнение заданий в боях с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество 10-ая СД была удостоена почётного наименования «Печенгская», впоследствии стала дважды Краснознамённой, орденов Александра Невского и Красной Звезды дивизией. В 1944 г. Пётр Павлович был награждён, как и его друзья-однополчане, медалью «За оборону Советского Заполярья». Данной медалью награждались все участники обороны Заполярья – военнослужащие Красной Армии, а также лица из гражданского населения, принимавшие непосредственное участие в обороне с 22 июня 1941 по ноябрь 1944 года. А в далёкой сибирской деревне Марьяновке с нетерпением ждали весточек с фронта. Письма перечитывали по нескольку раз со слезами радости на глазах. Родные помнят, как гордились, когда в очередном номере районной газеты вышла статья «Плечом к плечу». Автор Астахов рассказал марьяновцам об отце и сыне Ямчуковых, о том, как они на разных фронтах героически бьют врага, приближая Победу. Вырезка долгое время хранилась в семье, но была утеряна.

Война катилась на запад. После освобождения Печенги 10-ая стрелковая дивизия наступала на Киркенес, а в январе 1945 переправилась в Польшу и выгрузилась на станции Острув-Мазовецка. Готовилась Восточно-Померанская операция. После взятия г. Гдыни, вместе с 1-й Польской танковой бригадой с марта 1945 дивизия наступала в полосе Загорье на полуостров, образованный заливом Путцигер-Вик и рекой Реда. Именно в этих местах и принял свой последний бой Пётр Павлович Ямчуков. Корректируя огонь батареи, Пётр уничтожил две пулемётные точки. Как потом будет отмечено в приказе артиллерии 19 Армии от 30 апреля, «за проявленные при этом доблесть и мужество П. П. Ямчуков награждается орденом Отечественной войны I степени». Чтобы своевременно наградить бойцов и командиров, отличившихся в боях, право вручать орден Отечественной войны было передано военному командованию. Награждение этим орденом часто происходило в боевой обстановке сразу же после совершения подвига. Но эту боевую награду Петру уже не суждено было получить. 26 марта в лесу на подступах к деревне Пустковиц, во время отражения очередной фашисткой атаки он был смертельно ранен. Похоронен на окраине освобождённой польской деревушки со всеми воинскими почестями, которые были возможны в боевой обстановке, в отдельной могиле. И полетела чёрной птицей весть о гибели сына: «В бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, погиб...». Сохранился документ, где заботливой рукой боевого товарища начертана схема расположения могилы. К сожалению, в настоящее время, место захоронения найти не так просто: останки советских солдат из разрозненных могил собраны в братские захоронения, в списках перезахоронений очень много неизвестных...

Рассказывая о Петре и его солдатской ложке, мне хотелось показать, какой ценой добывалась Победа, как вчерашние мальчишки, закалялись в суровой военной реальности и становились солдатами, самоотверженно защищавшими свою страну. Каждый раз, отмечая День Победы, мы должны помнить, что он наступил благодаря патриотизму и храбрости поколения, к которому принадлежал Ямчуков Пётр Павлович.

Вечная память советскому воину-победителю!

О. И. Охрименко

Олег Иванович Охрименко - старший оперуполномоченный Специального отряда быстрого реагирования Управления по борьбе с организованной преступностью Омской области при Западно-Сибирском РУБОП, капитан милиции. На службе в органах Министерства внутренних дел Российской Федерации - с июля 1995 года.

В составе сводных отрядов СОБР четырежды выезжал в служебные командировки в зону боевых действий в период первой и второй чеченских войн. В марте 2000 года участвовал в штурме села Комсомольское. Награждён медалями: ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени с мечами, «За отвагу», «За отличие в охране общественного порядка».

Главный подвиг своей жизни совершил в Омске в ходе задержания особо опасного преступника 21 апреля 2002 года. Находящийся в федеральном розыске преступник, вооружённый гранатой и пистолетом, взяв заложницу, попытался прорваться из окружённой милиционерами квартиры. Удерживая гранату у головы женщины, преступник вышел на остановку общественного транспорта на улице Бархатовой. Расчёт был на то, что стрелять в такой ситуации милиционеры не посмеют - там многолюдно. В какой-то момент у преступника сдали нервы, и он открыл огонь из пистолета. Ответным огнём преступник был уничтожен на месте. Бывшая у него в руках граната упала на землю. Олег Охрименко оттолкнул в сторону заложницу и накрыл гранату своим телом. При взрыве получил смертельные ранения и через несколько часов скончался в больнице. Своим героическим поступком спас жизни десятков граждан и троих сослуживцев.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении служебного долга, Указом Президента Российской Федерации от 19 января 2003 года капитану милиции Охрименко Олегу Ивановичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Лариса Березина

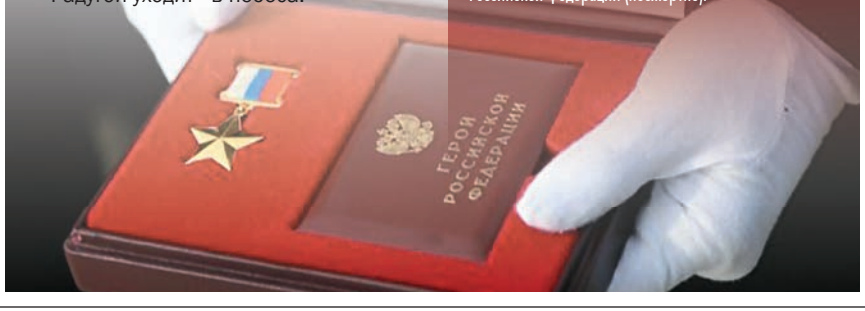
Памяти Олега Охрименко

Не получит мама похоронку,
Не придёт письмо издалека.
Лишь Апрель невыносимо звонко
Взрывом отзовётся на века.

Взрывом отзовётся, и не важно,
Как деревья будут зеленеть,
Вслед ему, шагнувшему отважно
На гранату, побеждая смерть.

Сохранив чужие чьи-то жизни,
В мирный день, пожертвовав собой,
Как и на войне, служа отчизне,
Принимает он последний бой.

Принимает бой, мы помним это –
Взрыв, апрель, людские голоса.
И его душа – полоска света –
Радугой уходит в небеса.

ПРОСПЕКТ КУЛЬТУРЫ

ЛЮДИ / СОБЫТИЯ / ФАКТЫ

ОБРАБОТКА
ЧИСТЫХЪ ВЕЩЕСТВЪ
Большая
Энциклопедия
II
ИЗДАНІ

ОМСКИЕ БИБЛИОФИЛЫ И ИХ СОБРАНИЯ:

ИЗБРАННОЕ

Вадим Физиков

24 февраля 1977 г. на омском телевидении родилась новая передача, которой, как оказалось, суждена была длинная, более чем двадцатилетняя жизнь. Называлась первоначально она «Книжная палата», а вскоре цикл получил новое имя. Изначально предполагалось, что его составят пять-шесть передач, не более. Но шли годы, а «Мир книги» почти ежемесячно выходил в эфир. Своим долголетием телепередача в первую очередь обязана своей идее, счастливо найденной на студии, – и прежде всего бессменным редактором цикла и вообще всех литературно-драматических передач в 70-90-е годы Людмилой Георгиевной Шороховой. Передача создавалась не только на региональном, местном материале – в неё попадало всё, что связано было с книгой и чтением. Необъятная, на любой вкус, перспективная и очень нужная тема. Нас интересовало множество проблем, социальных и нравственных. Что и как читать, когда и кому приучать ребёнка к чтению? Как избежать сложного, порой губительного воздействия на ученика – школы: ведь она нередко отвращает его навсегда от вдумчивого книголюбия? Кто поможет нашим библиотекам, давно пребывающим в отчаянно тяжёлом положении? Что делать с книжным дефицитом и как относиться к так называемому «чёрному» рынку книг? Собирательство книги как явление современного социума, проблемы книжной торговли, книгоиздательские вопросы, заботы и дела общества книголюбов – нас всё волновало в «Мире книги».

Л. Г. Шорохова

Участники передачи – писатели и книгопродавцы, учителя, учёные, издатели, художники и, конечно, заинтересованные читатели.

Мы рассказывали о новинках и старых, редкостных книгах, о наиболее интересных частных и государственных книжных собраниях. За годы жизни телепередачи сложился не только её стиль, круг тем и рубрик, – но и коллектив авторов, участников и добрых друзей. У нас был свой зритель – ему обязаны мы дружелюбным вниманием, выбором многих направлений и тем наших поисков. Передача жила – как своеобразный фольклор – коллективным творчеством. Она стала своего рода клубом омских книголюбов.

Рассказать обо всех аспектах «Мира книги» в этой статье невозможно. Да, наверное, и не нужно: многое ушло со временем, потеряв актуальность. Я остановлюсь лишь на одной, но, полагаю, интересной для читателя теме. Попробую вспомнить о некоторых омских книжниках – знатоках и собирателях, подлинных книголюбах, с которыми мы познакомили наших зрителей в телевизионном «Мире книги». Иных я знал и до 1977 г., встречался с ними в книжных магазинах и в местах, любимых когда-то всем пёстрым книголюбским миром Омска – на так называемой Стрелке, в маленьком скверике на берегу Оми, там, где она встречается с Иртышом, а позже, по волеизъявлению негласного недовольства властей города и области этим стихийно возникшим книжным «развалом» и рынком, всё переместилось (правда, ненадолго) на пустующие ряды Слободского рынка, бывшей барахолки. Здесь шёл бойкий обмен книгами, заводились знакомства, встречались истинные друзья-книголюбы, оживлённо спорили, жарко толковали, обменивались новостями...

Когда мы готовили первую передачу, не было сомнений, с чего или, точнее, – с кого начать. Было ясно: зачином телевизионного цикла должен был стать рассказ о библиотеке патриарха омских книжников Александра Николаевича **Егорова**, самого уважаемого человека в нашей тогдашней книголюбской среде. Хотя ему уже перевалило за восемьдесят лет, он был по-прежнему бодр, много читал и деятельно пополнял свою интереснейшую библиотеку. Родом он был из Ярославской губернии, и потому любимым на всю его жизнь остался Некрасов. Егоров собрал и самые разные, главным образом дореволюционные издания сочинений поэта, и редкие книги о нём, которым могли позавидовать и специалисты. Вспоминал, например, Александр Николаевич, как он лет пятьдесят назад выменял у известного омского собирателя Михаила Борисовича Марцинковского книгу Николая Ашукина «Летопись жизни и творчества Некрасова» издательства «ACADEMIA», отдав взамен редкий экземпляр «Опавших листьев. Короб второй» В. В. Розанова, знаменитого русского писателя и философа рубежа веков, к тому времени давно запрещённого и забытого. Егоров сделал, однако, перед тем, как книга ушла от него, массу выписок из неё. Так он получил бесценное издание о любимом поэте. Всё ярославское для Александра Николаевича оставалось свято. Воспоминания о родном крае, его обычаях, записи свадебных обрядов ярославских крестьян – всё бережно хранилось в его библиотеке и архиве.

После окончания рабфака и Новосибирского института военных инженеров транспорта Егоров много лет работал в системе железных дорог. Ушёл на отдых, будучи главным инженером службы управления Омской железной дороги. Книгу любил и собирал с детских лет. Правда, с перерывами – нелёгкая выпала судьба Александру Николаевичу и его поколению. Большая библиотека собиралась любовно, тщательно, с разбором. Многие издания разыскивались годами, томик к томику. Так встала на полки его домашнего собрания вся без пропусков «Библиотека поэта». Кроме множества новых книг, здесь богато были представлены раритеты. Егоров по праву гордился хорошо подобранными фолиантами «Библиотеки великих писателей» или превосходным собранием мемуарной литературы. В самом большом разделе его библиотеки – художественной прозы – было собрано около сотни многотомных собраний сочинений, в первую очередь дореволюционных: Мережковский, Данилевский, Амфитеатров, Боборыкин, Игнаций Крашевский, Л. Андреев... Можно было позавидовать отличному подбору томов серии «Литературные памятники», справочной и библиографической литературы, дореволюционных журналов («Нива», «Осколки», «Стрекоза», «Сатирикон», «Исторический вестник» и др.). Видимо, такую библиотеку невозможно собрать, используя только местные возможности. Десятилетиями Александр Николаевич был связан регулярной перепиской с собирателями из разных концов страны. До пятисот корреспондентов слали ему письма, а многие – книги. Разумеется, Егоров в течение долгого времени был хорошо знаком и со всеми сколько-нибудь интересными («настоящими», как он сам говорил) омскими библиофилами, обменивался с ними книгами, новостями, впечатлениями от прочитанного.

Рассказывая о старых своих товарищах-библиофилах, Александр Николаевич всегда по-хорошему волновался и невольно укорял нас, теперешних, знающих в основном новые издания. Он прав – ушла целая эпоха культуры. Кто, кроме Егорова да, пожалуй, ещё Леонида Фёдоровича Тихомирова, другого старейшего омского книжника, мог бы рассказать, например, о роскошных изданиях из библиотеки омского врача Исая Николаевича Витенсона или о многих редкостях книжного собра-

Идёт запись передачи Мир книги. За столом В. Утков, Г. Сухова-Мартынова, В. Физиков. Слева сидит В. Озолин

А. Н. Егоров

ния архитектора Михаила Борисовича Марцинковского, уехавшего в начале 60-х годов в Белоруссию...

А какие легенды долго ходили о необыкновенно богатой библиотеке Ефима Евграфовича **Марилова**! Он служил в Омском книготорге, когда прилавки ещё были полны. Марилов в свой дом не всех пускал, держал книги в секрете, в подвале дома, где жил на ул. Мичурина. Что у него было, кто теперь знает?! А как интересно было мне узнать у того же А. Н. Егорова, как начинала здесь, в Омске, продавцом букинистического отдела Нина Александровна **Костылёва**. Потом перебралась в Ленинград, работала в известных магазинах букинистов на Литейном. Защитила диссертацию по истории книги и вместе со знаменитым книговедом И. Е. Баренбаумом трудилась над рукописью книги «Книжный Петербург-Ленинград»...

Но разве только подбором изданий славилась библиотека А. Н. Егорова? Он и содержал её в отличном состоянии, хотя книги всё время были в чтении, в работе. Александр Николаевич славился в Омске и как великолепный мастер переплётного дела. Хотя в его квартире было тесно, но каждый том стоял на своём месте. Систематически составлялся каталог библиотеки по всем правилам библиографической науки. Александр Николаевич не позволял душе лениться: делал многочисленные выписки из книг и журналов, вёл в специальных тетрадях записи о книгах, событиях книжном мире.

Неудивительно, что именно Егоров рассказал мне впервые и о замечательном нашем земляке, знатоке и собирателе фольклора и книги Николае Фёдоровиче **Чернокове**, о котором с таким уважением написал в своё время в книге воспоминаний «Черты сходства» Леонид Николаевич Мартынов. И когда мы решили рассказать о Чернокове в нашей телепередаче, его коллективный «портрет» помогли нам воссоздать близко знавшие его омские библиофилы – **А. Н. Егоров**, преподаватель автотранспортного техникума Виктор Алексеевич **Богдашов** и артист филармонии, заслуженный артист республики Леонид Иванович **Шароха**.

Сам я, к сожалению, никогда не был знаком с Черноковым, поэтому не стану пересказывать чужие слова о нём, а просто выберу самое интересное из состоявшегося телевизионного диалога.

А. Н. ЕГОРОВ: Впервые встретил я Николая Фёдоровича Чернокова в книжном магазине на ул. Ленина. Увидел в отделе книг по искусству худощавого человека среднего роста, возрастом лет за шестьдесят. Из-под картуза свисали седые волосы. Пытливые бесцветные глаза. Одет он был в поношенную ватную стежонку, на ногах русские кирзовые сапоги, из-под ворота стёганки видна была коричневая сатиновая рубашка-косоворотка. В руках его была кирзовая сумка – подстать всей его одежде. Он перебирал на прилавке пачку художественных открыток. Долго рассматривал каждую. Выбранную откладывал в сторону, а затем вновь пересматривал отобранные и, выбрав две-три открытки, вынул из сумки газету, осторожно завернул купленное и положил в сумку. Меня заинтересовал этот человек, отличавшийся от обычных посетителей книжного магазина. Позднее я узнал, что он когда-то был в магазине этом букини-

стом-товароведом, а ко времени моего знакомства с ним – литературным консультантом Омского народного хора, что он ходил по деревням области и собирал старинные народные песни. Многие танцы - народные игрища и песни, собранные им, вошли в репертуар Омского хора.

В. М. ФИЗИКОВ: Готовясь к передаче, мы побывали у ветеранов нашего прославленного Омского народного хора, у тех, кто создавал и развивал его традиции в 1950-1960-е годы. Мы увидели фотографии, документы, которые любовно хранятся в домах, семьях хормейстера Ираиды Трофимовны Ивановой, танцоров-солистов Нины Ивановны и Ивана Петровича Карачинцевых, любимого певца не только омичей, сибиряков – Леонида Ивановича Шарохи. В 1968 году не стало легендарного собирателя и хранителя фольклора Прииртышья, много лет прошло, а так тепло и хорошо о нём говорили, так охотно делились с нами обо всём те, кто помнил о Чернокове.

Л. И. ШАРОХА: Идёт очередная репетиция Омского народного хора. Его руководитель Елена Владимировна Калугина разучивает новую песню, напетую ей Н. Ф. Черноковым:

Сударушка-девушка, да
Ближняя суседушка.
Ближняя не дальняя, да
На лицо румяная...

Николай Фёдорович скромненько сидит где-то в уголочке. За фортепиано его и не видно. Кажется, он даже по-стариковски дремлет. Но нет! – Елена Владимировна, – прерывает он. – Слишком громко звучит у хора. Надо бы нежнее...

– А Вы покажите, Николай Фёдорович, а мы попробуем перенять.

И Черноков очень нежно, хотя и старческим голоском, пропел начальный куплет. Мы внимательно прислушиваемся, а потом повторяем уже «по-черноковски». А он, удовлетворённый, усаживается в свой уголок. Но вот опять встрепенулся: «Нужно петь не «кольцо», а по-сибирски будет правильней «кольсо» и не «пошабаркался», а «пошебаркался», помякше будет. Сибирские люди не только смелые, суровые – они могут быть и нежными...

В. А. БОГДАШОВ: Николай Фёдорович Черноков был фольклористом, знатоком русской народной песни, русской истории, искусства, библиофилом, заядлым филокартистом, человеком, необыкновенно щедрым на рассказы, беседы и добрые советы...

А. Н. ЕГОРОВ: При более близком знакомстве с Николаем Фёдоровичем я понял, что он хорошо знает русскую литературу, лучшие отечественные издательства. Притом знает книгу не как товар (а ведь он был товароведом) – нет, он много читал и имел своё мнение о том или ином произведении и об авторе книги. Не раз встречались мы с ним в магазине и шли на Стрелку в месте слияния Оми с Иртышом, садились на скамейку и вели долгие библиофильские разговоры. Черноков признавал только классику и произведения писателей конца XIX – начала XX столетий. Рассказывал о книгах, авторы которых для многих сейчас забыты: Амфитеатров, Потапенко, Зайцев, Чириков, Криницкий и др. Приключенческая литература его совершенно не интересовала. Высоко ценил книги одного из лучших советских

Н. Ф. Черноков

издательств «ACADEMIA», были у него её каталоги, которыми и я пользовался.

В. А. БОГДАШОВ: Я попытался вспомнить, что у меня осталось от знакомства с Н. Ф. Черноковым или, как принято говорить, что он мне дал. И оказалось, что большая часть моих интересов и увлечений сегодня связана с Николаем Фёдоровичем. Он как-то особенно любил русскую поэзию. Рассказов о писателях было у него множество. «Милостивый государь, – начинал обычно Николай Фёдорович, – уважаемый Вами поэт Д. Д. Минаев был человеком невыносимым»... И следовал рассказ о чудачествах Минаева...

Как-то Черноков спросил меня, желаю ли я знать историю русской литературы. Вопрос меня, признаться, обескуражил. Я тогда думал, что я в ней кое-что знаю. Вот и предложил Николай Фёдорович собрать (он говорил: составить) портретную галерею русских литераторов – от летописца Нестора до наших дней. И пошла работа. Увлёк своей идеей тогда несколько человек. Каждый из нас должен был представить материалы для фотографирования по определённому периоду русской истории. Мне он поручил XVII и XVIII века.

Л. И. ШАРОХА: В то время я один имел в Омском хоре фотоаппарат, а у Чернокова была налажена обширнейшая переписка со всевозможными коллекционерами из разных уголков Советского Союза. В Красноярке у него хранилось множество старинных книг. Если в них не обнаруживалось того, что мы искали, Николай Фёдорович находил в библиотеках... Меня удивляло: Черноков не просто знал, что, скажем, такой-то поэт жил в начале восемнадцатого века – он держал в памяти и его стихотворения.

В. А. БОГДАШОВ: Черноков был ещё и читателем межбиблиотечного абонемента и заказывал редкие книги в библиотеке им. Ленина в Москве. Я хорошо помню ритуал знакомства его с получением новой книги. Вообще отношение его к книге было удивительным. Он часто повторял: «Мыть руки перед едой – это гигиена, а перед тем, как браться за книгу, – культура». Отправлялись мы в умывальник, а после начинались рассказы... Я пытался записать кое-что, а Черноков сердился: «Милостивый государь, нужно развивать голову, а не графоманство».

А. Н. ЕГОРОВ: Родом Николай Фёдорович был из деревни Красноярка, где имел собственный пятистенный дом. После смерти жены там постоянно жила его дочь. Сам же он живал здесь неподолгу, а постоянно обитал как аскет-отшельник в помещении областной филармонии, которая находилась тогда рядом с гостиницей

Л. И. Шароха

«Октябрь», на четвёртом этаже. В одной из комнат, где хранились музыкальные инструменты, стоял продавленный кожаный диван – он служил Чернокову местом и для сна, и для приёма посетителей. Около дивана стояла деревянная тумбочка – в ней он хранил эмалированную кружку, бритвенный прибор, полотенце и всякую мелочь. На тумбочке всегда лежало несколько книжек. Меня удивлял такой аскетический образ жизни. В Омске жила одна из его дочерей, а он ютился в комнатке филармонии...

В. А. БОГДАШОВ: Это была баянная комната. А Черноков говорил: «Мой кабинет». Он был библиофилом и подчёркивал: – фил, а не – ман. Если книга оказывалась нужнее вам, чем ему, – он уступал с охотой. С его помощью я приобрёл «Литературную энциклопедию», издания 1939 г. под редакцией Луначарского. Черноков так меня тогда успокоил: «Вам она нужнее, – я и без того кое-что знаю». Сопровождая меня с покупкой, он продолжал ещё убеждать меня: «Обратите внимание на статьи Франца Петровича Шиллера, сотрудника энциклопедии, специалиста по западным литературам. Я его хорошо знаю: он некоторое время жил у нас в Красноярке, бывал у меня в гостях. Тема его докторской диссертации «Клейст и Гёльдерлин».

В. М. ФИЗИКОВ: Судьба Ф. П. Шиллера оказалась трагической. Крупный учёный, по учебникам которого студенты-филологи в Советском Союзе 1930-х годов изучали историю зарубежных литератур, был объявлен врагом народа и оказался в ссылке в Омской области. Он пытался устроиться работать на кафедру литературы нашего педагогического института, но ему отказали даже в возможности быть учителем-словесником в средней школе.

Л. И. ШАРОХА: Идём с Черноковым по улице Ленина. У книжного магазина он дотрагивается до моей руки, чтобы я приостановился: «Вон видишь, стоит мужчина в плаще и торгует книжками с лотка? Отличный можно рассказ написать о судьбе этого человека. В молодости он очень любил одну простую, бедную девушку, а сам-то был из богатенькой семейки и родители воспротивились его любви. Девушка покончила с собой, убитая горем, а он, так и не женившись больше никогда... вот, торгует книжечками... Много у меня на примете людей с интереснейшей судьбой. Пиши да пиши, но всё как-то руки не доходят».

В. А. БОГДАШОВ: Мне всегда казалось, что все книги в нашем городе, особенно старые, находятся под негласным контролем Николая Фёдоровича. Я показываю ему как-то свою новую покупку, а он спокойно сообщает, что книга эта из библиотеки Лепорского, преподавателя-латиниста из мединститута, и в ней нет шести страниц. Представляете? Или, увидев у меня сборник рассказов Аркадия Аверченко, он точно угадал, что купил я его у С. М. Фильфукс. Черноков практически никогда не ошибался.

Однажды я показал ему купленную мной книгу Корнея Чуковского «От Чехова до наших дней» с экслибрисом Николая Викторовича Трунёва, и у Николая Фёдоровича на весь вечер хватило рассказов о том, кто такой профессор-лингвист Трунёв, где он живёт в Омске, какие у него книги... «Милостивый государь, Вы обязательно должны посмотреть его библиотеку, а иначе Вы в жизни ничего подобного не увидите». Заговорили мы как-то о книгах Пахотина, о тех, что оказались в моём собрании, и Черноков с восторгом рассказал о том, какая чудесная у Пахотина библиотека – её по наследству получили два брата, дети покойного владельца.

Л. И. ШАРОХА: Как я помню из отрывочных рассказов Николая Фёдоровича, отец его держал в Красноярке почтовую станцию, и с малолетства Черноков приучен был к лошадям и любил их всю жизнь самозабвенно. Был у него небольшой фотоснимочек, где он ещё мальчишкой сидит на передке ходка, сдерживает вожжами двух лошадей... Любовь к лошадям, к ямщикам, смелым, лихим людям Сибири, подсказали Николаю Фёдоровичу сюжет танцевального игрища, и в Омском хоре родилась «ямщина» – пляска, которую видели миллионы зрителей не только в Советском Союзе, но и во многих странах мира.

В. А. БОГДАШОВ: Так случается в жизни, что книжники, как правило, предрасположены ко всякому собирательству. Николай Фёдорович как-то явился из Красноярки и с гордостью заявил: «Вчера всю

ночь пересматривал папки с вырезками и пришёл к выводу: я самый богатый человек! А собирал он многое: не только частушки и русские песни, но и портреты литераторов, музыкантов и государственных деятелей, фотографии и рисунки коней, художественные открытки. Кони – страсть Чернокова особого рода. Из-за уважения к конскому племени, как он сам говаривал, носил он вместо пояса уздечку. Очень жаль, что не окончена интересная его работа «История ипподрома в Омске», которую затеяли два заядлых омских «конюха» – Н. Ф. Черноков и Э. Д. Лореш, тоже покойный ныне старейший книжник.

А. Н. ЕГОРОВ: Когда Николай Фёдорович умер, я слышал, что книг из его библиотеки почти не осталось, кроме больших, пухлых папок с вырезками из газет и журналов...

В. М. ФИЗИКОВ: Талантливый самородок из народа – вот кто такой был Черноков. Самобытный русский человек, разнообразно даровитый. Никаких университетов не кончал, но сам себя образовал неустанным книгочейством и природной любознательностью. Он оставил по себе добрую память, которая не стирается годами. То, что сделано им, вошло в золотой фонд нашего национального искусства. Народом когда-то было рождено – и через Чернокова – к народу вернулось счастливыми человеческими судьбами, шедеврами певческого и танцевального искусства.

О превосходной библиотеке Михаила Трофимовича Мишина, учителя из села Красноярка, я узнал от известного омского библиофила Э. М. Фромберга, доброго моего товарища по педагогическому институту, с которым мы подготовили немало совместных телевизионных передач.

С М. Т. Мишиным и его книгами я познакомился ранней осенью 1988 г. Вскоре состоялась и запись телепередачи в его гостеприимном доме. Беседовать с Мишиным было легко и интересно. Мы с Михаилом Трофимовичем окончили один и тот же филологический факультет, только он начал учиться много раньше, в трудные военные годы. Близко знал многих любимых наших наставников-преподавателей, подробно рассказывал о своих знакомствах с сибирскими книголюбами, о прекрасной библиотеке профессора Н. В. Трунёва, где была собрана редкостная для советских времён коллекция изданий поэтов Серебряного века, с восхищением вспоминал о Н. Ф. Чернокове, который, как и Мишины, корнями был связан с их селом.

М. Т. МИШИН: Я не коллекционер, не собиратель книг. Интерес к ним проявился очень рано, в детстве. В зрелые годы книги нужны были мне для дела, для работы. Основная причина многолетней моей покупки книг – нужда. Я приехал работать учителем в Колосовский район – книг не было никаких ни в школьной библиотеке, ни у детей. Как же учиться, как работать, как воспитывать ребят? Я привёз с собой два чемодана книжек, но разве этого достаточно? Основную часть своей библиотеки я приобрёл после 1948 г., когда окончил пединститут. Покупал книги в деревнях, где жил, и в Омске, но главным образом в Москве, в букинистических магазинах. Когда ездил в отпуск, обязательно заезжал в столицу – и ежедневно обходил и объезжал все известные букинистические магазины. Рано утром проеду везде на метро, присматриваясь к витринам, а к открытию уже знаю, где быть в первую очередь.

В библиотеке Мишиных собрана вся мировая классика – многое в изданиях редких, превосходно иллюстрированных. Большие разделы их собрания – книги по истории, философии, географии (жена Михаила Трофимовича – тоже учитель, географ), литературоведению. Широко представлены старые журналы, мемуарная литература, множество разнообразных словарей. Я заметил, что справочные издания здесь в особенном почёте.

М. Т. МИШИН: Конечно, постоянно нужны. Всё время что-то требуется уточнить. Вот в одном издании «Литературной энциклопедии» есть писатель Ка́пнист, а в другом – Капни́ст. В одном и том же томе «Краткой литературной энциклопедии» один брат – Кире́евский, а другой – Киреев́ский. Много всяких несуразностей и загадок.

В телепередаче мы рассказали лишь об одном большом разделе библиотеки сельского учителя. С редкой полнотой у Мишина представлены произведения отечественных историков – от летописей, Котошихина, европейских путешественников по России XVII-XVIII веков до академика

Попытка организации общества любителей-книголюбов в библиотеке Пушкина: слева направо - М. Б. Марцинковский, Н. В. Гришина, Е. Е. Марилов, Г. И. Дусковицкий, А. А. Клебановский, И. Н. Витенсон. Омск, 6 мая 1964 г. Фото Л. И. Шарохи

советской школы Грекова. Есть у Михаила Трофимовича и знаменитая «История государства Российского» Карамзина 1841 г. издания, и полное собрание сочинений Костомарова, и Иван Забелин, и многотомный Сергей Соловьёв, и Ключевский. Есть редкие издания по истории Сибири, антикварный двухтомник о русском масонстве и книги из истории отечественных нравов (К. Валишевский и многое, многое другое). И всё тщательно, с карандашом, прочитано, изучено, освоено.

Когда же я попросил Михаила Трофимовича сказать, кто ему как филологу и читателю особенно близок из классиков, он начал читать на память большой фрагмент из «Былого и дум» Герцена. Телевизионное время записи всё шло и шло, а он читал и читал, и остановить его было немыслимо. И так это было неожиданно и чудесно! Мы не даём себе часто труда не то чтобы знать наизусть – просто прочесть Герцена, «замечательного мыслителя, умницу, непревзойдённого стилиста», как очень точно выразился Мишин.

Что он особенно ценил в своём собрании? «Библиотеку великих писателей» издательства Брокгауза и Ефрона. Михаил Трофимович сумел собрать все тома этого великолепного издания. Что ещё? – превосходно иллюстрированные собрания сочинений Гоголя и Лермонтова. Только у Мишина я видел полный комплект богатейшего забытыми фактами журнала «Старые годы», издававшегося в 1907-1916 годах для любителей искусства и старины. А рядом в этой библиотеке – тома журналов «Золотое руно», «Аполлон» и другие желанные для каждого знатока-библиофила редкости. Долго я рассматривал роскошные фолианты «Княжеской и царской охоты», многотомные издания о России, впечатляющие иллюстрации в различных переводах гётевского «Фауста»...

Как важно было и для сельских ребятишек, учеников Михаила Трофимовича, знакомство с этими книгами! Почти ежевечерне он приносил их в школу, и ребята обступали учителя, рассматривали, как и я, иллюстрации, рассказывали – вспоминали содержание.

Когда я был у Мишиных в гостях, он то и дело просил меня почитать то или иное место – любопытное с его точки зрения.

Щедро делился радостью знания. И неизменно в его книгах я находил аккуратно отчёркнутые места. Михаил Трофимович помнил прочитанное, безошибочно находил нужное ему место в издании. Память у него всегда была хорошей. Многое знал наизусть – читал ребятам «Евгения Онегина», «Медного всадника», «Мцыри», сотни стихотворений европейских и русских поэтов.

После выхода в эфир телепередачи мне долго звонили знакомые книголюбы. Они поражены были тем, о чём рассказал и что показал из своих богатств М. Т. Мишин. Но не меньшего удивления и уважения заслуживают личности омских библиофилов. Общаясь с ними, мы соприкоснулись с подлинной культурой, которая – увы! – десятилетиями планомерного уничтожения теперь во многом утрачена. Но, к счастью, давнюю культурную традицию полностью убить не удалось. Отрадно сознавать, что через А. Н. Егорова, Н. Ф. Чернокова, М. Т. Мишина и других она перешла к следующему поколению омских библиофилов.

Прежде всего и с особенной теплотой, дружески я хочу сказать о семейном «книжном дуэте» Валерии Шаевны Назимовой и Эдуарда Михайловича Фромберга. Немало лет оба трудились в Омском педагогическом университете, но из-за тяжёлой болезни сына вынуждены были уехать жить в Германию. Он физик, она историк, «лёд и пламень», что совсем не мешало их дружной неизменной любви к чтению и книге. Оба увлечены искусством. Валерия объехала полсвета –

и везде её интересовали люди, их образ жизни, история и памятники культуры. Как хорошо, что всегда под рукой издания серий «Города и музеи мира», «Музеи мира», записки путешественников...

Книжное собрание Валерии и Эдуарда сравнительно невелико – около четырёх тысяч томов. Библиотека их в последние омские годы мало увеличивалась количественно, но качественно постоянно улучшалась. Пожалуй, в Омске не было второй такой коллекции старинных и редких книг. Принцип их подбора: дома иметь то, что они любят, к чему есть желание вернуться повторно. Их интересы широки, но в основном совпадают: много мемуаров, хорошо представлена классика, русская поэзия начала XX века, сборники любимых современных поэтов. Много лет они собирали книги приключенческого и детективного жанров как современных авторов, так и классиков прошлого. Им интересны русская история, история искусства, живопись.

Любимых «приключенцев» и мастеров детективной литературы В. Назимова и Э. Фромберг представили в «Мире книг» как серьёзное чтение. Здесь, по их мнению, как в любом литературном жанре, есть своя классика, второсортная беллетристика и вовсе низкопробные поделки. Миллионы людей жадно поглощают детектив, но публично признаваться в своей привязанности к нему считают неловким. Как будто на детективе или приключениях лежит клеймо второсортности! Вот с этими весьма распространёнными мнениями мы и спорили в телепередаче.

Им удалось собрать практически все лучшие произведения приключенческого жанра. И не только мировую классику, но и современных мастеров в журналах послевоенных лет. Опасно, если книголюб имеет к приключенческой литературе «одну, но пламенную страсть». Тогда чтение приводит к всеядию и безвкусице. Тогда книга – наркотик для души. У В. **Назимовой** и Э. **Фромберга** их увлечение, не проходящее с годами, не самоцель. Оно входит в широкий спектр их интересов, становясь фундаментом общей культуры. Это помогало им быть всегда настоящими профессионалами и в вузовской педагогике, и в избранных научных областях.

В. Ш. Назимова

В 1979 г., в одну из суббот, когда на Слободском рынке ещё собирались омские книжники, я увидел двух заинтересовавших меня людей. Я не вдруг подошёл к ним, как-то мне всегда неловко заговаривать с незнакомцами. Они были серьёзно заняты своим делом: читали, говорили о чём-то, спорили. Вижу, держат в руках старую книгу. Судя по переплёту, почерневшему обрезу, по толстой бумаге, – очень старая книга. Да ещё и в сетке-авоське такая же. Как тут было утерпеть? Я всё же подошёл. Познакомился. Владелец книг не очень молодой, явно мыслящий человек. Несколько лет назад заинтересовался старопечатными русскими книгами, начал их собирать. Сначала только собирать. После понял: мало лишь собирать – нужно и читать. Специально для этой цели выучил старославянский язык. Всё сам, без помощников. Начал читать старинные эти книги. Увлёкся всерьёз. Говорит мне об этом, и по тону, по глазам вижу, как это для него важно. Но на всякий случай всё-таки спрашиваю: «А что Вам в этих книгах XVII века особенно интересно?» А он мне и отвечает: «А знать интересно, как раньше

Э. М. Фромберг

жили люди». Вот ведь что превосходно! Что, казалось бы, ему до того, что читали, во что верили древние русские люди, о чём мечтали. Ведь всё давно прошло и быльём поросло. А вот ему, сегодняшнему рабочему человеку, это так важно, что он отдаёт делу свой досуг, учит давно умерший язык и радуется своим открытиям. «Хотел, – говорит, – выучить ещё и греческий язык, да тяжеловато, месяцев шесть на это надо потратить, а времени такого пока нет». Вот – самое задушевное освоение культуры!

А вскоре после этой памятной встречи в «Мире книги» мы познакомились со старопечатными изданиями из собрания преподавателя кафедры русского языка педагогического института Алевтины Алексеевны Пыхтеевой. Историк языка, она бережно собирает старую книгу, сохраняет даже отдельные её части, даже странички: всё ей дорого в памятниках древнерусской культуры XVII – начала XVIII веков, но особенно времени царствования Михаила Фёдоровича и Алексея Михайловича. Эти старинные книги – с деревянными крышками, обтянутыми ветхой кожей, с металлическими застёжками, достались Пыхтеевой нечаянными окольными путями – от умерших дальних родственников, от родной матушки, от стариков из северных деревень. Все они знали, что Аля с уважением относится к их вере, что знакомо ей старинное русское письмо и что в добрых её руках их книжное богатство, переходившее из поколения в поколение, будет сохранено и понято. Эта коллекция старинных старообрядческих книг невелика по числу томов и живёт не в одном её доме, а у многих близких родичей, и всем служит исправно, и душу радует.

Что показала телезрителям Алевтина Алексеевна? Знаменитый в прошлом литературный сборник XVII в. «Пролог», годичное описание житий святых на сентябрь-март 1631 г., напечатанное в Москве по велению царя Михаила Фёдоровича. Это своего рода энциклопедия древнерусского человека, вобравшая в себя историческое (отчасти легендарное) повествование о мировой цивилизации от эпохи эллинизма и Римской империи. Здесь и географические знания, и событийные занимательные рассказы, часто в форме притчи, аллегории. Здесь и жития, учительные и похвальные слова, проповеди. «Пролог» был для русских людей и книгой для чтения, и употреблялся в церковном обряде: из него выбирались и каждый день читались при богослужении повести и поучения вместе с другими видами словесного искусства.

«Пролог» из собрания А. А. Пыхтеевой сильно пострадал от времени. Переплёт расколот, тиснёная кожа от него отделилась. Но книга от первой до последней страницы цела, прекрасно читается – печать довольно чёткая, а опечатки исключительно редки. Лучше сохранились другие старинные издания: «Избранное из святых писаний» напечатано по тексту московского издания 1643 г. в г. Гродно с разрешения польского князя Литовского в 1723 г.; «Сборник проповедей Иоанна Златоуста, Кирилла, Григория - богослова и других первосвятителей»; «Толкование Иоанна Златоуста к Евангелию» – прямо по главам объяснение каждого фрагмента Священного Писания. Книги эти церковные – произведения «искусства друкарского» становились и памятниками

древнерусской литературы. Как бережно говорят авторы и составители о своих Учителях, о своих предшественниках! Как безупречно освоен ими стиль «извития словес», как вдохновенна бывала их речь! И как любовно издавались в древней Руси книги! С портретами евангелистов, художественными заставками из богато выполненных растительных орнаментов, изукрашенными заглавными буквицами. Текст печатался в две краски – чёрной и красной.

А вот ещё внушительный том – «Псалтырь» конца XVII в., книга священных песнопений, псалмов во славу Бога. По легенде, авторство их принадлежит Давиду. Уникальность этого экземпляра – в его светском предисловии, где неизвестный автор учит правильному произношению церковнославянских звуков и текстов. А другая «Псалтырь» – по старорусским временам карманная, в ладонь высотой. С ней можно было ходить в церковь и петь псалмы по книге. Напечатана была в Могилёве в 1703 г. по текстам изданий времени Михаила Фёдоровича, мелким неразборчивым шрифтом. Вероятно, книга была выпущена «массовым» тиражом для возможно более широкого читателя.

Уже после того, как наша передача ушла в эфир, в библиотеке Алевтины Алексеевны появилось новое интереснейшее приобретение – рукописный конволют, своеобразный семейный альманах, книга старообрядческой семьи. Она пополнялась из поколения в поколение. Грамотные писали сами, а то приглашали знавших грамоту – со стороны. Ведь книгу в стародавние времена купить было трудно. И потому её нередко создавали в семьях. Здесь отрывки из исторических, богослужебных текстов, много религиозных поучений, выдержки из российского законодательства, известия о новейших исторических событиях, отрывки из семейно-бытового жизненного «кодекса» – книги «Юности честное зерцало» (1717 г.). Дан петровский алфавит, переписаны большие фрагменты из старопечатной книги «Златый бисер», отрывки из житий, в том числе и житие Христа, необыкновенно интересное. Кроме обычного текста, следует повествование в лицах: Ученик, Учитель, Пилат, Мать, Слушатель.

А. А. Пыхтеева

Сколько таких книг было уничтожено! Преобладал исключительно классовый подход и в политической борьбе, и в небрежении культурой. Как поздно мы одумались и начинаем понимать, что культуру народа в любом её виде надо беречь для будущего.

А. А. ПЫХТЕЕВА: Эти книги попали ко мне от старообрядцев Горьковской области. Старообрядческие общины распадались, у верующих стариков часто не было преемников. И книги передать по традиции бывало некому. У старообрядцев есть такой обычай: если некому передать книгу, хозяин пускает её по «поле воде»», то есть по весенней воде, по разливу. Предполагается, что она обязательно прибьётся к хорошим рукам. Вот при таких обстоятельствах и удалось убедить нескольких старообрядцев отдать эти книги, так как каждая из них представляет теперь библиографическую редкость. Они поверили мне, что книги будут храниться, что будет поддерживаться к ним уважительное отношение и никогда они не будут отданы на поругание.

Участники передачи «Мир книги». В центре стоит Адольф Кучинский

В рамках одной статьи нельзя объять необъятное и рассказать ещё о многих участниках телевизионного цикла. Скажем, об одном из лучших в стране собрании миниатюрных книг и экслибрисов профессора Омского филиала института культуры (а позднее – госуниверситета) Евгения Михайловича Смирнова; о коллекции сибирских раритетов в библиотеке музыковеда Михаила Алексеевича Белокрыса; о Пушкиниане инженера Владимира Яковлевича Авдюкова; об универсальной библиотеке Виктора Алексеевича Богдашова, где тщательно подобранные современные книжные серии соседствуют с массой журнальных публикаций многих десятилетий и подлинными редкостями.

Иногда омские библиофилы раскрывали нам лишь одну какую-то грань своих книжных увлечений, но и это было по-настоящему обаятельно. Так, всё о Хемингуэе собирал и изучал инженер Адольф Кучинский, всё о Пушкине и всю жизнь – связист Владимир Леонидович Потанин. К сожалению, обоих давно нет с нами. «Мой Вознесенский» – такова была тема выступления в «Мире книги» историка, профсоюзного работника Александра Молдованова. А инженер, преподаватель автотранспортного техникума Николай Лефонович Никифоров принёс составленные им, собственноручно изготовленные солидные тома стихотворений и песен Владимира Высоцкого и документов о нём. Разумеется, мы сумели показать в телевизионном «Мире книги» далеко не все достойные общественного внимания собрания омских библиофилов. Так, не успели рассказать о библиотеке одного из старейших собирателей Л. Ф. Тихомирова, о хорошо известном книжному Омску Н. Д. Мельникове, о коллекции, посвящённой великому русскому певцу Фёдору Шаляпину, что издавна собиралась В. Я. Авдюковым...

Тема не иссякает. Хотя электронные средства связи (компьютер и Интернет), кажется, набрали такую силу, что готовы заместить собою книгу и её власть над читателем, но выразим надежду и даже уверенность, что подрастут новые, следующие за нами поколения книжников, которые продолжат обновление культуры сибирского библиофильства.

ПОЭМА ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА «ПЕСНЯ О ГИБЕЛИ КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА» В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ТРАДИЦИЙ

Валерий Хомяков

Не касаясь социально-политического и нравственно-философского звучания произведения, остановимся на фольклорных образах и мотивах в поэме. Прежде всего следует отметить, что Васильев прекрасно знал русский и казачий фольклор, глубоко осознавал его художественные возможности. При этом он использовал традиционные жанры бытового и художественного фольклора (лирические и свадебные песни, частушки, сказки-небылицы, заговоры).

Говоря о фольклорных перекличках в поэме П. Васильева «Песня о гибели казачьего войска», необходимо остановиться на тех песенных источниках, к которым автор обращался, создавая свои произведения. Так, приведённая в поэме песня «Ты послушай-ка, сестра...» представляет оригинальный текст, соединивший традиции народного многоголосия с элементами городского романса.

– Ты скажи-ка мне, сестра,
Чей там голос у тебя,
Чей там голос
Ночью раздавался?

– Ты послушай, родной брат,
Это – струны на разлад,
На гитаре
Я вечор играла [1].

Данный вариант встречается во многих источниках. В частности, собиратели уральского фольклора А. В. Глинкин и А. И. Лазарев указывают на существование данного текста в среде оренбургского казачества.

– Ты послушай-ка, сестра,
Про тебя идет молва:
Не пора ли тебя замуж отдавать?

– Ты послушай, родной брат,
Дай мне годик погулять,
Дай мне с годик пожить,
повеселиться

– Ты послушай-ка, сестра,
Чей там коник у двора,
Чей там коник стоит да белоногий?

– Ты послушай, родной брат,
Эт заезжий, дальний сват
При пути, пути-дорожке
запоздалой.

– Ты послушай-ка, сестра,
Чей там голос у тебя,
Чей там голос во спальне
раздаётся?

– Ты послушай, родной брат,
Это струнушки не в лад:
Я вечор на гитарушке играла.

– Ты послушай-ка, сестра,
Чья там сабля у тебя,
Чья там сабля на стеночке
блистает?

– Ты послушай, родной брат,
Это месяц на закат,
Это месяц на закате серебрится.

– Ты послушай-ка, сестра,
Я тебе уж не судья,
Я судить-рядить тебя больше не буду [2].

«Исторический срез песенного наследия оренбургских казаков даёт нам представление о его ментальности по отношению к местной традиции. Только так мы можем проследить за судьбой песенных жанров и отдельных произведений, узнать, что из них выдержало испытание временем, что сохранилось без изменений, что трансформировалось и почему, что вовсе исчезло из памяти народа» [3].

«Жанровый состав песенной лирики оренбургских казаков соответствует общерусской фольклорной традиции и включает в себя исторические песни, баллады, протяжные (проголосные) и «быстрые» (частые) песни, романсы. Функционально все они составляют такой ряд: исторические, военно-бытовые, военно-походные, обрядовые-календарные, семейные (в частности, свадебные), игровые, хороводные, плясовые, обыкновенные лирические песни, т. е. свободные от обряда, от игры» [4].

Военно-походные песни «точно передают психологическое состояние героев: жена, провожая на войну любимого мужа, смотрит, как он отдаляется от неё по дороге, и вдруг отчетливо осознает, что никогда больше его не увидит; казак, умирая на поле битвы, видит, как над ним кружит «ворон роковой», и понимает, что станет его добычей; мать среди ночи просыпается от предчувствия и зажигает лампаду, не подозревая, что скакал к ней на побывку и был убит почти что у самого дома...» [5].

«Конечно, трагические и драматические темы не исчерпывают всего богатства идейно-художественного содержания казачьих песен. Главное в них – выражение лихой казачьей удали, мужества, доблести, готовности умереть «за царя и Отечество» [6].

Песня о потере кольца, используемая в поэме Васильева, была известна в Восточном Казахстане, когда Маруся оплакивает удалого молодца:

Ох, растошнехонько, ох, жалко
Удалого молодца, удалого, холостого,
Ох, жалко обручённого кольца.
Обручённое моё колечко
В синем моречке на дне,
В синем моречке на донышке,
На жёлтом мелком песке [7].

Эта песня имеет параллели и в прииртышском фольклоре:

Сронила колечко со правой руки,
Занило сердечко о милом дружке.
Уехал далеко, ушёл по весне,
Не знаю искать где, в какой стороне.

В поэме Васильева приводится песня «Как летела пава», которая представляет отрывок из песни «Уж ты сад, ты мой сад; сад зелёненький». Текст песни приведён в книге «Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока» [8].

Уж ты сад, ты мой сад, сад зелёненький,
Ты зачем рано цветёшь, осыпаешься?
Ты куда, милый мой, собираешься?
Ты куда, милый мой, собираешься?
И со всеми людьми распрощаешься,
И со всеми людьми распрощаешься?
А со мной, молодой, всё ругаешься.
Не ругайся, не бранись, скажи:
"Милая, прощай!"
Скажи: "Милая, прощай! Уезжаю
в дальний край!"
Там летела пава через сине море,
Уронила пава с крыла пёрышко,
Мне не жалко мать-отца, жалко
молодца.
Без отца я проживу и без матери,
А без милого дружка одолела
грусть-тоска [9].

В сборнике А.И. Лазарева также дается текст песни «Уж ты сад, ты мой сад...».

Уж ты сад, ты мой сад,
Сад весёленький, да,
Сад зеле.....ой, сад зелёненький.
Сад зелёненький,
Ты зачем рано, садок, да,
Осыпа.....ой, осыпаешься?

Осыпаешься,
Ты далёко ли, милый мой, да,
Собира.....ой, собираешься?

Собираешься,
То ли в бой, то ли в поход, да,
В путь-дороженьку?

В путь-дороженьку.
Со всеми ты, милый мой, да,
Всё проща.... Ой, да, прощаешься.

Всё прощаешься,
А со мною молодой, да,
Всё руга....ой, да ругаешься.

Всё ругаешься.
Не ругайся, милый мой, да,
Не воро....ой, не воротишься.

Не воротишься,
Будешь каяться, милый, да,
Будешь ка....ой, будешь каяться [10].

В поэме Васильева приводится текст песни «Летела пава...». Аналогичный текст мы встречаем и в «Собрании народных песен П. В. Киреевского»:

Летела пава через три двора,
Уронила перо на подворце.
Мне не жаль пера, а жаль молодца,
Мне жаль молодца: один сын у отца,
Один сын у отца – и тот в службу
идёт [11].

Произведения Павла Васильева

И далее рассказывается, как сын, отслужив три года, пришёл домой. Его встречают мать (в поле), сестра (посреди двора), жена впускает его в дом. Сына позвала в горницу мать и стала наговаривать на сноху. Тогда сын не вытерпел, взял острую саблю и отрубил жене голову. Но, оказывается, что это был поклёп. Тогда зашёл муж к жене в горницу, взял на руки маленького сына и стал его баюкать, приговаривая:

Люблю, баю, мое дитятко,
Теперь в тебе нету матери,
У меня младца, молодой жене,
Только есть у тебя одна бабушка,
И та злая, змея лютая [12].

В комментариях говорится, что это семейно-бытовая баллада об оклеветанной жене.

И в Восточном Казахстане также была известна эта песня:

Летела пава через сине море,
Уронила пава с крыла пёрышко,
Уронила пава с крыла пёрышко,
Мне не жалко крыла, жалко
пёрышка,
Мне не жалко крыла, жалко
пёрышка,
Мне не жалко мать, отца, жалко
молодца,
Мне не жалко мать, отца, жалко
молодца.
Без отца я проживу и без матери,
Без отца я проживу и без матери,
А без милого дружка болит сердце
у меня,
А без милого дружка болит сердце
у меня [13].

В тексте поэмы Васильева мы встречаем следующий отрывок:

Кружат над станицами стаи голубей.
Костёр за заставами горел – потух.
С неба осыпается помёт да пух,
С неба осыпаются на луга
Ветреные, свежие снега!..

В сборнике П. В. Киреевского приведён текст следующей песни:

Ох, по морю, морю, по синю морю
Плыла лебедь, лебедь с лебедятами,
С лебедятами, с малыми детками.
Откуда ни взялся сам ясен сокол.
Убил, сгубил серу утицу,
Не одну ж её, с детенятами,
С мелкими утенятами.
Он кровь пролил во сине море,
А перышки по крутому бережку,
А пух пустил по поднебесью.
Брала перья красна девица-душа
Милу дружку на подушечку,
А кровь пила бела рыбица [14].

Вообще в песнях очень часто встречается мотив убийства соколом лебедя (утки, голубя) и «пух пустил по чисту полю».

Подводя итог, следует сказать, что поэма П. Васильева демонстрирует знакомство автора с песенным фольклором, а само произведение отличается богатством и разнообразием в использовании народных песен.

Примечания

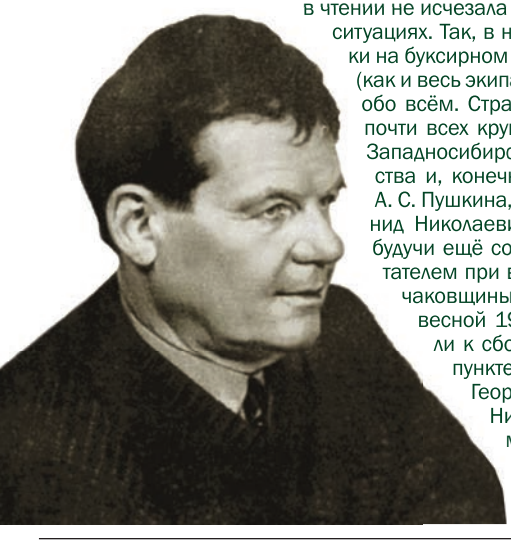
1. Васильев П. Н. Стихотворения и поэмы. - Л., 1968. - С. 235. В дальнейшем цитируем по этому изданию с указанием страницы в тексте.
2. Глинкин А. В., Лазарев А. И. Песни оренбургских казаков. Старые и новые записи. - Челябинск, 1996.
3. Там же. - С. 5.
4. Там же. - С. 7.
5. Там же. - С. 14-15.
6. Там же. - С. 15.
7. Багисбаева М. М. Русский фольклор Восточного Казахстана. - Алма-Ата, 1991. - С. 86.
8. Цветкова А. Д. Фольклор Прииртышья в поэме П.Васильева «Песня о гибели казачьего войска» // Региональный компонент в творчестве российских и казахстанских писателей XX века. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной дню рождению П. Васильева и году Казахстана в России. - Павлодар, 2003. - С. 150.
9. Русские лирические песни Сибири и Дальнего Востока. - Новосибирск, 1997. - С. 80.
10. Глинкин А. В., Лазарев А. И. Указ. соч. - С. 84.
11. Собрание народных песен П. В. Киреевского. - Л., 1986. - С. 85.
12. Там же. - С. 55.
13. Багисбаева М. М. Указ. соч. - С. 90.
14. Собрание народных песен П. В. Киреевского. - С. 71.

ЛЕОНИД НИКОЛАЕВИЧ МАРТЫНОВ И ОМСКАЯ «ПУШКИНКА»

Елена Каткова

В своей автобиографической книге «Воздушные фрегаты» известный советский поэт, уроженец Омска Л. Н. Мартынов вспоминает, что научился читать очень рано. И так же рано в его жизнь вошла библиотека: сначала домашняя, потом та, из которой приносил детские журналы отец, заботящийся о духовном развитии своих детей. Повзрослев, Леонид Мартынов стал самостоятельно ходить в расположенную по соседству с домом, на Артиллерийской улице, Казачью библиотеку. Заметим, что потребность в чтении не исчезала у Л. Мартынова и в самых сложных жизненных ситуациях. Так, в начале 1920-х гг., возвращаясь из командировки на буксирном пароходе, он нашёл средство от мучившего его (как и весь экипаж) голода: попал в судовую библиотеку и забыл обо всём. Страстный книгочей, Мартынов стал завсегдатаем почти всех крупных библиотек Омска: Коммерческого клуба, Западносибирского отдела Русского Географического общества и, конечно, Центральной городской библиотеки имени А. С. Пушкина, расположенной в здании Городской думы. Леонид Николаевич Мартынов впервые пришёл в «Пушкинку», будучи ещё совсем молодым человеком, и оставался её читателем при всех сменах власти (до революции, в годы колчаковщины, при советской власти). Поэт вспоминал, что весной 1919 г. его, как и других гимназистов, привлекли к сбору книг для госпитальных библиотек, и как на пункте приёма литературы он познакомился с поэтом Георгием Масловым. Заинтересовавшись, Леонид Николаевич в читальном зале «Пушкинки» внимательным образом просматривал комплекты газет, ища стихи нового знакомого. Читая стихотворения Георгия Маслова, убедился – это настоящий поэт.

Л. Мартынов (стоит справа) среди омских писателей

После установления советской власти в Омске и принятия Сибревкомом постановления о национализации библиотек (1920 г.), «Пушкинка» приобрела статус центральной. В неё стали свозить фонды библиотек Кадетского корпуса, Епархиального училища, коммерческого клуба, Общественного собрания, мужской и женской гимназий, частных собраний, а также мусульманской, польской и еврейской библиотек и других более мелких. Фонд Пушкинской библиотеки в короткое время достиг 300 тысяч. Она являлась крупнейшей не только в Омской губернии, но и в Западной Сибири. Однако значительная часть этого богатства лежала «мёртвым грузом».

В книге «Черты сходства» Л. Мартынов вспоминает, как на омских базарах для обёртки товаров продавались на вес страницы из дореволюционных газет и журналов. Сразу же началось расследование, выяснившее, что в распространении контрреволюционной литературы виновны мальчишки, залезшие через разбитые стёкла в подвал библиотеки на улице Думской. Леонид Мартынов в качестве корреспондента нескольких омских газет однажды попал в подвал: «Горы книг. Чтобы не преувеличивать, сказав, что в этих книжных горах человек мог утонуть по горло, скажу, не преуменьшая: люди могли утонуть по грудь в этих грудах!». Естественно, что страстный книголюб Мартынов написал гневное письмо в редакцию газеты «Рабочий путь» под названием «Гниёт!» (было это, как он сам указывает, «году в двадцать третьем»)[1].

Здесь необходимо заметить, что в первые годы советской власти «Пушкинка» переезжала дважды: в феврале 1922 г. из здания бывшей Городской думы в помещение бывшего магазина купчихи М. Шаниной на Любинском проспекте, в ноябре 1924 г. – назад, на ул. Троцкого (ранее – ул. Думская). Только тот, кто работал в библиотеке, представляет себе весь гигантский объём дел: упаковка всего фонда, его перевозка, распаковка, размещение на новом месте. А ведь добавилась литература из национализированных библиотек, что увеличило собственный фонд «Пушкинки» в несколько раз! (в конце 1919 г. – около 6000 томов, в 1922 г. – почти 300 000). Следовательно, было необходимо оценить приобретения с идеологической точки зрения, рассортировать, обработать (записать в инвентарные книги, присвоить инвентарные номера и классификационные индексы), занести сведения на карточки и влить их в каталоги и картотеки, распределить по отделам, расставить на полках.

И здесь возникла проблема с кадрами. В первую очередь, не хватало квалифицированных сотрудников, так как часть из них уехала на восток вместе с отступающей Белой армией; некоторые остались, но были «старорежимными», неблагонадёжными для работы в идеологическом учреждении. Наряду с этим, в библиотеке неоднократно проводилось сокращение штатов, а мизерная зарплата и её задержки привели к большой текучке кадров. Как отмечал в 1923 г. поэт и журналист Г. Вяткин, сотрудники библиотеки «живут впроголодь, штат <...> сокращён до последней степени». Кроме того, библиотекари были обременены большим объёмом массовой работы, прежде всего, – участием во всех советских кампа-

[1] Просмотр de visu всех имеющихся в Омской государственной областной научной библиотеке им. А. С. Пушкина номеров газеты «Рабочий путь» за 1922-1928 гг. не выявил публикации с таким названием. С большой долей вероятности можно утверждать, что это могла быть статья «Предстоит точно классифицировать книжные богатства» (Рабочий путь, 1929, 3 января). Приведённые в ней факты и стилистика высказываний («гнили тихо и мирно», «горы <...> книг громоздились до самого потолка») во многом совпадают с текстом книги «Черты сходства», а подпись «Эльм» была одним из псевдонимов Л. Мартынова.

ниях (ликвидация неграмотности, обучение избачей, празднование советских юбилеев и т. д.). Схожая ситуация была и в губернском архиве, сотрудники которого всё своё время тратили на выполнение многочисленных справок, а не на разбор документов.

Ещё одной проблемой в 1920-е гг., общей не только для учреждений культуры, но и для всей страны, было отсутствие средств. Это привело в 1922 г. к катастрофическому сокращению числа библиотек: в г. Омске из 30 их осталось 9, а во всей Омской губернии из 239 – 64. В следующем году Пушкинская библиотека запрашивала на свои нужды 18 тыс. рублей, но ей выделили в три раза меньше. Библиотека им. Ф. М. Достоевского не смогла обновить свой фонд на средства подписчиков (так тогда называли читателей, плативших за пользование библиотекой определённую сумму). Поэтому в городском театре был дан спектакль, вырученные средства от которого пошли в пользу библиотеки.

В 1926 г. в Омской губернии, по причине нехватки денег на оплату труда, ввели для библиотекарей 4-х часовой день и изменили режим их работы. Таким образом, все вышеперечисленные причины (переезд, нехватка квалифицированных кадров, недофинансирование, загруженность массовой работой и т. д.) послужили поводом для складирования фондов национализированных библиотек в подвале «Пушкинки» в неразобранном виде.

Как вспоминает Л. Мартынов, его публикация «возымела мгновенное действие, соответствующие инстанции сообщили, что меры приняты». Но такие сложные вопросы не решаются быстро, особенно при дефиците кадров и мнении, что это не самая актуальная проблема. В этом Л. Мартынов убедился позже, о чём он с горечью написал в 1939 г. в редакцию «Рабочего пути»: «Лет десять тому назад печать обратила внимание местной общественности на преступно-небрежное хранение богатейшего книжного фонда, принадлежащего Омской Пушкинской библиотеке <...>. Как и раньше всё это недоступно для читателей <...> не приведено в порядок». Здесь необходимо заметить, что часть той литературы, которая хранилась в подвале и была необработанной, всё-таки использовалась читателями, но не всеми, а только научными работниками. Об этом, в частности, писал в 1926 г. завокрполитпросветом тов. Искоков.

Не нужно думать, что только Леонид Мартынов был встревожен ситуацией в библиотеке. К этой теме в 1920-1930-е гг. неоднократно обращались местные писатели, деятели культуры, корреспонденты «Рабочего пути», официальные лица[2]. Л. Мартынов не только писал о существующей проблеме, но и действенно помогал библиотеке. По воспоминаниям А. В. Нецветаевой, первого специалиста «Пушкинки» с высшим библиотечным образованием, некоторые читатели, в частности Л. Мартынов, лучше библиотекарей знали необработанный фонд, могли подойти к полке и быстро найти нужную книгу или журнал, а также дать им оценку. Она отмечала, что это очень помогало в работе.

Пушкинская библиотека в 1920-е гг.

[2] Более того - в мае 1926 г. Пушкинская библиотека закрылась на два с половиной месяца «для производства полного учёта книжного инвентаря». В этом же году предполагалось увеличить штат на пять человек, в том числе для того, чтобы «приступить к разработке богатейшего книжного инвентаря». Весной 1927 г. библиотека ходатайствовала о выделении ей 200 рублей, «необходимых для сохранения и приведения в порядок библиотечного архива». Однако недостаток средств, кадров, а также многочисленные и более актуальные на тот момент проблемы привели к тому, что работа по разбору архива продолжалась до 1960-х гг.

В 1930-е гг. Л. Мартынов был наиболее маститым и известным омским автором, желанным гостем и участником различных литературных вечеров и встреч. Проходили подобные мероприятия и в «Пушкинке». Так, К. Рябинин, студент Омского педагогического института тех лет, вспоминает: «Большую часть времени после учебных занятий мы проводили в читальном зале Пушкинской библиотеки, где иногда проходили читательские конференции, лекции, чтения произведений местных авторов. Запомнились <...> выступления со стихами Л. Мартынова».

Особенностью 1920-1930-х гг. было создание самых разнообразных кружков при всевозможных организациях и общественных объединениях. Например, в 1926 г. при Пушкинской библиотеке был создан кружок «Друзья книги». С. Козлова в брошюре «Итоги научного строительства в г. Омске за первые десять лет советской власти» (Омск, 1930) сообщала о деятельности в библиотеке краеведческого кружка и кружка библиофилов. Несколько позднее, в 1935 г., на конференции молодых писателей ЗапСибкрая отметили активную работу Омского оргбюро с начинающими авторами в литературных кружках, в том числе в кружке, созданном при Пушкинской библиотеке. Руководил этим кружком С. И. Веремей, возглавлявший Омскую литературную организацию в 1932-1934 гг. На вечере воспоминаний, прошедшем в Омском литературном музее в 1983 г., он рассказал, что кружок выпустил рукописный журнал, что очень понравилось Л. Мартынову: «Он иногда в Пушкинскую библиотеку заходил, в этот кружок, и его одолевали кружковцы. Леонид Николаевич охотно участвовал в их работе своими советами». Таким образом, Л. Мартынов был не только постоянным читателем «Пушкинки» на протяжении почти 30 лет, но и участником её мероприятий и кружков, активным помощником библиотекарей в деле сохранения книжных богатств библиотеки.

Со своей стороны Пушкинская библиотека продолжает активно знакомить омичей с творческим наследием поэта. Одним из важнейших направлений деятельности областной библиотеки является краеведческая составляющая. Поэтому «Пушкинка» собирает и хранит произведения местных авторов и литературу о них. Вся совокупность этих публикаций предстаёт перед читателями благодаря системе справочно-библиографического аппарата библиотеки. Самым объёмным элементом этого аппарата, содержащим сведения о Л. Н. Мартынове, является краеведческий каталог: около 670 записей в электронной версии (создаваемой с 1997 г.) и более 2,5 тысяч в карточном варианте (ведущемся с 1950-х гг.).

Выставка произведений Л. Мартынова в Пушкинской библиотеке. 1980 г.

Также материалы о поэте, прежде всего омском периоде его жизни, можно найти в библиографических изданиях, подготовленных в разное время сотрудниками информационно-библиографического отдела «Пушкинки». В первую очередь, это текущий указатель *«Литература об Омской области»*, издававшийся с 1959 по 1992 гг., где публикации о Л. Мартынове можно найти по именному указателю. В 1980 г. омскими библиографами был подготовлен и выпущен к 75-летию со дня рождения поэта первый персональный указатель *«Леонид Николаевич Мартынов»*. (Возможно, Леонид Николаевич знал об этом издании, вышедшем за несколько месяцев до его смерти). Небольшой объём указателя – 106 записей – был обусловлен отказом от газетных материалов и включением только наиболее значимых книжных и журнальных публикаций за 1964-1979 гг. Все записи проаннотированы, имеется именной указатель, впервые выделен раздел «Омские издания Леонида Мартынова».

В 1984 г. вышел в свет ретроспективный указатель *«Писатели земли Омской»*,

один из разделов которого посвящён Л. Мартынову. По сравнению с упомянутым выше изданием, он имеет больший объём (свыше 1190 записей) и, следовательно, сложную структуру. Например, появились такие разделы, как «Произведения Л. Н. Мартынова на языках народов СССР», «Памяти Л. Н. Мартынова», «Библиографические источники» и другие. При отборе материала акцент был сделан на омских страницах биографии поэта. Следует упомянуть, что в архиве информационно-библиографического отдела сохранились письма Г. А. Суховой-Мартыновой, вдовы поэта, в которых она сообщает о произведениях Л. Мартынова на иностранных языках, его псевдонимах, публикациях в годы Великой Отечественной войны и другие сведения, интересовавшие составителя указателя Л. А. Пукшанскую. Отметим также, что биографические справки о Л. Мартынове и новая литература о нём включались в выпуски календаря «Знаменательные и памятные даты Омского Прииртышья» на 1985, 2005 и 2015 годы – юбилейные для поэта.

Интерес к личности и творчеству Л. Мартынова не утихает и в XXI веке, о чём свидетельствуют многочисленные материалы о нём в Интернете. Для того чтобы сориентировать читателя в самых разнообразных источниках, библиографы «Пушкинки» подготовили к 110-летию поэта путеводитель по информационным ресурсам *«Л. Н. Мартынов»*. Материал в нём структурирован по двум основным разделам. В первом – «Печатные издания ОГОНБ имени А. С. Пушкина» – представлены сведения о каталогах и картотеках «Пушкинки» и наиболее значимых изданиях из её фонда (библиографических указателях, а также справочниках, словарях, энциклопедиях, содержащих значительные справки о поэте). Вторая часть путеводителя – «Электронные ресурсы» – включает сведения об электронных каталогах и картотеках «Пушкинки» и крупнейших библиотек страны, о реферативно-библиографических ресурсах (БД «МАРС», БД ИНИОН по литературоведению и др.), о полнотекстовых электронных ресурсах (Интегрум, КиберЛенинка, Национальная электронная библиотека и т. д.), о виртуальных энциклопедиях и справочниках (Википедия, Лучшие русские поэты и стихи, Литературный Омск и т. п.), а также о справочно-энциклопедических изданиях на материальных носителях (CD ROM, DVD). Хронологический охват материала: 1936-2015 гг.

Важнейшим элементом краеведческой деятельности библиотеки является просветительская работа, направленная на популяризацию творческого наследия местных авторов. Как уже упоминалось, книжные выставки, литературные вечера, читательские конференции по творчеству Л. Мартынова проводились в «Пушкинке» при его жизни (с его участием) и после смерти поэта. Из череды мероприятий хотелось бы выделить монументальную книжную экспозицию «Каждый час на земле – это час твоего торжества», которой в 2005 г. открылись широкомасштабные юбилейные празднования в Омске, посвящённые 100-летию со дня рождения Л. Мартынова. На выставке посетители получили уникальную возможность ознакомиться с прижизненными публикациями поэта, прежде всего, созданными в омский период его творчества: книгами, статьями и заметками из губернской газеты «Рабочий путь» и омского журнала «Искусство». Также полномасштабно были представлены исследования творческого своеобразия поэзии Л. Мартынова, в том числе омских учёных. Более 500 документов (монографий, справочно-библиографических изданий, газетных и журнальных статей, материалов конференций и т. д.) были организованы в контексте летописи жизни и творчества поэта. Свое-

Книжно-иллюстративная выставка к 100-летию Л. Мартынова. Фото 2005 г.

Открытие «Мартыновских чтений-2005» в Пушкинской библиотеке. Выступает писатель М. Чудакова

образным ключом к выставке стала его знаменитая книга автобиографических новелл «Воздушные фрегаты». Украшением экспозиции явились работы омского художника А. Кудринцева, создавшего портрет поэта и иллюстрации к его произведениям. В местной печати отметили, что «выставка в полной мере даёт почувствовать уровень личности Л. Мартынова, масштаб его поэтического таланта».

Одной из главных составляющих краеведческой деятельности библиотеки является научно-исследовательская работа. Так, упомянутая выше книжная выставка к 100-летию Л. Мартынова стала крупным событием в культурной жизни Омска, благодаря значительному исследовательскому труду подготовивших её библиотекарей.

Ещё одним важным направлением научной деятельности библиотеки является организация мероприятий, приуроченных к юбилеям поэта. Речь идёт о Мартыновских чтениях, которые проводятся с 1983 года. Независимо от статуса и формы проведения (всероссийские чтения, часть научной конференции, юбилейный вечер, научно-практический семинар) библиотека предоставляла свои помещения для работы конференции, готовила книжные выставки, проводила встречи с читателями. Особенно масштабными были Первые и Третьи Мартыновские чтения. В 1983 г. в Омск приехали гости, из 26 городов СССР, среди которых представительная группа писателей. Чтения превратились в большой литературный праздник. В 2005 г. гостями конференции (и посетителями книжной выставки) стали известные в России деятели науки, преподаватели, журналисты, а также аспиранты и студенты омских вузов.

С 2000-х гг. Пушкинская библиотека не только выступала в качестве одного из организаторов чтений, но и стала их полноправным участником. В 2005 г., на Третьих Мартыновских чтениях, среди докладчиков были и сотрудники омской «Пушкинки»: Л. Г. Пономарёва (тема выступления «Л. Н. Мартынов и книжная культура рубежа XIX-XX веков: (культурные пристрастия поэта в «Воздушных фрегатах»)» и Е. И. Каткова (тема выступления «Л. М. Мартынов в культурном пространстве Омска: библиографический аспект»).

В 2010 г. на Четвёртых чтениях, прошедших в рамках Международной конференции «Авторское книготворчество в русской и зарубежной литературе: комплексный подход», живой интерес вызвал стендовый доклад Л. Г. Пономарёвой «Книги Л. Н. Мартынова военных лет».

Пятые Мартыновские чтения (2015 г.) прошли значительно скромнее – в форме научно-практического семинара. Сотрудник библиотеки Е. И. Каткова выступила перед собравшимися с сообщением «Путеводитель по информационным ресурсам. Леонид Мартынов».

Почти целый век поэтическое и прозаическое творчество Леонида Мартынова вызывает интерес у читателей и исследователей. Для омичей Леонид Николаевич дорог ещё и тем, что в этом городе он сформировался как личность и поэт, первым создал поэтический образ Омска, в дальнейшем проявлял искренний и активный интерес к истории родного края, оставил значительный след в его культурной жизни. Для нас, библиотекарей, Л. Н. Мартынов особенно привлекателен тем, что был страстным книгочеем, оказывал действенную помощь и был постоянным читателем «Пушкинки». Интерес к Л. Н. Мартынову (художнику и личности) не утихает и, следовательно, продолжается работа Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина по собиранию, хранению, исследованию и пропаганде творческого наследия выдающегося поэта и нашего земляка.

ТРУБАДУР БЕЛОЙ СТОЛИЦЫ

Елена Мачульская

В 1919 году в Омске молодой поэт Георгий Маслов воспевал знаменитую красавицу пушкинских времён Аврору Шернваль, фрейлину русского императорского двора, статс-даму, которую поэт Евгений Баратынский именовал «соименницей зари». А в Омском театре драмы по странному совпадению играли «Принцессу Грёзу» – спектакль по поэтической драме Эдмона Ростана, в основу которой легла история любви трубадура Джауфре Рюделя. Джауфре влюбился в графиню Триполитийскую и стал слагать песни, посвящённые ей, услышав от пилигримов о её красоте и добродетели... На поэму «Аврора» Георгия Маслова вдохновил портрет прекрасной дамы Авроры Карловны Демидовой работы Карла Брюллова, когда-то случайно увиденный в лавке букиниста на Литейном...

«Книжный мальчик» Георгий Маслов родился весной 1895 года в городе Моршанске Пензенской губернии в семье подпоручика Юхновского резервного батальона. Вскоре Масловы переехали в Симбирск. Георгий прекрасно учился и много читал. Гимназию он окончил с серебряной медалью. В 1913 молодой человек легко поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета и стал участником Пушкинского семинара, который вёл историк литературы Семён Венгеров.

Молодой человек «казалось, и жил только Пушкиным, и недалёк был от чувственного обмана: увидеть на площади или у набережной его самого. Дельвиг и Баратынский тоже стали для него ощутимы до физического чувства их стихов», – напишет о Георгии Маслове Юрий Тынянов.

Юноша из провинции, бывший по духу истинным петербуржцем, занимался изучением пушкинских стихов и сам писал стихи – сдержанные и строгие, восхищавшие всех своей сложной простотой, наполненные аристократизмом Северной Пальмиры. Молодой поэт своим творчеством сумел оживить красивую традицию пушкинских времён, которая казалась уже безвозвратно ушедшей:

О мой ямб, звонконогий мой конь,
Непокорный рабам Буцефал,
Я смогу укротить твой огонь, –
Я свободным и дерзостным стал!

Поэт Г. Маслов

Но в любимом Петербурге Георгию было суждено прожить всего четыре года, свой кандидатский труд о лицейских стихах Пушкина он так и не закончил.

Через несколько месяцев после Февральской революции Георгий и его супруга – юная поэтесса Елена Тагер, также увлечённая поэзией Пушкина, отправились в Симбирск, к родным Георгия – заниматься выборами в Учредительное собрание.

В Симбирске поэт вступил в Добровольческую армию, участвовал в организации добровольческих отрядов, осенью вместе с отступающими частями чехословацкого корпуса добрался до Омска и поступил рядовым в армию Колчака.

Творческая жизнь в Омске в первые десятилетия XX века не замирала ни на минуту. В Белую столицу Сибири съехались те, кто не принял Октябрьскую революцию. Здесь собралось много поэтов и писателей, среди них – Степан Кондурушкин, Сергей Ауслендер, Николай Олигер...

Георгий жил в убогом жилище на Каинской улице, которое, спустя годы, Леонид Мартынов назвал «нищей кельей аскета», расположившейся в «страшной, хотя и вполне аккуратной пустоте» полуподвала. Молодой поэт писал прекрасные и полные трагической обречённости стихи, оставшись верным единожды выбранному пути. Кстати, именно он назвал Омск «приютом благородных муз».

Пора стряхнуть с души усталость
Тоски и страха тяжкий груз,
Когда страна изгнанья стала
Приютом благородных муз.
Здесь вечно полон скифский кубок,
Поэтов – словно певчих птиц!
А сколько шелестящих юбок,
Дразнящих талий, тонких лиц!
От мира затворясь упрямо,
Как от безжалостной зимы,
Трагичный вызов Вальсингама,
Целуясь, повторяем мы...

Он выступал на вечерах в Гарнизонном собрании, его стихи охотно печатали в городских газетах. Георгий Маслов был настоящим трубадуром Белой столицы – поэтом и рыцарем, как исторические средневековые трубадуры, и вёл себя как рыцарь. Свою поэтическую хронику с символическим названием «Кольцо» – хронику безумия, в которое погрузилась страна, поэт продолжал публиковать, даже когда стало ясно, что кольцо трагических событий неотвратимо сжимается над страной, и надеяться было не на что. В своей новелле «Пушкинист и футурист» Леонид Мартынов вспоминал: «Я даже прямо сказал ему, что фронт, как известно, уже на Тоболе, все знают, что разговоры о взятии Москвы – вздор, и как бы ему, Георгию Маслову не пришлось задуматься о том, чтоб его кто-нибудь спасал... Он ответил, что именно теперь было бы для него бесчестьем спрятаться в нору и замолчать».

Он до конца сражался, как мог – словом. И писал, отшлифовывая каждую строку, свою изысканно-утончённую поэму «Аврора», посвящённую прекрасной даме – Авроре Демидовой (Шернваль). Судьба её складывалась трагично.

Первый её жених умер до свадьбы. Вскоре Аврора вышла замуж за графа Павла Демидова, но через четыре года осталась вдовой. Второй её брак с Андреем Карамзиным, сыном известного писателя, казалось бы, обещал Авроре счастье, но оно вновь не сбылось – в

1854 году Андрей Карамзин был убит на Крымской войне...

Желая увидеть свою далёкую любовь, провансальский трубадур Джауфре Рюдель отправился в Палестину, в дороге заболел и умер в Триполи на руках у своей возлюбленной. Судьба воспевавшего Аврору Шернваль поэта Георгия Маслова сложилась иначе, в то же время оказалась схожа с судьбой средневекового певца.

В декабре 1919 года войска Колчака оставили Омск. В дороге Георгий заболел сыпным тифом, и в Красноярске его сняли с поезда. Будучи смертельно больным, он остался верен своей далёкой любви, до последнего выправлял строки поэмы «Аврора», обессмертившей его имя.

...Я не забуду наши встречи,
Кудрей крутые завитки,
И беломраморные плечи,
И взгляд, исполненный тоски.
И под глазами роковыми,
Нежданной песнею горя,
Твержу пленительное имя,
Сияющее как заря.

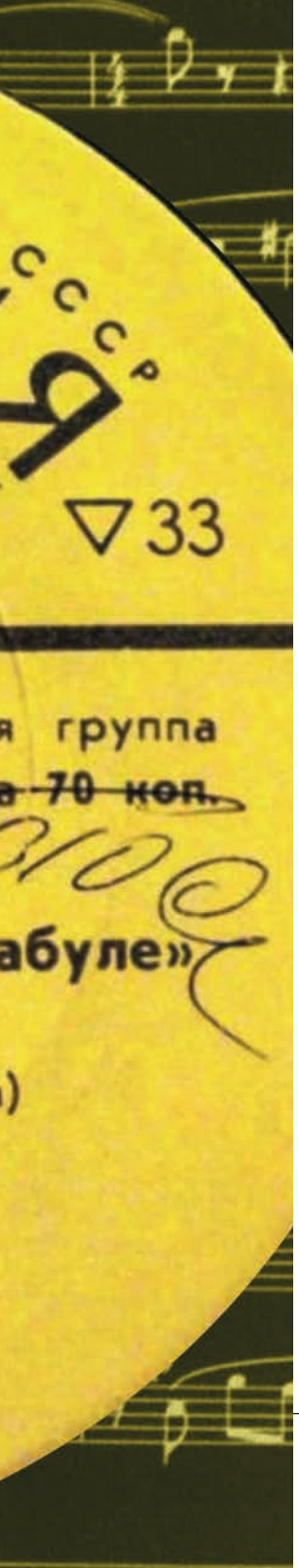

Карл Брюллов. Портрет А. К. Демидовой

Омск. Здание Гарнизонного собрания, где часто устраивались поэтические вечера

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ
МЕЛОДИЯ
СОЮЗНАЯ ФИРМА ГРАМПЛАСТИНОК
КИЙ ЗАВОД
Третья
Цен
«Миссия в К
В. Успенский)
(сл. Н. Олева
Дружба»
Саульского
ОРОГА
ВСКОГО

ВЛАДИСЛАВ УСПЕНСКИЙ: «БЫТЬ ДОБРЕЕ ДРУГ К ДРУГУ»

ФРАГМЕНТЫ РАДИОИНТЕРВЬЮ С КОМПОЗИТОРОМ

Валерий Мамиков

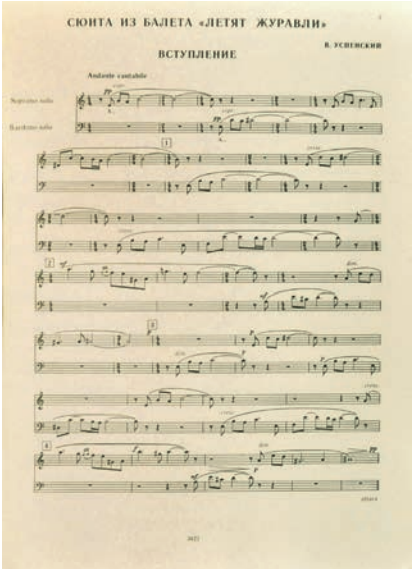

Мне кажется, что это было только вчера. Весной 2004 года я пригласил Владислава Александровича в студию радио «Мария» поговорить о жизни и творчестве; впрочем, эти два понятия были для него неразделимы. Как всегда он говорил искренне, с болью за всё, что происходит с нами. Эта запись была первой в цикле авторских литературно-музыкальных передач «Ковчег», которую я вёл четыре года на христианском радиоканале «Мария», но оказалась последней в его жизни.

Передача получилась большой, около часа, и была насыщена музыкой. А музыкальной заставкой «Ковчега» стал фрагмент из балета «Летят журавли». И вот в самом начале лета того же года талантливый композитор, автор музыки к балету «Летят журавли», а также множества других произведений ушёл от нас. А музыка осталась. И каждая моя новая передача о музыкантах и музыке на радио начиналась с его журавлей...

Владислав Александрович, расскажите о себе.

...Я родился в Омске, и аромат детства всегда меня окружает удивительным ореолом. Но главное – это воспитание в семье. Я родился если не в церкви, то, во всяком случае, почти – наш дом стоял буквально в тридцати метрах от Крестовоздви-

СЮИТА ИЗ БАЛЕТА «ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ»

В. УСПЕНСКИЙ

ВСТУПЛЕНИЕ

Andante cantabile

Партитура сюиты из балета «Летят журавли» В. Успенского

женского собора, и все мои родственники пели в хоре. Пел в хоре и я с трёх до семи лет, пока не пошёл в школу. Пение в хоре послужило своего рода аркой для меня, и я вот уже сейчас, в зрелом, скажу мягко, возрасте написал «Всенощную», «Литургию» и «Панихиду» – как будто Бог моей рукой водил по нотной бумаге. Эти сочинения исполнялись. Причём не только у нас, но, благодаря моему тезке Владиславу Александровичу Чернушенко, ещё в Англии и Америке. Я присутствовал на премьерах. Иностранные исполнители пели на чистейшем русском языке...

Духовность связывает всё человечество, вне зависимости от национальности и языковых барьеров. Если это настоящее, если написано сердцем и кровью, оно и является тем связующим звеном, которое объединяет людей.

... Моя судьба сложилась таким образом, что спустя два или три года после аспирантуры я стал самым молодым деканом огромного теоретико-композиторского факультета Ленинградской консерватории. Под моим началом находилось шесть кафедр. Особенно приятно, что произошло это не по указанию свыше, а по желанию профессоров, которые меня воспитывали. Это были уникальные люди – Друскин, Тигранов, Дмитриев, Богоявленский, Филенко, Михайлов, Тер-Мартиросян. Они сказали мне как-то на собрании: «Владик, мы решили, что ты будешь деканом». И я заплакал от неожиданности и испуга – я, их ученик, должен буду ими руководить, требовать с них отчёты. Конечно, они мне помогали... Вот так, с двадцати семи лет я стал деканом и прошёл по всей «служебной лестнице». Правда до директора я не дошёл, но до замдиректора дослужился, потому что преподавал все предметы и постепенно стал работать на кафедре композиции.

Пять лет я был деканом. В 1972 г. Андрей Павлович Петров пригласил меня стать его заместителем в Союзе композиторов. С тех пор мы с ним бок о бок «у руля», и наш коллектив композиторов и музыковедов помог выстоять в тяжёлые девяностые годы, когда все творческие союзы разваливались, делились и т. д. Нам удалось отстоять единство нашего Союза и не потерять ничего из того, что было накоплено. Все лучшие традиции, которые были заложены ещё Шостаковичем, Дунаевским, Соловьёвым-Седым, мы сохранили...

Что сегодня для Вас является самым важным, самым главным, что поддерживает в жизни, в творчестве, даёт Вам силы жить?

– Как говорят – если после сорока у вас ничего не болит, считайте, что вы умерли. У каждого из нас происходят какие-то катаклизмы со здоровьем, и я придумал такой маленький афоризм, что все мы перед Богом и болезнью равны. Поэтому стремление быть здоровым и что-то ещё сделать в жизни, пожалуй, это – то главное, что меня поддерживает.

Ещё очень важно, кто рядом с тобой. Со мной рядом моя жена, замечательный человек, исключительного таланта режиссёр и педагог, телевизионный режиссёр, проработавший около тридцати лет на телевидении, – Ирина Тайманова. Она помогает мне выстоять в трудные

минуты, поддерживает меня в сомнениях, помогает из них выйти и всегда радуется успехам. А главное, всё время вселяет в меня энергию, желание жить и убеждает в том, что я в этой жизни что-то сделал полезное и чем-то помог людям в силу своих скромных возможностей.

Так что, наверное, второй момент, который, как Вы сказали, поддерживает меня в жизни, кроме здоровья, это стремление сделать что-то полезное для людей, быть им нужным. Конечно, труд художника, композитора неосязаем. Но если люди разных поколений и социальных прослоек приходят на концерт и слушают твою музыку, то это, мне кажется, и есть главное, что поддерживает творческого человека.

Важно умение общаться с людьми вне зависимости от их социального положения. Для меня совершенно равны охранник какого-либо учреждения и его генеральный директор. Положение в обществе преходяще, а человек – понятие вечное. Быть человеком, стремиться к этому – тоже очень важный фактор, который должен каждого из нас поддерживать в жизни. И, наверное, всё время находиться в творчестве. Потому что самое трудное и самое печальное для композитора, а подчас и трагичное – не быть до конца востребованным. Сейчас каждый представитель моего поколения находится в таком положении, что просто писать музыку уже довольно сложно. Хочется писать по заказу – музыку к фильму, к спектаклю, сочинение для оркестра, для определённого коллектива. Это чрезвычайно важный для композитора момент, поэтому, повторяю, невостребованность композитора – это трагическая ситуация. Очень важно выстоять, не навязывая, не предлагая себя кому-то.

Приведу пример из своей биографии последних лет – постановка большого драматического мюзикла «Анна Каренина». В Финляндии спектакль был поставлен в 2000 году при финансовой поддержке Совета Европы, и он прошёл сто один раз за сезон – уникальное явление. Были вложены огромные средства, что позволило сделать спектакль по-настоящему мировой премьерой. А затем начались мытарства, связанные с постановкой в России. ... И всё-таки спектакль был поставлен в Петербурге и идёт с большим успехом.

Любовь к театральной музыке достаточно глубока во мне. Я участвовал в работе над спектаклями замечательных телевизионных режиссёров Владимира Геллера и Владимира Латышева. Телеспектакли, к которым я писал музыку – «Дождь», «Он пришёл в день поминовения», «Натали», «Белые ночи», – остаются моими любимыми. Наиболее значительные фильмы – «Крах инженера Гарина» (большой четырёхсерийный фильм), «Миссия в Кабуле», из него вышла песня «Снега России».

...Мне бы хотелось пожелать (всем слушателям), чтобы у них было основание быть добрее друг к другу. Жизнь достаточно жестока, и когда видишь улыбку на лицах незнакомых людей... их улыбка передаётся мне, и это замечательно. Наверное, это объединит всех нас и поможет в этом Ноевом ковчеге плыть и дальше. Я убеждён, что мы будем счастливы.

СИМФОНИЯ
«К СВЕТУ»
ДЛЯ СИМФОНИЧЕСКОГО ОРКЕСТРА
В. УСПЕНСКИЙ
I
Andante sostenuto
Flauto piccolo
2 Flauti
2 Oboi
2 Clarinetti (B)
2 Fagotti
Contrafagotto
4 Corni (F)
3 Trombe (B)
3 Tromboni
e
Tuba
Campane tubolari
Andante sostenuto
Violini I
Violini II
Viole
Violoncelli
Contrabassi

Партитура симфонии «К свету»

ВОСПОМИНАНИЯ О КОМПОЗИТОРЕ ВЛАДИСЛАВЕ УСПЕНСКОМ

Ирина Тайманова

Владислав Александрович Успенский – композитор, народный артист России, профессор Санкт-Петербургской консерватории, заместитель председателя Союза композиторов Санкт-Петербурга. Родился 7 сентября 1937 года в Омске. Окончил Ленинградскую консерваторию у Б. А. Арапова и аспирантуру у Д. Д. Шостаковича. Скончался в Петербурге в июне 2004 года на шестьдесят седьмом году жизни.

«НАЙДИ МЕНЯ...»

Название «Найди меня» – это образ песни Владислава Успенского на стихи Лидии Смоленской. В течение тридцати лет Эдита Пьеха, а вослед за ней и другие певцы, исполняют это произведение, вкладывая в него мечту о том, как найти себя в любви, творчестве, жизни...

Мальчик из Омска Владик Успенский искал себя всю жизнь – сначала в детстве ему в этом помогала мама – прекрасный человек Вера Павловна Успенская, известная в своём городе как певица и пианистка, работавшая в Омском радиокомитете. Она мечтала, чтобы её маленький сын, рано лишившийся отца – талантливого тромбониста, учившегося в Московской консерватории, тоже стал музыкантом. С детства обучала его игре на рояле, приучала к ежедневным упражнениям и этюдам.

Владик не был увлечён музыкой, и, чтобы не огорчать маму, прилежно «отсиживал» свои «рабочие часы» у пианино, но нередко поверх нот ставил интересную книжку, а в это время под пальцами рождались первые импровизации.

Маленький деревянный домик в Омске стоял близ Крестовоздвиженского собора. Дяди и тёти мальчика с материнской стороны были регентами на церковных службах. Владик Успенский буквально с трёх лет приучился слушать «Всенощные» и «Литургии». Неслучайно, спустя десятилетия, он сам напишет в девяностые годы XX века духовный триптих: «Всенощная», «Литургия», «Панихида». Эта музыка будет исполнена одним из лучших хоровых дирижёров – художественным руководителем Санкт-Петербургской капеллы, народным артистом СССР Владис-

лавом Чернушенко. А в зале на премьере будут присутствовать уникальные слушатели – народные артисты СССР Евгений Лебедев и Владислав Стржельчик, народная артистка России Валентина Толкунова, один из любимых учеников Владислава Успенского Игорь Корнелюк и композитор Игорь Резников. Слушатели встретят аплодисментами премьеру духовного сочинения композитора...

Интересно и то, что эти сочинения были исполнены в лучших соборах Петербурга – Казанском и Исаакиевском, дирижёрами – Владимиром Столповских и прекрасным молодым музыкантом Михаилом Голиковым, буквально открывшим для себя мир музыки композитора, с которым он даже не был знаком. Однако за последние пять лет его оркестр «Таврический» создал несколько авторских вечеров этого музыканта, а также неоднократно представлял его последнее сочинение «Анна Каренина». Знаменательно то, что прощание с Владиславом Успенским состоялось именно в том Казанском соборе, где впервые прозвучала его «Литургия». Совпадение или знак судьбы?

Я – в течение 45 лет ближайший друг, жена, а по профессии музыкант и режиссёр – была свидетелем того, что каждый раз музыка Владислава Успенского будто попадала в «лунку» души каждого слушателя! Практически все его премьеры завершались скандированными аплодисментами – была ли это опера «Интервенция» в Кировском – ныне Мариинском театре под руководством талантливейших дирижёров Симеонова и Федотова, или балет «Летят журавли» по сценарию знаменитого фильма в Малом оперном театре – ныне Михайловском театре, или его авторские вечера в переполненном четырёхтысячном Большом концертном зале «Октябрьский» с такими исполнителями, как Лариса Долина, Иосиф Кобзон, Эдита Пьеха, Эдуард Хиль, Ирина Понаровская, актёрами – Ириной Мирошниченко, Евгенией Симоновой, Николаем Караченцовым...

Знают ли жители родного ему Омска, как любили музыку Владислава Успенского не только в Ленинграде, ныне – Петербурге, но и в Москве, во Франции, Италии, Японии, на Кипре и в Перу, где он давал свои мастер – классы, а в Германии один из лучших издателей Сикорский ставил его сочинения наравне с лучшими композиторами XX-го века – Мессианом, Шнитке, Губайдуллиной, Щедриным. Очевидно, что композитор Владислав Успенский оказался любим и востребован исполнителями и слушателями. Вспомним, как это было.

Мальчик из Омска Владик Успенский «искал себя» в своём родном городе Омске, где ему повстречалась замечательная учительница Ольга Семёнова, давшая способному ученику первые уроки композиции. Спасибо ей за это! А затем Владик Успенский, закончивший школу с золотой медалью, понял, что ему интересно самому писать музыку.

Так случилось, что в шестнадцать лет мама привезла его на каникулы в Сочи, где отдыхал замечательный композитор Дмитрий Борисович Кабалевский, создавший немало талантливых произведений: оперы «Кола Брюньон», «Семья Тараса», много музыки к известным кинофильмам и театральным спектаклям. Он был удостоен множеством наград, но главной наградой было выявлять талантливых детей в разных концах страны и направлять их на путь музыки. Вера Павловна Успенская показала композитору сочинения своего сына, и Дмитрий Борисович тут же сказал: «Ему обязательно нужно учиться в Москве, у него большие способности, и я, конечно, дам ему рекомендательные письма!».

Казалось бы, это невероятное стечение обстоятельств. Поиск начинающим композитором Владиславом Успенским самого себя продолжился уже в шумной и гостеприимной Москве, где он – мальчик из Омска – сначала чувствовал себя «чужаком», но, поступив в Музыкальное училище им. М. М. Ипполитова-Иванова к азартному педагогу Фриду, влюблённому в современную музыку, он сразу почувствовал, что выбрал профессию композитора не зря. За два года, закончив с отличием обучение в Москве, он мог бы успешно работать в столице, где почти каждому «пришельцу», обладающему талантом, трудолюбием и творческой энергией удаётся войти в жизнь этого мегаполиса. Но волею судьбы Владислав оказался в Ленинграде, куда из Омска командировали его

отчима Георгия Павловича Ситникова – прекрасного человека и талантливого инженера.

Замечу, что отчим Георгий Павлович тоже очень любил музыку и участвовал как любитель в русском народном оркестре, а мама Вера Павловна продолжала работать пианисткой. У будущего композитора появились проблемы: после шумной и яркой Москвы, где он, казалось бы, уже нашёл своих учителей, друзей, пришлось привыкать к совершенно другому городу. Ленинград осенью показался ему неприветливым и сумрачным, по ночам семнадцатилетний Владик грустил по прежней жизни в Москве. Ленинградская государственная консерватория радостно и гостеприимно приняла талантливого юношу. На вступительных экзаменах он встретил своих будущих друзей, ставших позже яркими и интересными музыкантами, – Бориса Тищенко, Бориса Архимандритова, Георгия Фиртича, Эллу Фрадкину... Все они учились на одном курсе. Народный артист СССР, ректор консерватории и превосходный пианист Павел Серебряков, услышав сочинение Владислава Успенского «Зарисовки к поэме Гоголя «Мёртвые души»», тут же включил это произведение в свой репертуар, играл в лучших залах страны и записал на радио!

Когда я, спустя три года, поступила в консерваторию, то один из лучших студентов этого вуза Владислав Успенский – ленинский стипендиат – принимал у меня коллоквиум. Помню, как в течение сорока минут он задавал мне вопросы об искусстве и политике! С моими однокурсницами он беседовал значительно короче. Позже талантливый композитор рассказал мне, что увидел мою фотографию в Личном деле и решил держать «курс на любовь»! Я, правда, гордо ответила, что собираюсь идти своим собственным курсом, но, придя домой, включила радио и услышала: «Владислав Успенский «Зарисовки к поэме "Мёртвые души"», исполняет народный артист России Павел Серебряков»! Я была удивлена и восхищена тем, что музыку этого скромного юноши исполняет такой крупный мастер! А годом позже это произведение вошло в обязательный репертуар всех пианистов второго курса консерватории.

Так Владислав Успенский обрёл себя как музыкант и в Ленинграде. Он писал очень интересные и разные по жанру сочинения, был избран секретарём комсомольской организации сначала своего факультета, а затем и всей консерватории. Ах, сколько интересных дел он придумывал и организовывал! Вместе с талантливыми композиторами Сергеем Слонимским и Борисом Тищенко, музыковедом Сергеем Сигитовым они создали замечательный творческий клуб, куда приходили молодые и авангардные Михаил Шемякин и Иосиф Бродский, мы присутствовали на интересных выставках и слушали стихи поэтов - шестидесятников.

К нам приходила сама АННА АХМАТОВА с молодыми поэтами, которых она поддерживала. Это было интереснейшее время, когда по коридорам консерватории запросто ходили «титаны» двадцатого века – Евгений Мравинский, Мстислав Ростропович, Дмитрий Шостакович, на каждой кафедре работали подлинные Корифеи мирового искусства. А мы, студенты, не только впитывали это время «оттепели», увлекаясь стихами Евтушенко, Ахмадулиной, Вознесенского, Рождественского, но и слушали новую музыку, а также произведения композиторов, которые ещё недавно были под запретом, таких, как Рахманинов, Гречанинов, Стравинский, Барток, Малер...

Мы открывали для себя удивительный мир искусства, а Владислав Успенский (как настоящий лидер) продолжал искать себя ещё и в общественной жизни. Он являлся прекрасным руководителем молодёжи, одним из организаторов студенческого остроумного театра – капустника «Фантик», где мы позволяли себе шутить и смеяться над официальной жизнью, острить по поводу великих жанров искусства, даже сказочка «Волк и семеро козлят» могла стать поводом к яркому спектаклю, в котором мы воплощали в жанре оперы и балета, трагедии и комедии известный сюжет. На наши спектакли буквально «ломились» студенты из всех вузов, и, казалось, жизнь омича Владислава Успенского всегда будет яркой и насыщенной, но ... внезапно сгустились тучи!

«ТУЧКИНЫ ШТУЧКИ»

Это название вокального цикла Владислава Успенского на стихи Владимира Маяковского. Оно имеет прямое отношение к тому времени, когда успешному ленинскому стипендиату, ученику прекрасного педагога и композитора Бориса Арапова – потомка А. С. Пушкина – вновь пришлось искать себя, так как известные композиторы и педагоги Вадим Салманов и Орест Евлахов неожиданно начали буквально вредить творческому росту молодого композитора. В консерватории отмечался столетний юбилей, и я, тогда юная пианистка, будучи невестой молодого композитора, предложила ему написать ораторию на стихи молодого и дерзкого поэта Евгения Евтушенко. Владислав с удовольствием подхватил эту идею, а ректор консерватории Павел Серебряков, услышав музыку, решил исполнить её на главном юбилейном концерте в большом зале Филармонии с участием замечательных певцов – Ирины Богачёвой, Валерия Малышева, прекрасного дирижёра Елизаветы Кудрявцевой и консерваторского хора.

Премьера прошла прекрасно, зрители горячо приняли новое сочинение, но члены композиторской кафедры углядели черты карьеризма, так как одна из частей была посвящена отцу поэта, у которого на фронте пулей пробило партийный билет. Евгений Евтушенко писал эти стихи как исповедь о своём времени, о своём отце, но профессора кафедры композиции сочли, что секретарь комсомольской организации из карьерных побуждений ввёл эти стихи в ораторию.

Сегодня это кажется бредом, но талантливого композитора, в течение пяти лет являвшегося гордостью факультета и консерватории, стали буквально «шельмовать» как карьериста и вместо рекомендации в композиторскую аспирантуру предложили – в музыковедческую! Кроме того, при распределении внезапно посоветовали ехать ему в один из малых городов России. Почему?

Бывают интриги и среди педагогов, но мой будущий муж буквально плакал на моём хрупком плече, спрашивая меня, почему я посоветовала ему именно эти стихи? (А ведь этими стихами потом зачитывалась вся страна).

История юноши из Омска могла бы закончиться неожиданно и печально, так как слухи о его «карьеризме» начали распространяться с неслыханной быстротой. Педагоги будто забыли о его успехах, удачах, произведениях в разных жанрах! Их вдруг стала волновать только его общественная деятельность. Замечу, что Владислав, воспитанный в Омске в уважении к церкви, всегда обладавший нравственными ценностями, был так далёк от карьеризма, как жёны декабристов от народа. И тут вновь сыграл роль случай – Владисав Успенский время от времени показывал свои сочинения Дмитрию Борисовичу Кабалевскому, который направил его на композиторский путь.

Когда этот известный композитор приехал в Ленинград на премьеру «Реквиема» на стихи Роберта Рождественского, то он попросил у Владислава последние ноты и записи, а в Москве решил показать их своему соседу по площадке Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу.

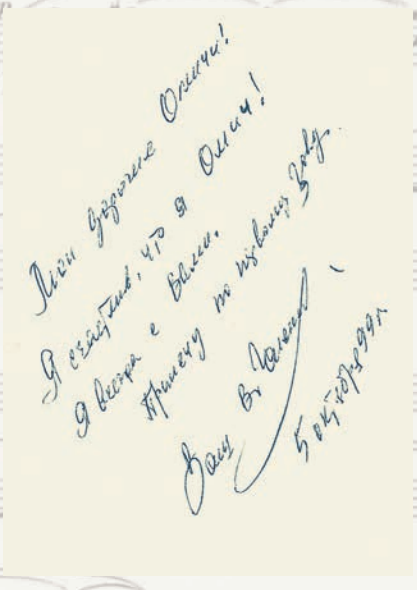
Это внезапно изменило ситуацию. «Легенда» русской музыки, удивительный и тонкий человек Дмитрий Дмитриевич Шостакович отправил телеграмму ректору консерватории: «Я познакомился с сочинениями молодого композитора Владислава Успенского, он очень талантлив, и я хотел бы, что бы он был в моём аспирантском классе. Если это будет соответствовать и его желанию, то буду рад».

Судьба Владислава решилась самым неожиданным образом, он стал одним из любимых учеников Дмитрия Дмитриевича и буквально «летал» от счастья, когда приходил на занятия. Сколько сочинений он написал за три года обучения! Это и «Концертино для тромбона», получившее первую премию на Всесоюзном конкурсе, и первый в Советском Союзе «Концерт для двух фортепиано с оркестром», написанный специально для прекрасного дуэта Любови Брук и Марка Тайманова (названного фирмой «Филипс» лучшим фортепианным дуэтом XX века). Владислав создал кантату на стихи Леонида Полея «Всегда человек» и оперу на сюжет

Карела Чапека «Война с саламандрами», которую посвятил учителю Дмитрию Шостаковичу, а мне посчастливилось ставить её в замечательном театре оперы и балета Уфы, где дирижёром и художественным руководителем был превосходный музыкант Валерий Руттер. Ах, какое это было счастье – ставить оперу-памфлет в таком неожиданном жанре! Тогда Дмитрий Дмитриевич Шостакович каждую неделю поддерживал нас своими телеграммами и глубокой верой в то, что эта одна из лучших опер двадцатого века, и мы сможем создать хороший спектакль.

У нас не было выхода! Мы обязаны были это сделать за двадцать четыре дня. Это была моя первая дипломная режиссёрская работа, которая позже была показана и в Волгограде, и на телефоруме в Москве, затем в родном театре оперы и балета Ленинградской консерватории, где зал стоя аплодировал премьере. Аплодисменты были неоценимой наградой этой работе. Затем последовали рецензии во всех главных журналах: «Театр», «Советская музыка», «Музыкальная жизнь», «Театральная жизнь», а также во многих газетах Уфы, Волгограда и Ленинграда.

Как современна сегодня эта опера, и как жаль, что о ней не знают режиссёры! Это и моя вина. Я поставила этот спектакль в конце восьмидесятых на телевидении Ленинграда с лучшими артистами наших оперных театров и получила подлинную творческую радость от этой новой версии. Ах, если бы сегодня в родном городе Владислава Успенского Омске вспомнили, что помимо выдающегося художника Михаила Врубеля, талантливого поэта Роберта Рождественского и других одарённых омичей есть ещё одно имя, заслуживающее внимания и благодарности города, его взрастившего! Владислав Успенский навсегда до последних дней жизни сохранил преданную любовь к своим учителям – Борису Арапову, удивительному Дмитрию Дмитриевичу Шостаковичу. Но даже его замечательные успехи в аспирантуре не сняли завистливого отношения к его творчеству нескольких музыкантов, которые ещё долгое время мешали его творческой дороге.

Автограф омичам на память от В. Успенского

«Я ДЕЛАЮ СЕБЕ КАРЬЕРУ ТЕМ, ЧТО НЕ ДЕЛАЮ ЕЁ!»

Эти слова Евгения Евтушенко из вокального цикла Владислава Успенского стали девизом молодого композитора. Несмотря на несомненные удачи: премьеру оперы «Интервенция» по пьесе Славина в Мариинском театре (тогда Кировском), многих камерных сочинений, талантливой музыки к кинофильмам, его в течение трёх лет не принимали в Союз ленинградских композиторов! Интересно, что позже он являлся на протяжении тридцати семи лет творческим заместителем и другом председателя Союза композиторов Андрея Петрова, который вначале всячески противился его приходу, а затем полюбил навсегда, горячо и искренне поздравлял его с каждой премьерой.

О Владиславе Успенском немало спорили, но, когда он вступил в Союз композиторов, то процитировал строки Евгения Евтушенко: «Я делаю себе карьеру тем, что не делаю её»!

Так, сложилось, что профессора консерватории – знаменитые теоретики Привано и Тер-Мартиросян попросили молодого композитора стать деканом этого факультета в возрасте двадцати шести лет. Несколько поколений с благодарностью и юмором вспоминают, как один из самых молодых деканов Советского Союза подсказывал им на вступительных экзаменах и помогал в творческой деятельности.

А сколько полезного он успел сделать в Союзе композиторов! Являясь творческим директором фестивалей «Музыкальная весна», «Брат и сестра», непременным участником множества конкурсов, где он был членом жюри, являлся председателем музыкального совета Санкт-Петербурга, профессором консерватории, воспитавшим целую плеяду ярких композиторов: Лору Квинт, Игоря Корнелюка, Евгения Иршаи. Его ученики возглавляют Союзы композиторов в разных городах и странах, достойно проявляют себя и зарубежные музыканты в Греции, на Кипре, в Перу, в Германии, в Америке.

Он оставил после себя огромный след благодарной памяти и любви слушателей. Сегодня, когда прошло уже более десяти лет с того дня, как Владислав Успенский ушёл из жизни, продолжает звучать его музыка. Прекрасный мюзикл «Анна Каренина» стал мировой премьерой в Финляндии, где прошёл сто один раз за один сезон! А позже в 2003 году, к юбилею Санкт-Петербурга, нам удалось поставить его и в родном городе, где музыка Успенского продолжает жить и сегодня. Уже более двадцати лет на петербургской сцене идёт мюзикл «Казанова в России», а совсем недавно юные артисты сыграли премьеру спектакля «Элиза» по пьесе Бернарда Шоу «Пигмалион».

Спустя несколько лет с момента ухода из жизни Владислава Успенского, по первому каналу прошёл фильм «Адъютанты любви» с его музыкальными темами. Я со слезами на глазах в течение месяца слушала эту музыку – лиричную и тонкую. А совсем недавно по каналу «Культура» демонстрировался фильм Леонида Квенихидзе «Крах инженера Гарина» с Олегом Борисовым в главной роли и яркой, запоминающейся музыкой Владислава Успенского. В Петербурге постоянно проходят творческие вечера. На фестивалях «Музыкальная весна» исполняется его музыка. В классах и залах консерватории звучат его произведения для тромбона и скрипки, для меццо сопрано и квартета. Совсем недавно молодые певцы Анна Золотова и Алан Старовойтов трогательно и убедительно исполнили один из лучших циклов Владислава Успенского «Два солнца стынут» на стихи Марины Цветаевой и Бориса Пастернака.

Из разных стран мне пишут письма с вопросами о Владиславе Успенском, а молодые музыковеды защищают диссертации о духовной музыке и о мюзиклах композитора, то есть его произведения продолжают жить и остаются востребованными новыми поколениями слушателей и музыкантов!

В чём же секрет дарования, таланта Владислава Успенского? Прежде всего, его произведения узнаваемы. Владиславу Успенскому удалось обрести свой собственный мелодизм, присущий именно его индивидуальности, и, как не странно, он вводил мелодизм в авангардные сочинения, умел в современной музыке объединять доступное с элитарным. Он много экспериментировал, изучая музыку авангардистов. Так, он написал «Абзацы для препарированного рояля», где применил современные приёмы, предав роялю клавесинное звучание, а также использовал струны и деку этого королевского инструмента как аналог ударных. Музыканты, интересовавшиеся новыми приёмами, были удовлетворенны, а секретарь Обкома КПСС товарищ Толстиков, выступив с высокой трибуны, обвинил молодого декана в том, что он положил внутрь рояля бумагу и колокольчики. Владислава Успенского едва не уволили с поста декана, и только вмешательство ректора консерватории спасло его творческую судьбу. Позднее композитор не раз использовал приёмы современного письма в таких сочинениям, как «Музыка для скрипки и камерного оркестра», в замечательном «Квартете», в «Симфонии памяти матери». Но это не мешало писать ему яркую вокальную музыку для солистов и хоров, и поэтому так востребованы его литургические и камерные сочинения – они полны искренней, глубокой, мелодичной

На открытии книжной выставки «Сибирь моё отечество» в Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург)

музыки, на которую откликаются сердца слушателей.

По складу своего дарования Владислав Успенский лирик, его музыка обращается к слушателю «от первого лица», чему способствуют его прирождённый талант драматурга и мелодический дар. Профессионал, владеющий всем арсеналом современной композиторской техники, он смело соединял разные жанры, добиваясь остроты симфонического развития с помощью своеобразного монтажа, соединял приёмы киномузыки, а помпезной оратории придавал лирико-драматическую окраску, любил эксперименты и одновременно отдавал дань традиции. Кроме того, Владислав Успенский – необычайно театральный композитор, ярко проявивший себя в музыке к спектаклям Маяковского, Гоголя, Толстого, Жоржа Сименона. При этом пронзительно лиричен в своём обращении к творчеству Бунина.

Как сочеталось в нём умение написать мощный триптих в жанре церковной православной музыки, создавать и острые экспериментальные сочинения, и удивительно лиричные, а порой и публицистические песни-новеллы. Его вокальные произведения исполняли и театральные актёры: Ирина Мирошниченко, Евгения Симонова, Эра Зиганшина, и прославленные артисты эстрады Иосиф Кобзон, Элита Пьеха, Лариса Долина, Эдуард Хиль.

Владислав Успенский не был обделён успехом, но каждый раз выходил на сцену скромно и застенчиво, будто не имел прямого отношения к исполнению музыкальных произведений. Ему было чуждо самолюбование, но в жизни этот человек умел любоваться другими – всегда быть внимательным к друзьям и коллегам. Интересно и то, что скромный юноша из Омска, выросший в семье без большого достатка, сумел в жизни и творчестве стать образцом стильности и элегантности. Он любил красиво одеваться и с удовольствием за границей подбирал цветовую гамму и детали для своего образа. Но это было не легкомысленное увлечение одеждой, а поиск собственного стиля, собственной индивидуальности.

Говорят, человек – это стиль. Владислав Успенский сохранил свой стиль и в творчестве, и в жизни. Если вспомнить знаменитую чеховскую цитату «В челове-

ке всё должно быть прекрасно: и лицо, и душа, и одежда, и мысли», то он соответствовал этому определению во всём.

Город Омск по праву может гордиться своим соотечественником. Его произведения исполняли многие выдающиеся музыканты мира, его музыка звучала в лучших залах Европы и Азии, о нём с уважением вспоминают ученики, коллеги. Я – режиссёр, журналист, музыкант, снявшая на телевидении концерты, где исполнялись все его произведения, сыгравшая на рояле его фортепьянные сочинения, поставившая на сцене его спектакли, считаю, что настоящий успех и признание его музыки ещё впереди!

Один из классиков современной музыки, народный артист России Сергей Слонимский недавно написал о Владиславе Успенском прекрасную аналитическую статью и посвятил ему своё произведение, а другой замечательный музыкант Борис Тищенко, незадолго до своего ухода из жизни, на мой вопрос: «Нужна ли сегодня музыка Владислава Успенского?», повернувшись ко мне, почти яростно сказал: «Его музыка будет нужна всегда! Она глубокая, чистая и высоко профессиональная. А уж какие у него лирические темы – это мало кто забудет!..». Сегодня уже нет в живых Бориса Тищенко, но я никогда не забуду страстный монолог друга и коллеги Владислава Александровича, в котором заключено подлинное признание его личности и таланта.

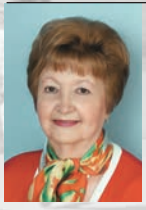
Пока я могу, буду делать всё, чтобы эта музыка звучала – в спектаклях и концертах, по радио и на телевидении. Надеюсь, что в его родном городе Омске об этом человеке тоже помнят и тем самым продлевают его творческую жизнь...

P.S. Среди многих замечательных мест Петербурга есть мемориальный музей под открытым небом – «Литераторские мостки». Там нашли свой последний приют Радищев, Тургенев, Гончаров, Гаршин и другие известные писатели, артисты, художники, режиссёры, учёные, знаменитые юристы, политики. И совсем рядом – имена музыкантов: Ильи Мусина, воспитавшего лучших дирижёров России, Карла Элиасберга, оставившего след в истории (он дирижировал оркестром, исполнившим Седьмую симфонию Д. Д. Шостаковича в блокадном Ленинграде), прекрасных певцов – Галины Ковалёвой, Бориса Штоколова, композиторов Валерия Гаврилина, Исаака Шварца, Андрея Петрова, Владислава Успенского. Память о них поддерживает и тех, кто приходит сюда, чтобы помнить...

Памятный вечер, концерт, посвящённый Народному артисту России, композитору Владиславу Успенскому. Малый зал имени М. И. Глинки Санкт-Петербургской Академической Филармонии. Октябрь, 2012 г.

ТЕАТРА СТРАСТНОЕ ДЫХАНИЕ

Алла Далматова

Театр в России не может пропасть никогда в никуда. Он приносит подлинную радость.

Хотя это тоже вечный бой. Актёры выходят на сцену, чтобы быть победителями, а зрители приходят на спектакли, чтобы быть побеждёнными, но для тех и других это удовольствие несказанное! Искусство целебно, оно приносит душевное здоровье. Оно – волшебство и лекарство!

А сколько в нашем театральном городе таких победителей и ещё больше побеждённых...

Я не помню самого первого спектакля, на который меня повели родители, брат уверял, на какую-то сказку, поставленную вахтанговским Н. Охлопковым, но сила притяжения, жар увлечения театром остались с детских лет на всю жизнь.

Как нашему городу везло с театральным искусством!

Архитектор Илиодор Хворинов и скульптор Франтишек Винклер создали одно из лучших творений Европы (это без преувеличения) – наш театр драмы, как будто были уверены, что это будет настоящий театр талантов и поклонников. И он стал и остаётся таким. Даже в самые тяжёлые военные годы он был полон.

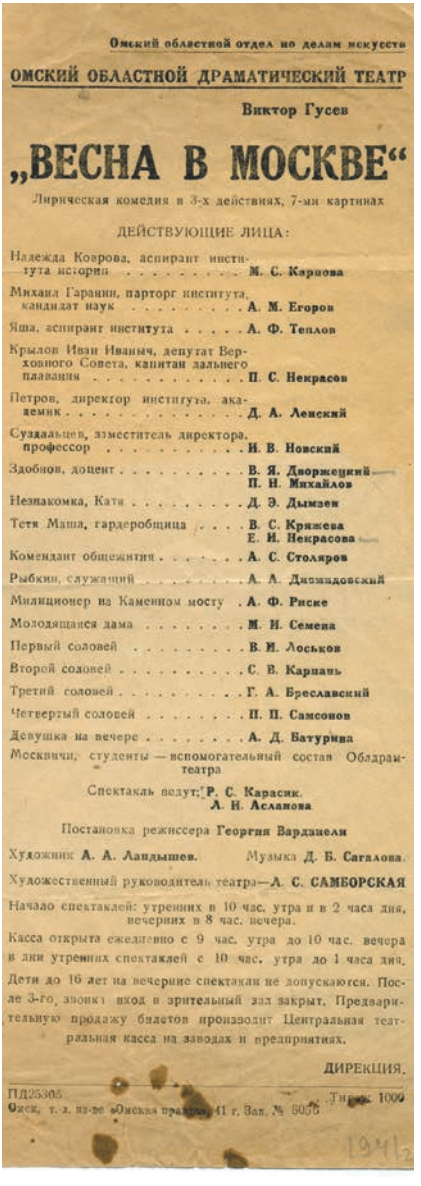
Это была та духовная пища, которая могла накормить полуголодных людей, возвратить хотя бы на короткое время к нормальному режиму жизни. Театр творил чудеса над людьми. И надо же было так случиться, что в 1941 году в Омск был эвакуирован один из лучших театров страны – Московский драматический театр им. Евгения Вахтангова. В те годы не было телевидения, рекламы, а имена

прекрасных вахтанговских актёров были на устах омичей: Вахтангов, Охлопков, Дикий, Мансурова, Абрикосов, Жаров, Целиковская, Симонов.

В нашем доме жили Дикий и Мансурова. Позже, – Михаил Александрович Ульянов, ставший великим вахтанговцем и художественным руководителем театра. Я помню, как легко и величаво ходила Цецилия Мансурова – первая Турандот, слава вахтанговского театра, а мы, дети, старались подражать её походке. Этажом выше нас жил главный администратор театра, и мой брат со своим верным другом Борисом Мажбичем, тогда ещё школьники старших классов, бегали очень часто в театр по контрамаркам. Будучи профессорами, они вспоминали, что спектакль «Сирано де Бержерак» Э. Ростана смотрели 13 раз. Как шутил мой брат: «Переплюнули самого Сталина, который смотрел спектакль «Дни Турбиных» всего только 11 раз».

В нашей квартире жила семья профессора Е. И. Кватера, зам. кафедрой акушерства и гинекологии эвакуированного Первого московского медицинского института. Они, как москвичи, знали и обожали этот театр, и я помню, как с моими родителями, не так часто как брат, ходили на спектакли «Фронт», «Олеко Дундич», а потом долго вспоминали и восхищались режиссурой и игрой актёров. Несколько позже, наверное, в начале 50-х к нам в город с гастролями приезжал народный артист СССР, знаменитый вахтанговец Дмитрий Николаевич Журавлёв. В московском доме Анны Андреевны Ахматовой на Большой Ордынке, в семье писателя В. Е. Ардова Дмитрий Николаевич слыл обаятельным и восторженным человеком. Это был потрясающий художественный чтец!

В гостелерадиофонде хранятся более 150 записей литературных произведений в его исполнении. Папа пригласил Дмитрия Николаевича к нам в гости, так как хорошо был знаком с его братом. За столом кто-то скромно попросил его почитать. Дмитрий Николаевич тут же согласился и читал Пушкина. Мы уже были на его концерте, но домашнее восприятие было особенным, от восторга захватывало дух. «Заядлыми» театралами были профессора: М. К. Далматов, Н. Д. Либеров,

Омский областной отдел по делам искусств

ОМСКИЙ ОБЛАСТНОЙ ДРАМАТИЧЕСКИЙ ТЕАТР

Виктор Гусев

„ВЕСНА В МОСКВЕ"

Лирическая комедия в 3-х действиях, 7-ми картинах

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Надежда Коврова, аспирант института истории . . . . . М. С. Карпова
Михаил Гаранин, парторг института, кандидат наук . . . . . А. М. Егоров
Яша, аспирант института . . . . . А. Ф. Теплов
Крылов Иван Иванович, депутат Верховного Совета, капитан дальнего плавания . . . . . П. С. Некрасов
Петров, директор института, академик . . . . . Д. А. Ленский
Суздальцев, заместитель директора, профессор . . . . . И. В. Новский
Здобнов, доцент . . . . . В. Я. Дворжецкий / П. Н. Михайлов
Незнакомка, Катя . . . . . Д. Э. Дымзен
Тетя Маша, гардеробщица . . . . В. С. Кряжева / Е. Н. Некрасова
Комендант общежития . . . . . А. С. Столяров
Рыбкин, служащий . . . . . А. А. Диомидовский
Милиционер на Каменном мосту . А. Ф. Риске
Молодящаяся дама . . . . . М. И. Семена
Первый соловей . . . . . В. И. Лоськов
Второй соловей . . . . . С. В. Карпань
Третий соловей . . . . . Г. А. Бреславский
Четвертый соловей . . . . . П. П. Самсонов
Девушка на вечере . . . . . А. Д. Батурина
Москвичи, студенты — вспомогательный состав Облдрамтеатра

Спектакль ведут: Р. С. Карасик, А. Н. Асланова

Постановка режиссера Георгия Вардзелли

Художник А. А. Ландышев. Музыка Д. Б. Кабалевского

Художественный руководитель театра — А. С. САМБОРСКАЯ

Начало спектаклей: утренних в 10 час. утра и в 2 часа дня, вечерних в 8 час. вечера.

Касса открыта ежедневно с 9 час. утра до 10 час. вечера в дни утренних спектаклей с 10 час. утра до 1 часа дня.

Дети до 16 лет на вечерние спектакли не допускаются. После 3-го звонка вход в зрительный зал закрыт. Предварительную продажу билетов производит Центральная театральная касса на заводах и предприятиях.

ДИРЕКЦИЯ.

ПД25305 Тираж 1000
Омск, т. з. им-ве «Омская правда», 41 г. Зак. № 8035

Программа к спектаклю «Весна в Москве» Омского областного драматического театра. Из архива Омского отделения СТД РФ. Музей театрального искусства. Омск

Р. М. Ахрем-Ахремович, И. Б. Мажбич, Я. Л. Виккер, В. Г. Елисеев, Н. А. Паутов, М. С. Рабинович, О. Д. Соколова-Пономарёва.

Почти все жили в нашем доме на улице Ленина, 8 и прямо во дворе устраивали «художественные советы», а позже папа и Марк Соломонович Рабинович стали от интеллигенции города членами художественного совета двух театров – драматического и музыкальной комедии.

Омская медицина, её научная среда, всегда активно участвовала в театральной жизни, что, конечно, оказало влияние на преемственность поколений. Дружеские связи всегда сохранялись между медициной и искусством. Дружили бескорыстно. Просто были интересны друг другу. Похорошему спорили, увлекались рыбалкой, охотой, поэзией, музыкой. Если уж кто-то заболевал, то вдумчиво лечили. Наш друг, доцент-стоматолог Анатолий Николаевич Косачёв, в семье у нас звался просто Толик, так обожал оперу, что когда приезжали на летние гастроли Пермский или Свердловский оперные театры, гастролировали в закрытом летнем театре городского сада с превосходной акустикой, он слушал все оперы и знал многие партии наизусть. Драму тоже любил, но оперу обожал!

Анатолий Николаевич был знаком с Д. Д. Шостаковичем, бывал у него в гостях. Думаю, ему было о чём поговорить с Дмитрием Дмитриевичем. А когда его жене Руфине стало трудно ночами дежурить в родильном доме, он настоял, чтобы она перешла работать в здравпункт музыкального театра, тем самым связав свою семью с музыкой.

В мои студенческие годы, посещая театры, мы обязательно встречали когонибудь из преподавателей медицинского института, чаще: Г. И. Алхутову, А. А. Летучих, Т. В. Путалову, семью Пандиковых, Савченко, Полуэктовых, Шифриных, Виккер, Н. А. Жукова – нашего любимого куратора группы. Обязательно на практических занятиях каждый из них находил несколько минуточек поделиться впечатлением о спектакле. Нашу группу по госпитальной терапии вёл тогда, будучи доцентом Николай Александрович Жуков. Он недавно приехал из Москвы и был полон столичными воспоминаниями о театрах, музеях, выставках, особенно авангардистских, и с удовольствием делился своими впечатлениями с нами. Всегда его рассказы были очень увлекательны и эмоциональны.

Когда открыли концертный зал, позже Дом Актёра и Органный зал, творческих коллективов в городе приумножилось. Блестящий симфонический оркестр, которым дирижировал сам великий маэстро М. Л. Растропович. Как часто на концертах я встречала наших прекрасных докторов – доцента Б. И. Шкловскую, профессора Г. Б. Безнощенко и недавно ушедшего из жизни профессора Анатолия Николаевича Горячева с супругой Валентиной Михайловной. Как Анатолий Михайлович любил и театр, и симфоническую музыку, и живопись!

После многочасовых, сложнейших хирургических операций надо было восстанавливаться. Ему помогало в этом искусство. Помню, бегу по улице Ленина, холод, метель, никого не вижу. Вдруг кто-то меня берёт за руку. Поднимаю глаза – Анатолий Николаевич! «Ой, здравствуйте!». И сразу его вопрос: «Что нового в культурной жизни?». И мы с ним заходим в Любинский магазин, обмениваемся театрально-концертно-музейными новостями. Я к Анатолию Николаевичу относилась с глубоким почтением. Высокий уровень профессионального мастерства поддерживался его влюблённостью в искусство. К сожалению, рано он ушёл из жизни.

А сколько весёлых капустников, творческих вечеров актёров радовали зрителя на сцене Дома Актёра. В один из вечеров из зала на сцену попросили подняться Ю. Н. Савченко, А. Н. Косачёва и заслуженного зрителя г. Омска Д. М. Далматова. Медицина совсем даже не оробела и шутила, и подыгрывала профессиональным артистам в неожиданных импровизациях.

Годы идут, «взрослеют» наши закалённые театралы – ветераны-медики. На смену приходят их дети, внуки, ученики, которые ходят на спектакли, концерты не только своих театров, но на лучшие спектакли мира, которые демонстрировались в нашем городе на фестивале «Академия» дважды. Но это уже другая страница из жизни театра и его зрителей.

ВОСПОМИНАНИЯ О ВАЦЛАВЕ ЯНОВИЧЕ ДВОРЖЕЦКОМ

На Руси часто слышишь выражение – по велению судьбы! Так это или не так – каждый судит посвоему. Но то, что Омское драматическое искусство давным-давно вышло за рамки провинциального – это точно. Омской драме судьба дарила отличных режиссёров, художников, актёров и даже директоров. Когда-то уважаемый в городе, любимый театром директор, Мигдат Нурдинович Ханжаров писал: «Омский академический театр драмы является в равной степени как актёрским, так и режиссёрским. Не одно поколение прекрасных актёров и режиссёров подтвердило это своими Судьбами». С этим невозможно не согласиться. Я помню впечатления о многих спектаклях театра и его актёрах.

Одним из наиболее ярких актёров был Вацлав Янович Дворжецкий. Актёр, о которых говорят, «Божьей милостью!». Высокий, стройный, красивый, разный во всех спектаклях, даже до внешней неузнаваемости! Хорошо помню, что с трудом его узнала в «Коварстве и любви» Шиллера, где он играл Вурма. Наверное, году 1952-ом папа меня познакомил с Дворжецким. Мы встретились с ним около театра. Вацлав Янович возвращался с парусной регаты, был в белом костюме, на голове белый берет с якорем – настоящий яхтсмен! Очень нежно мне, девочке, пожал руку и стал нам с папой рассказывать про свои плавания по Иртышу.

Я уже знала, что он лихо по городу гонял на мотоцикле, а, оказывается, ещё и занимался парусным спортом! «Не только прекрасный актёр, но и смелый человек, "романтик"», – подумала я тогда. Чтобы написать небольшой очерк о Дворжецком, я обратилась к Светлане Васильевне Яневской (завлит театра в 1965-1973 гг.), заслуженному работнику культуры России и прекрасной писательнице, автору многих книг об актёрах наших театров.

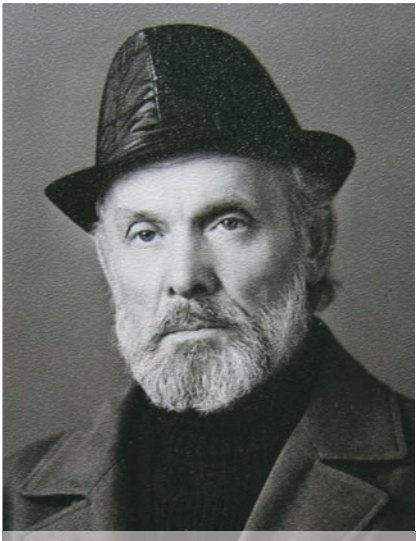
Из книги-альбома «Омский драматический. От истоков» (Омск, 2004), издание которой было подготовлено к 130-летию театра, я многое узнала о биографии Дворжецкого.

Его сценическая биография началась в лагерном театре, а продолжалась после освобождения в Омском ТЮЗе, где он работал актёром и режиссёром, затем в Таганрогском драматическом театре.

В сентябре 1941 г. художественный руководитель Омского областного драматического театра Л. С. Самборская пригласила Дворжецкого в труппу. Здесь он работал до декабря 1941 года. Его первая роль в Омском театре – Севастьянов в спектакле «Парень из нашего города» К. Симонова. В декабре

Вацлав Янович Дворжецкий (3.08.1910-12.041993) - актёр театра и кино, режиссёр, народный артист России (1991). Родился в Киеве в семье потомственных дворян. Будучи студентом политехнического института, в 1929 году окончил театральную студию при польском театре в Киеве. Как участник кружка «ГОЛ» (группа освобождения личности) был осуждён и с 1929 г. по 1937 г. находился в лагерях на строительстве железной дороги Пинюга-Сыктывкар, Беломорско-Балтийского канала, Туломской гидроэлектростанции, рудниках Вайгач. В книге «Пути больших этапов», вышедшей в Нижнем Новгороде уже после смерти в 1994 году, Вацлав Янович рассказывает о своих скитаниях, о мире лагерей, изоляторов. В самых жутких условиях его актёрская природа, творчество помогали выжить и оставаться человеком.

В. Я. Дворжецкий

1941 года за нарушение паспортного режима и «пораженческие настроения» вновь арестован. В ОЛП-2, лагере под Омском, он организовал концертную бригаду и стал заниматься любимым делом в неволе. Его звали в лагере «Дядя Клим» (по концертному номеру). «Дядя Клим» был не только популярным актёром, но и защитником, символом справедливости.

В декабре 1945 года, после второго своего освобождения, Дворжецкий вернулся в Омский драматический театр и до 1955 года был ведущим актёром. Самые значительные роли: Вронский и Каренин в спектакле «Анна Каренина» по роману Л. Н. Толстого, Чацкий в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, Харди – «Русский вопрос» К. Симонова, Рощин – «Родина» по роману А. Н. Толстого «Хождение по мукам», Великатов – «Таланты и поклонники» А. Н. Островского, Владимир – «Дубровский» по повести А. С. Пушкина и много других.

Дворжецкий поражал игрой психологических контрастов. После Омска работал в драматических театрах Саратова, Нижнего Новгорода, в Московском театре «Современник».

С 1965 года снимался в кино, сыграл около 90 ролей. Наиболее крупные: «Щит и меч», «Красное и чёрное», «Любавины», «Забытая мелодия для флейты», «Где-то плачет иволга», «Успех», «Вы чьё, старичьё?». В 1991 году ему присвоили звание «Народный артист РСФСР», а в 1992 году В. Я. Дворжецкий был реабилитирован.

Да, лихого времени на Руси было в достатке. На долю Вацлава Яновича пришлось такое, что в страшном сне не приснится. Но репрессии не сломили его. Талантливый человек остаётся талантливым во всём, и круг интересов Вацлава Яновича был настолько широк, что удивляешься, как его на всё хватало. Например: загоревшись парусом, решил сам построить судно. Не просто лодочку, а катамаран. Для этого надо было изучить соответствующую литературу, разработать чертежи. Строил в мастерских театра. Отработав своё, эта лодка перестала его удовлетворять, и он покупает настоящую яхту, только в неходовом состоянии и доводит её до отличного состояния. Своим участием в спортивной жизни небольшого тогда коллектива яхтсменов Омска заслуживал их уважение, избирался председателем городской федерации парусного спорта. В 1953 году В. Я. Дворжецкий получил удостоверение яхтсмена, выданного Омским городским отделом по физической культуре и спорту, а в 1954 году ему присвоили звание яхтенного капитана речного плавания.

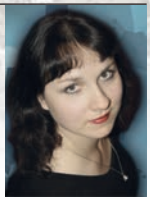
В г. Горьком он увлёкся подводным плаванием и стал инструктором для начинающих пловцов. А парус с яхты, который он увёз из Омска в г. Горький, ему пригодился для очень благих целей. Как всё-таки пересекаются судьбы известных и почитаемых людей! Когда Нижегородское отделение «Мемориал» отдавало дань уважения памяти академика А. Д. Сахарова, местным художникам потребовался холст для портрета Андрея Дмитриевича, и Вацлав Янович отдал свой парус, решив, что лучшего применения ему не найти. В Омском театре драмы есть такая традиция: в торжественные дни поднимать тост, он называется 17-й тост – «за Омский драматический». И сегодня мне, как Почётному зрителю Академического театра драмы, позвольте поднять тост: «За Народного артиста России Вацлава Яновича Дворжецкого».

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

КНИЖНОЕ НАСЛЕДИЕ М. К. ЮРАСОВОЙ

Наталья Елизарова

Комната, напоминающая читальный зал библиотеки: наступающие со всех сторон стеллажи, огромный письменный стол... Чего только на нём нет! И старые газетные вырезки, и пожелтевшие письма с истрёпанными краями, расплывшимися чернильными строчками, и тусклые фотографические карточки, и рукописи, изборождённые многочисленными исправлениями, и обрывки бумаг с торопливыми, прыгающими и абсолютно нечитаемыми буквами, и книги с карандашными пометками на полях и спрятавшимися меж страниц закладками: календариками, где красными цифрами выведены парадные даты праздников, которые давно уже никто не отмечает, трамвайными билетами по смехотворно смешной цене, конвертами с почтовыми марками несуществующей страны...

Если в такую комнату попадёт посторонний, то он, скорее всего, ничего не увидит, кроме груды мусора. «Кому нужны все эти бумажки? – недоумённо пожав плечами, спросит он. – Как можно жить в такой захламлённой квартире?»... Но если туда заглянет историк-краевед, то открывшаяся его взору картина будет подобна волшебной пещере из сказки про Али-Бабу, полной несметных сокровищ...

Хозяйкой таких вот богатств была Мария Климентьевна Юрасова. Но в отличие от сказочного героя, отпиравшего пещеру с помощью таинственного магического заклинания, её паролем было только собственное трудолюбие. Мария Юрасова была неутомима в поисках нового материала для своих книг. Её писательская одиссея не ограничивалась походами по библиотекам и архивам. Нужные ей сведения она черпала во время многочисленных экспедиций и командировок, в разговорах с самыми разными людьми... Учёные, инженеры, рыбаки, метеорологи,

М. К. Юрасова

механики, лесничие, штурманы... – с кем только не сводила её жизнь.

Жизнь Марии Юрасовой была долгой и плодотворной. Когда смотришь на фотографию Марии Климентьевны, вглядываешься в её умные, грустные, много повидавшие глаза, понимаешь – перед тобой человек со сложной судьбой. В ней было всё: и боль, и война, и тяжёлые личные потери... Но было и радостное осознание того, что жить и работать довелось в счастливую эпоху грандиозных и великих свершений. Как большинство советских людей, она искренне верила, что живёт в самой лучшей в мире стране, – одержавшей Победу в Великой Отечественной войне, отправившей первого человека в космос, имевшей самую мощную армию, самых сильных спортсменов, самых талантливых учёных, – и воспевала в своих произведениях её города, её заводы и фабрики, её людей – борцов за светлое будущее, строителей коммунизма... Сейчас, когда коренным образом изменилась социально-экономическая структура российского общества и стали другими идеологические ориентиры государства, книги Марии Юрасовой могут показаться неактуальными, идеологически «зашлакованными». И это справедливо: все её произведения – продукт своего времени. Но именно благодаря этому обстоятельству, они способны дать читателю возможность переосмыслить историю, обнаружить связь прошлого с настоящим, найти черты сходства между тем, что было, и тем, что стало.

...Перелистывая страницы многочисленных книг Марии Юрасовой («Тара» (1945 г.), «Герой Советского Союза генерал-майор Гуртьев» (1946 г.), «Из истории советского Омска» (1951 г.), «Жизнь на сцене» (1952 г.), «Город над Иртышом» (1953 г.), «Очерки истории Омска» (1954 г.), «Путь реки» (1958 г.), «Города Омской области» (1959 г.), «На берегах Иртыша» (1959 г.), «Омск» (1966 г.), «Очерки о Среднем Прииртышье и Тюменская область» (1971 г.), «Если ты хочешь жить» (1980 г.), «По соседству с нами» (1985 г.), «Ключ златой» (1988 г.) и др.), ловишь себя на мысли, что очень трудно однозначно определить её литературное амплуа. Вне всякого сомнения, Мария Юрасова уверенно держалась в «фарватере» советской идеологической концепции, но язык не повернётся назвать её книги заказными политическими агитками: они проникнуты подлинной любовью к истории своей страны и родного края. Характерной чертой произведений М. К. Юрасовой является яркий, сочный, метафоричный язык, в котором попеременно то звучат уверенные и категоричные ноты, срывающиеся не то с трибуны, не то несущиеся стремительной лавиной из рупора, то – нежные, поэтически возвышенные, «нашёптывающие» интонации. Юрасова – прекрасный пейзажист; этюды, созданные ею, написаны сильной, энергичной рукой, два-три точных движения, и готова картина: *«Плоская степь коробится, вздымается невысокими волнами холмов. Тусклым оловянным глазом поблескивает впаянное в низкие берега солоноватое озеро...»*, или *«Особенно хороши черемуховые заросли в пору цветения. Смотришь издали – и, кажется, будто светлое облако опустилось на землю и запуталось в ветвях...»*. Но, несмотря на блестящий, отточенный слог, великолепное владение словом, её сложно назвать автором художественной прозы: в основе всех произведений лежит сугубо

документальная составляющая. Вместе с тем, произведения М. К. Юрасовой также сложно причислить к историческим, поскольку достоверность некоторых приведённых автором фактических сведений небесспорна, а рядом с реально существовавшими людьми мирно соседствуют герои легенд, преданий, сказаний…

Реку Иртыш Мария Юрасова сделала главным персонажем написанной в последние годы жизни повести «Иртышская сага». Об Иртыше Юрасова, так или иначе, писала во многих своих книгах. В 1958 г. вышел объёмный и довольно добротный краеведческий труд «Путь реки», в котором автор проследила развитие Иртыша от истоков до устья. Эта научно-популярное историческое исследование легло в основу «Иртышской саги». Но, в отличие от издания 1958 г., Мария Юрасова полностью избавилась от идеологических штампов и догматических наслоений марксизма-ленинизма, которыми грешило ранее вышедшее в свет произведение. Опираясь на богатейший фактический материал, умело преподнесённый в увлекательной и доступной форме, автор ведёт откровенный, доверительный диалог с читателем, сместив вектор художественного воздействия с политики на общечеловеческие ценности.

Показывая природно-географические особенности Иртыша в теснейшей взаимосвязи с историческим развитием различных местностей, на фоне эволюции огромного множества самых разнообразных культур, какие развивались в бассейне великой сибирской реки, М. К. Юрасова в своей новой книге говорит не только об экономическом значении этой важнейшей водной артерии для Омского Прииртышья и ряда других регионов, но и о священной обязанности каждого живущего близ неё человека – беречь и охранять реку-труженицу, реку-защитницу, реку-кормилицу, так много сделавшую для людей и так мало получившую от них взамен. *«Иртыш вырвался из каменного плена, чтобы отдать свою силу земле, поделиться ею с людьми… Четыреста с лишним лет назад пришёл сюда, к берегам Иртыша, русский человек. Река повела его вглубь Сибири, стала ему верным другом в трудной жизни на*

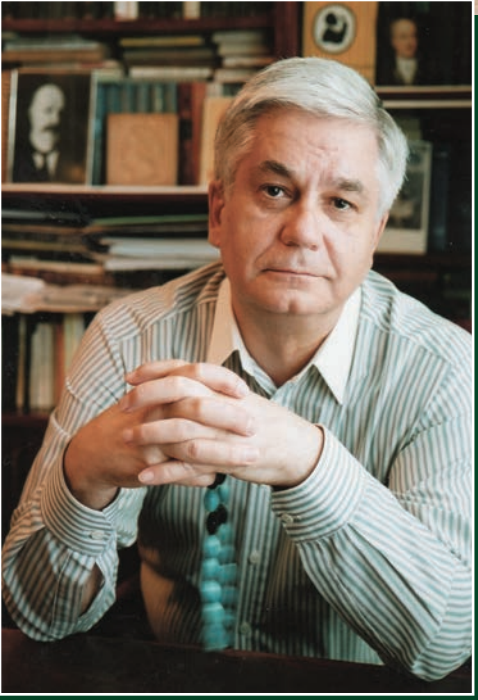
Книжное наследие М. К. Юрасовой

новой земле, помогла ему освоить эту землю. Только не добром отплатил человек реке...», – пишет Мария Юрасова в «Иртышской саге», предлагая по-новому взглянуть на проблему хозяйственного освоения Иртыша, которое ещё совсем недавно считалось прогрессивным и перспективным. И в этом отношении повесть «Иртышская сага» по-своему уникальна. В ней автор переосмысливает итоги грандиозных индустриальных свершений, которые восхваляла в своих предыдущих книгах. *«Величественные плотины перекинутся через Иртыш. Иртышские воды разольются новым морем, поглотят гнилые, топкие болота, напоят сухие земли Казахстана, бесплодные песчаные пустыни, вызовут их к жизни, заставят служить народу... Иртышские гидростанции, исполинские тепловые электроцентрали соединятся в огромное энергетическое кольцо... Могучие заводские корпуса вырастут в прииртышских городах. Это будут заводы машиностроения, судостроения, нефтехимии, лесохимической промышленности, целлюлозно-бумажные комбинаты...»*, – писала Юрасова в книге «На берегах Иртыша», изданной в 1959 г. «Иртышская сага» лишена пафоса. По прошествии времени, когда остались в прошлом производственные пятилетки, стало очевидным, что нерациональное, варварское и хищническое использование водных ресурсов в мелиорации и промышленных целях привели к их истощению, поставили реку на грань экологической катастрофы. Чувство восхищения перед мощью промышленных гигантов сменили горечь и боль за природу родного края, принесённую в жертву плохо продуманным проектам роста производства различных отраслей народного хозяйства. *«...Невольно приходит горькое чувство вины: измотали мы свою реку, убиваем, высасываем её жизненные силы, а она просит о помощи...»*, – пишет Мария Юрасова, и эти слова звучат грозным набатом, возвещающим людям о том, что великая сибирская река находится в большой опасности... И в тоже время автор не поддаётся пессимистическим прогнозам о безвыходности создавшегося положения и говорит о том, что помочь Иртышу может каждый из нас, и не просто может, а должен, обязан.

Немалое место в повести занимает непростая и многогранная история Омска – самого большого города на Иртыше. Несмотря на то, что Омск долгое время являлся местом ссылки и каторги, автор на страницах своего произведения неустанно напоминает, что это только одна из сторон его жизни. Здесь впервые проявили себя многие учёные, художники и литераторы, здесь шла активная хозяйственная жизнь, и всё это вместе придаёт истории города неповторимый колорит в панораме своеобразных прииртышских городов, получивших изображение в «Иртышской саге»: Тобольска, Усть-Каменогорска, Тары, Семипалатинска, Тюмени и многих, многих других. А разнообразная и удивительная современная жизнь мегаполиса, как ненавязчиво, но убедительно подчёркивает Мария Юрасова, даёт стойкую уверенность в том, что у города – большое будущее.

В «Иртышской саге» Марии Юрасовой удалось собрать яркую мозаику из документальных материалов, архивных источников и личных впечатлений о родном городе и родном Иртыше и встроить её в исторический ландшафт нашей страны. Её повесть, стерев границы эпох, даёт возможность вести диалог со временем и приобретает уже философское звучание, сходное со знаменитыми державинскими строчками: «Река времён в своём стремленьи Уносит все дела людей И топит в пропасти забвенья Народы, царства и царей».

«Иртышская сага» – не единственная неопубликованная книга Марии Юрасовой. В последние годы жизни, уже будучи тяжело больной, Мария Клементьевна писала историческую повесть «Сибирские летописи» об Иване Черепанове – талантливом сибирском архитекторе-самоучке, построившем первое каменное здание Омской крепости – Воскресенский военный собор. Остаются неизданными и другие произведения писательницы, в частности, яркие самобытные сказки. Все они ждут своего читателя, как ждёт каждая найденная и возрождённая к жизни книга – своеобразный брод через реку времени.

Сергей Николаевич Поварцов - коренной омич, родился 21 июля 1944 года, окончил историко-филологический факультет Омского пединститута и аспирантуру Московского педагогического института им. Н.К. Крупской по специальности «Современная советская литература».

В 1970 году защитил кандидатскую диссертацию о творчестве Исаака Бабеля. В течение 17 лет работал в Омском пединституте, более десяти лет заведовал кафедрой русской литературы XX века и журналистики в Омском государственном университете им. Ф. М. Достоевского. Руководил литературными программами в Омском филиале Российского фонда культуры. Являлся инициатором проведения в Омске Мартыновских чтений.

Сергей Поварцов является автором многих книг об Омске, о поэте Леониде Мартынове, писателе Исааке Бабеле. Среди его книг - «Сто жемчужин. Лирика русских женщин XX века», «Над рекой Тишиной. Молодые годы Леонида Мартынова», «Сын Гипербореи», «Омская стрелка», «Причина смерти - расстрел. Хроника последних дней Исаака Бабеля», «Тёплое течение» и другие. В журнале «Вопросы литературы» опубликованы его литературоведческие статьи и рецензии.

Сергей Николаевич многие годы являлся постоянным читателем Пушкинской библиотеки. В стенах библиотеки проходили презентаций его книг, творческие встречи с читателями. В нашем фонде представлено всё литературное наследие Сергея Поварцова. Представляем вниманию читателей его ранее неопубликованное стихотворение об Омске.

Сергей Поварцов

ПРИВЕТ ОМСКУ

На родине поздно светает,
Синеет снежок за окном,
И сердце слегка замирает,
Почуяв наш брошенный дом.

Всё памятно ныне: стрекозы,
«Тарзан», газировка, базар
И печка у деда в морозы,
И летний томительный жар.

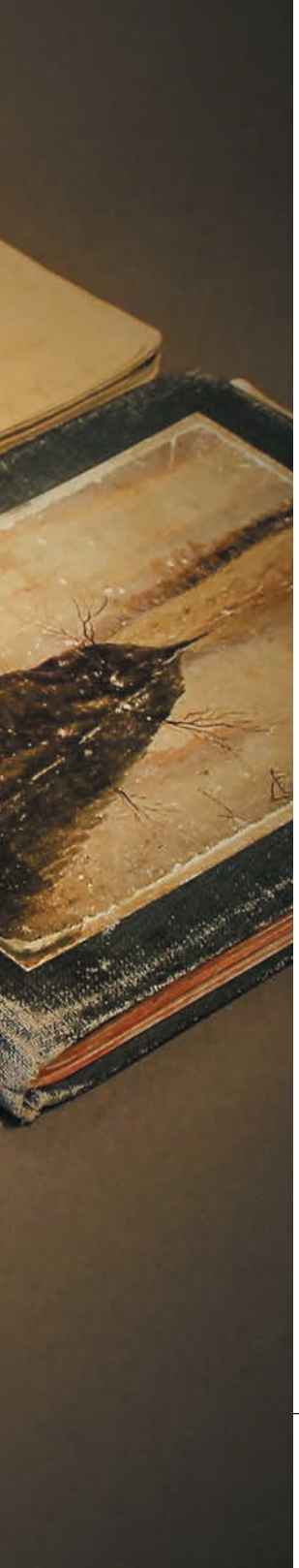
Тебя называют промзоной,
Надменно так губы скривив.
Мой город, степной и зелёный,
Спасибо, родитель, – ты жив!

Твой облик уездно-обманчив,
А всё-таки норов иной.
Я, словно восторженный мальчик,
Как в детстве, любуюсь тобой.

Держись на крутом развороте!
Есть знаки – сойдёт благодать,
И скоро ты будешь на взлёте
Звездой Прииртышья сиять!

Омск, 28 января 2013 г.
Утро

ОЖИВШИЕ СЛОВА

ИЗ ДЕТСКИХ АЛЬБОМОВ СЕМЬИ КОРТУСОВЫХ

Ольга Мирошникова

Нас трое лишь всего на свете...
Нас трое: дочь, жена и я.
Любовь, привязанность моя
И дружба, – всё в одном ответе...
П. И. Кортусов

ХОЗЯИН ДОМА: ДЕД-ОТЕЦ, ЕГО САД И КНИГИ

У каждого дома есть свой хозяин. Хозяином дома № 42 по улице Баронская (ныне – ул. Октябрьская) был коренной омич Пётр Иванович Кортусов – глава рода Кортусовых (погиб в 1938 году и покоится в неизвестной могиле). Думая о продолжении рода, он сам «позаботился» о памятных знаках семейной истории для детей и внуков. Он увлекался фотографией, на чердаке остались многочисленные «чёрные пластинки» – собрания фотонегативов. Любил мастерить для детей игрушки (на «механического крокодила» ходили смотреть соседи). Но главное – построил дом (стенку сруба и рядом пышное яблоневое дерево в цвету мы видим на снимке его старшей дочери Надежды).

Дом Кортусовых был удобный, тёплый, с балконами, террасой, огромными окнами, выходящими в сад и двор. Главный балкон смотрел на аллею. Знаменательно, что с аллеи начинал-

ся вход в другой мир: семейный, садовый, зелёно-хмелевый, вишнёвый.

Передняя дверь открывала дом, при входе висели таблички «Присяжный поверенный П. И. Кортусов», позже, после ухода его из жизни, – табличка жены «Врач О. В. Кортусова». Семья была дружной, гостеприимной, окружённой многочисленной роднёй, друзьями, в числе которых были молодые художники, профессора медицины, научные сотрудники СИБАКи. Чтили традиции, сходились для вечернего чтения и пения под фортепиано. На большом блюде красовались десятки визитных карточек.

Спустя годы, внучки Петра Ивановича по заданию пионерской дружины школы с этого балкона сбросили в тачку в качестве макулатуры большое количество канцелярских бумаг, томов научных фолиантов, рваных детских книжек. Дедовы энциклопедии «довесили» пионерскую тачку.

Какой волшебной силою три (а, может быть, тридцать три) потрёпанных, еле живых детских альбома оказались не в тачке, а уцелели в недрах письменного стола? Историческая стихия, воля случая? Что это? Может, природный инстинкт стремления к красоте, культуре? Семейное чтение классики? Или «оживший» на глазах детворы старинный книжный шкаф манил к себе, распахивал резные деревянные дверцы, за которыми хранились альбомы, тетради, словом, – КНИГИ! Что же это за «книги»: нарядные, с выпуклыми яркими «барельефными» наклейками и лентами или с потёртыми переплётами, обличающими запах кухни (следами от чаепитий)? Это затиснутые между фолиантов дневнички и альбомы для коллекций разных разностей.

ДОМ, ШКАФ И МИШИН АЛЬБОМ

Дома и сада с редкими растениями (хвойными, кустами барбарисов и облепих) давно уже нет – всё пошло под бульдозер. На этом месте семь лет стоял пустырь. Спустя время, построили пятиэтажку и здание детского сада. Благо – сохранили сирени, жасмины, черёмухи! Деревьев десять, не больше. Трагическое стечение обстоятельств: именно здесь в 1990-е впервые в Омске произошёл криминальный инцидент – захват в заложники детей и воспитателей детского сада. Дом Кортусовых уже не существовал, но притягивал некие силы стихии... Земля хранила тайны в закраинных сферах.

Сейчас ещё остаются такие дома, входя в которые, кажется, что где-то в них прежними хозяевами были спрятаны клады: либо внизу (в подполье или погребе), либо на высоте (на полатях в кухне, где можно не только спать, но и жить), либо на огромном, всесокрывающем чердаке.

– Причём здесь детские альбомы? – спросите вы.

Между верхом и низом – средняя полоса, обиталище жизни, каждодневности, тепла. Это шкафы, этажерки со статуэтками, кабинетные столики, которые имелись тогда почти в каждом доме. В них-то и хранились, из них извлекались альбомы и альбомчики – понятные и чудесные. Они уводили в чертоги игры, «невсамделишности», смеха, добрейших пожеланий, семейных собраний, чудесных подарков. Альбомчики занимали немалое место в жизни детей, да и взрослых тоже. Они уводили в Зазеркалье, средокрестие времён – спасительное пространство.

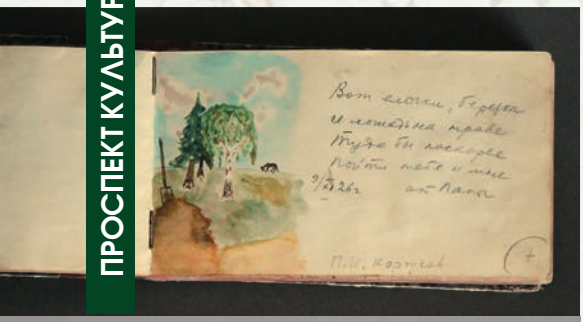
ЗАВЯЗКА СЮЖЕТА: «СМЕХ В МИНУТЫ ГРУСТИ» И ПОРТРЕТ НА СТЕНЕ

В старом доме Кортусовых много лет на стене висел женский портрет. Чьё это лицо – никто об этом не спрашивал. Неожиданная находка: среди альбомов, открыток, дневников садовника обнаружились три детских альбома. Самый маленький – Мишин, приготовленный его родителями и тётей впрок. Как и во всех подобных альбомах, разноцветные листки были отмечены модными тогда наклейками назидательного содержания, а также переводными картинками. Миша в силу возраста ещё не читал заказные акростихи и миниатюры классических поэтов (Лермонтова, Полонского, Плещеева), которые попадали в его альбом благодаря любящим родственникам. В те времена существовала добрая традиция – приобщать детей с ранних лет к красоте русского слова! Тогда-то и начинались игры и гадания, а дневнички и альбомы с их цветными страницами оказывались востребованы в качестве всегдашней карманной игрушки. Стишата в детском альбоме были маркированы символическими и гадательными «сюжетами» в ритме и рифме пушкинской эпохи и сопровождались милыми полудетскими рисунками.

Они непременно замыкались датировкой (в данном случае, 9/XI - 1926 г.) и своеобразной «кодой»: от папы П. И. Кортусова. Странно, что в альбомах нумерация страниц отсутствовала и заменялась цветовой гаммой. Коллажностью пронизана сеть лейтмотивов. В самом построении альбома сочетаются и спорят разнородность и однотипность, что характерно для жанра домашнего альбома (скорее, архитектонической структуры).

По современной иерархии альбомы делятся на самодельные (текстовые: печатные и рукописные), шитые, футаж, альбомы для хранения фотоснимков 1-го года жизни детей, альбомы из мягкой ткани, выпускные тетради, собрания гороскопов, гаданий и мн. др.

Рисунки на разноцветных страничках Мишиного альбома выполнены то коряво и эскизно, то почти профессионально (переписка родни подтверждает принадлежность многих рисованных пейзажей «дяде Пале», вероятно, родному дяде Миши). Обращают на себя внимание эскизность и пуантировочность в исполнении карандашных рисунков, которые сопровождают стихи.

Страница из альбома Миши Кортусова

Вот ёлочка, бёрезка
И лошадь на траве.
Туда бы поскорее
пойти тебе и мне.

В альбоме Миши много пустых страниц – для будущих записей? Кто их оставил, и почему они так и остались незаполненными после окончания альбома? Хронологический объём книжки – не более года. Какие пожелания и предсказания членам семьи за год успевали сбыться?..

Вот что предшествовало первым шагам «читающего от рождения мальчика».

Свои заметки в Мишином альбоме оставляли не только ближайшие родные (мама, папа, тёти и даже няня Зина). В доме Кортусовых бывали учёные, писатели, привозившие из своих путешествий камни, травы и редкие растения. Гости дома писали в альбоме ребёнка пожелания и строго-взыскательные напутствия. Тем самым, Миша был заранее принят в семейный и научный мир. Много было в его альбоме, как и в альбомах его старшей сестры Нади, предсказательных записей:

Посмотрите-ка на Мишку,
Он в три года смотрит в книжку
И за каждою книжонкой
Тянет жадную ручонку.

Слушая эти милые стишата, Миша проникался общим весельем и словно бы отвечал:

Все люди уверяют,
Что редко есть друзья.
Они того не знают,
Что это Ты да Я.

А рядом на странице альбома изображение: две руки, движущиеся навстречу друг другу...

Многие предсказания сбылись. После окончания Томского университета, в 1960-е годы Михаил Петрович Кортусов сделал несколько открытий по геологии и минералогии, был проректором университета. Энергичный, яркий по натуре, он привлекал к себе молодёжь, талантливых аспирантов. Кстати, он любил чтение, был широко начитан, способствовал успехам филологической сферы своего вуза. Оставил несколько миниатюрных рукописных сборников стихов, полных юмора и шутливых розыгрышей. Одна из его

Во дворе дома Пётр Иванович, дети Вера и Миша Кортусовы. Фото 1930 г.

дочерей – Ольга Михайловна Кортусова – является автором семи лирических книг, а Софья – прекрасным специалистом по информатике. Средняя дочь Петра Ивановича, Вера Петровна Кортусова, стала знаменитой спортсменкой. Это ли не подтверждение плодотворности славной традиции совместного погружения в культуру, существовавшей в семье Кортусовых?

Кем же приходится современному поэту Ольге Михайловне, внучке Петра Ивановича, та девочка с портрета на стене в старом доме? Обе – юные создания в начале своего расцвета. Невольно вспоминается бытовавшая на Руси традиция: убирать при определённых обстоятельствах все изображения любимого человека. Так случилось и в этой семье. Фотографий Нади не сохранилось, кроме одной – той, что в раме на стене.

Надя Кортусова. Фото 1926 г.

ВОЛШЕБСТВО ВОСПОМИНАНИЙ, РАЗГОВОР С ПОРТРЕТОМ, АЛЬБОМЫ НАДЕЖДЫ

Как-то вечером в канун Нового Года юное поколение семьи Кортусовых, перебирая старые фотоальбомы, письма, бумаги, заинтересовалось одним вопросом. Подросшие дети и внуки решали, кто на кого похож из наших родных. Обратились к портрету на стене и словно почувствовали чьё-то прерывистое дыхание. То ли девочек, рассматривающих лицо на портрете, то ли дыхание той, что на нём изображена?.. «Кто это?» – «Надя Кортусова!», – так бабушка говорит». Действительно, та, что на портрете, – Надежда Петровна Кортусова, старшая из детей Петра Ивановича. Уловимо сходство черт лица Надежды Петровны и Ольги Михайловны. В старом доме семейства Кортусовых сохранился лишь один портрет Нади, потому-то в семье так привыкли к нему, что и не спрашивали, кто это на портрете: знали...

«А вот её альбомчик»... Кто-то достал из кабинетного столика с изящной резьбой несколько маленьких книжек. «Это же дневнички, бывшие в моде в 1920-х г., в них писались всякие пожелания, акростихи, посвящения, вклеивались перевод-ные картинки, предвещающие непременное счастье:

Если хочешь быть счастливой,
Ешь побольше чернослива,
И от этого в желудке
Разведутся незабудки!

Встречаются и творческие предсказания, подобно гадательным текстам. Вполне оправдана клишированность наклеек в детских альбомах. Цветы: розы, незабудки, целующиеся голуби, золотые кувшины и вазы, плывущий лебедь, в клюве которого золотое перо, – всё это символы, предрекающие хозяевам альбомов удачное творческое предназначение.

Долго в тот вечер молодёжь спорила о своих судьбах по картам Таро, что чудесным образом сохранились, вложенные в альбом. Вспоминали, что когда-то в пушкинских салонах, а позже «на башне» Вячеслава Иванова и в поэтическом кафе «Бродячая собака» проводились подобного рода гадательные ритуалы и конкурсы акростихов...

Девичий альбом Нади Кортусовой

Ребята спорили, а со стены на них смотрело изображение юной, стоящей на пороге совершеннолетия девушки. Это она являлась хозяйкой, по крайней мере, двух миниатюрных книжек, что взбудоражили их воображение. Дневнички? Альбомчики? Конечно, второе. Дневник – форма исповедальная, ежедневная, пишется от первого лица и о себе, даже почерк важен: дышит для всех, усмехается... Альбом характеризует, выстраивает авторский мир персонажа почти без его участия. Знаменательное различие: черты характера, внешности, поступки хозяйки дневника становятся предметом её же оценивающей рефлексии, часто отрицательной. В отличие от дневника, в альбоме портрет героини «лепится» не только из слов, но из разнородного материала (стихов, редко – прозы, лирических цитат, «крылатых слов», наклеек, карандашных, чернильных, акварельных рисунков, переводных картинок). Центральной персоне «адресата» в альбоме придаётся множество качеств. Превалируют положительные (даже недостатки освещаются мягким юмором, взаимным доверием). Создаётся образ современника, сокурсника, но в атмосфере (оценке) его недавних и будущих преобразований. И оценка даётся многосторонняя: с наивным, но поучительным акцентом. Кем даётся? Его ближайшими родственниками, имеющими право назидать. Кстати, этим и объясняется наивно-игровой способ живописания.

КАТАСТРОФИЗМ СУДЕБ И ЗАГАДКА «МАРТЫНОВСКОГО ЦИКЛА»

Молодёжь, зная многие альбомные игры и предсказания, не зря, готовясь к новогодним торжествам, решила погрузиться в атмосферу таинственного, Зазеркального. Перелистывая страницы Надиного альбома, ребята неожиданно увидели под стихами подпись знакомого поэта – Л. Мартынов – и дату 22.III.26 г. Стихи, адресованные хозяйке альбома, были юмористическими, игровыми, но дата переводила внимание к реальной биографии Нади Кортусовой, поскольку движение альбомного сюжета неожиданно обрывалось 1926 годом. Что могло случиться? Или альбомные игры ей наскучили, или с ней самой что-то произошло? Захотелось в этом разобраться. Обратил на себя внимание феномен: четыре страницы стихов, вписанных в альбом одним почерком и в одной стилистике.

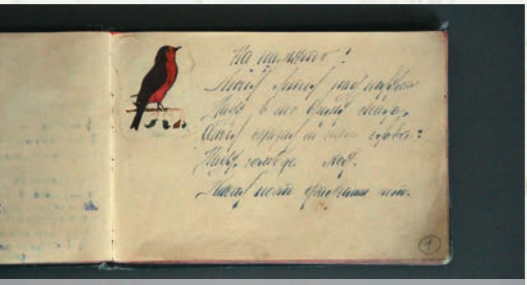
При перелистывании страниц строки, адресованные Наде, кажутся повторящими друг друга. Таких однотипных стихов за подписью Л. Мартынова всего четыре. Интересно, что при полной идентичности почерка, стихи, отстоящие друг от друга на несколько страниц, тем не менее держатся единым ритмическим повтором.

Таким образом, все стихотворения, входящие в так называемый «Мартыновский миницикл», сведены в целостную и одновременно дробную структуру. Изобразительный ряд явно поддерживает словесно-ритмический строй отдельного стихотворения и всего цикла. Загадочна динамика композиции: от первого банального клишированного катрена, авторство которого могло бы относиться к кому угодно, – к яркому, открыто звучащему и притягивающему диалогу двух юных поэтов, искателей новых путей в искусстве. И неважно, что почерк поэта не соответствует его оригинальным записям, помогающим атрибутировать авторство.

Таким образом, на первый взгляд, начало альбома воспроизводит примитивную форму нравоучения. Первый раз страничка с «птичкой на ветке» в технике «переводки» и контурного силуэта поддерживается зарождающейся личной, поэтической заинтересованностью автора и подписью: «На память!».

Ангел летел над полями,
Надя в то время спала,
Ангел сказал ей три слова:
«Надя, голубка моя».
Писал поэт фамилии нет.

Изящная птичка, одинокая и непевчая на рисунке и Ангел, пролетающий над полями, со словами, обращёнными к Наде: «Голубка моя», – все они летучие одноприродные существа. За банальностью просматривается знаменательное родство – летучие, то есть парящие над миром. Имя Нади смещено в середину стиха, что придаёт поэтическим строкам

Страница из альбома Нади Кортусовой

Страница из альбома Нади Кортусовой

равновесие. Но значительнее тенденция к утяжелению концевых строк – «собственноручное» лишение Поэтом в альбоме своего имени: «Писал поэт, фамилии нет» осмысляется как «ещё не приобретённое Поэтом имя». Возьмём на себя смелость утверждать, что в 1926 году Леонид Мартынов, несмотря на отрицание авторства своих стихов, мог входить в круг семьи Кортусовых и оставить свой автограф в девичьем альбоме Надежды – «голубки».

От стиха к стиху прорисовываются внешние черты «персонажей», интонации покровительствующие и одновременно ироничные:

Надя в ванночке сидит,
Во всё горлышко кричит:
«Ай беда моя беда
Зачем мокрая вода!».

Под четверостишьем подпись: «Писала волна, ищи где она. От Л. Мартынова. 22.III. 1926 г.»

Привлекает внимание характерное для Мартынова сочетание водной и воздушной символики во многих печатных текстах данного периода. Так, его катрен «Зелёный луч», датированный 1927 годом, акцентирует стремление Поэта «быть в пределах Грядущего», отсюда цветокод и ритмико-интонационный рисунок стиха:

Освобождённое от туч,
Всё небо розово и звёздно.
Я увидал зелёный луч.
Ищи и ты. Ещё не поздно!

Призыв Поэта «Ищи и ты. Ещё не поздно!» близок напутственной и призывной динамике альбомных строк.

Читая стихи из альбома сегодня, можно попытаться соотнести датировки возрастов Нади Кортусовой и Леонида Мартынова – они почти ровесники. Чем объяснить иронию речи поэта? Прежде всего, спецификой жанра, допускающего игровые «стяжения» тем, лейтмотивов. Особый, характерный строй метонимий, тонкой гротесковой образности, граничащей с катахрезной формой гротеска. Овеществляются ветра, моря, пение птиц:

Так, принявши облик бури,
Мы летим. Пора настала,
Чтоб о нас иное море
Днём и ночью грохотало...
(Л. Мартынов, 1925 г.).

Чувствует ли современный читатель некоторые переклички между авторскими масками уже «становящейся на крыло» поэтики Мартынова с его Скитальцем, Голым Странником («отказавшимися от фамилии») с альбомной, домашней лирикой, приобретающей известность, напечатанной ещё не в книге, но уже в альбоме?

Замечена ли была вероятность знакомства начинающего поэта с семьёй Кортусовых-Словцовых? В доказательство этого факта можно привести строки из переписки молодых людей, близких к семье Кортусовых, запечатлённые на открытке с приглашением начать путешествие с устья «Реки Тишины-Оми» «к нам, чтобы кататься на лодке «ДО ЗАХЛАМИНА». В связи с этим вспоминаются строки стихотворения Леонида Мартынова «Река Тишина»:

...Из дровяного сарая
Братья её вынесут лодку на плечах
И опустят на Тишину.
И река Тишина у метели в плену,
И я на спутницу не взгляну,
Я только скажу ей: «Садитесь на корму!»
Она только скажет: «Я плащ возьму.
Сейчас приду».
Плывём во тьму...

Страница из альбома Нади Кортусовой

Читательская реакция обусловлена сценами из античной поэзии: следование за Хароном, перевозящим души умерших, тёмные неподвижные воды «Реки Тишины».

Не объединило ли поэта Леонида Мартынова и Надежду Кортусову в те весенние дни ощущение катастрофизма, надвигающейся неотвратимой беды? Не потому ли в альбом Надиной рукой вложены карты Таро? Девушка в плаще – то «знакомая одна», то «спутница» – грустная, давно собравшаяся и решившая «ещё раз проплыть» по Оми-Тишине.

Его же рукой – подпись в последнем финально-кольцевом стихотворении «На память Наде!» контрастирует с замыкающим финал реальным именем Поэта Мартынова и датировкой: «22 III. – 1926 года. Гор. Омск». Да и речь персонажа Поэта-капитана в альбоме от стиха к стиху становится всё более и более яркой и удостоверяет мартыновский стиль письма. Символизация видна в смене падежей («От Л. Мартынова») и в смене конкретного места и времени происходящего диалога (от марта 1926 года до 22-го дня 1926 года в гор. Омске). Тональность цикла от одного стихотворения к другому становится всё более печальной и полной предчувствий. Далее следует текст четвёртого заключительного четверостишья:

Меж многими друзьями
Ты могла меня забыть,
Но этими строками
Будешь помнить и любить.

Итак, первое стихотворение из «миницикла Л. Мартынова» может служить

Страница из альбома Нади Кортусовой

неким шаблоном, банально-игровым мотивом, в котором едва проступают чёткие краски и конкретные черты жанра «альбома», особенно, детского. А дальше происходит волшебство: как на картинке, проявляются краски, силуэты, в финальном, четвёртом стихотворении это волшебство достигает высшей точки. Гротесковое изображение: ветка спелых вишен и бегущая птичка с цветным хвостом символизируют победу над бедой, спелости и яркости – над чахлостью.

Впервые звучит речь героини-адресата и Поэта как посланное по воздуху приветствие, приглашение к дружбе.

Динамика сюжета заключается в следующей метонимии: «сидит прелестная девочка в золотой вазе» – сравнение: «как птичка, как роза». Градация чувств: от блаженства Девы и созерцания пишущего её словами и красками Поэта, от умильного созерцания до нарастающего крика, уже не игрового, не сценарного, не в золотой вазе утопающего. Но в переводной картинке намечена сплошная акростихия начальных и конечных символов: «беда/вода», «крик/молчание». Так впервые проявляет себя ужас беды и внезапности. «Искусность» прорывает искусственность. Твёрдые картонные наклейки на страницах альбома побеждены переводными картинками с изображением птиц в соприродной им воздушной стихии. В контекст миницикла внедряется послание «На пороге жизни». Тем самым динамика сюжета выводит за пределы кругового полёта, творческий дух возвышается и погружается в невесомость. Четвёртое стихотворение замыкает круг лирического заговора. Почему же к концу цикла оставлено несколько пустых страниц?

Цвет бумаги в блокноте блекнет, синеет, темнота поглощает красоту... Думается, что будущий поэт берёт на себя роль того самого Капитана «воздушных фрегатов», который строит мир на соединении воздушной и водной стихий. И вся речь его предсказательная и прельстительная. У него «нет фамилии». Он многолик: исполняет миссию Ангела, Гребца (едва ли не Харона), безымянного поэта из стихотворения «Река Тишина», что принимает на себя обязательства бесфамильности, «Странника в лохмотьях, покрытых пылью», который «...нищ, полудик, Откуда ты знаешь такую фамилью?». Опять же через отрицание и отказ. Но в любой момент – обрыв сюжета, окликание, поучение, заклинание, заговор... и боль, и смерть!..

Я плясала, я плясала,
себе ноженьку сломала,
Ой, ой, как больно ножку, милый мой!

Обычная жалоба не юной девушки, а русской бабы, приятие кары-судьбы. Извечные роли: Певца-предсказателя и младой Девы.

Весной 1926 года, как и предвещено циклическими строками, Надя Кортусова умирает от аппендицита. Могилы её не сохранилось, как и могил её матери и отца. Только альбомы.

Вслушиваясь в шумный спор ребят, находящихся в предвкушении новогодних празднеств, легко заметить, насколько затронула их судьба начинающей поэтессы, родной им девочки Нади. Заинтересовали молодёжь её альбомы с их возможностью игры, гадания, предвестий... Подумалось – вот она – связующая нить поколений, та самая веточка культуры, что объединила волны частные с волнами истории – общей традицией русской семьи.

... Работы шум и тишь покоя
Всё вам, всё вам, друзья мои,
Все мысли грустные свои
Забыть я должен, вспомнив: трое!
П. И. Кортусов

НА ПЛОЩАДИ ОМСКА ИГРАЛИ РАХМАНИНОВА...

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

Как приходит к человеку чувство Родины, когда он начинает понимать свою вечную, сокровенную связь с первой весенней капелью, воробьями, греющимися на солнышке, речкой, лесом, полем? Всё непостижимо связано в жизни, всё не случайно.

Середина 60-х годов. Жаркое лето в Омске, городе, раскинувшемся на берегах тогда ещё полноводного Иртыша. Мальчишка лет 14-ти вышел из троллейбуса на остановке «Дворец культуры нефтяников». На летние каникулы он с сестрой часто приезжал к бабушке. Приехал и сейчас. То, что он увидел, заставило его остановиться. В центре большой площади, заполненной людьми, стоял рояль с поднятой крышкой. Музыканты оркестра расположились со своими инструментами вокруг. Дирижёр взмахнул тоненькой палочкой... зазвучала музыка. Мальчишка смотрел во все глаза. Слушал, забыв обо всём на свете. Он был потрясён.

Этим мальчишкой был я. Музыканты омского симфонического оркестра, как выяснил я позже, исполняли Второй концерт для фортепиано с оркестром Сергея Рахманинова.

Прошло много лет, но я не забыл того дня. Стоит прикрыть глаза, вижу рояль на площади у Дворца нефтяников, оркестр. До сих пор звучит во мне эта музыка.

Что-то переменилось в моей душе с того дня. Может быть, открылся какой-то особый смысл во всём, что меня окружало. Во всяком случае, музыка Рахманинова стала мне дорогой и знакомой.

Позднее я прочитал о его жизни много интересного. Узнал о том, как мучительно переживал он разлуку с Россией... Лучший пианист планеты всегда говорил, что он – русский музыкант.

Однажды один из моих давних друзей сказал о композиторе такие слова: «... Никогда не было на свете души чище и святее, чем у Рахманинова! И только поэтому он стал великим музыкантом...».

Валерий Мамиков

КОСУЛЯ В ГОРОДЕ

Это было в далёком 1963-ем году. Годом раньше мы с мамой въехали в новую квартиру в городке Нефтяников. Дом, в котором мы получили квартиру, располагался в начале проспекта Мира. Сам же проспект Мира имел своё начало от пересечения с улицей Химиков. Дому был присвоен номер 3. А уже через несколько лет были построены институты, наш проспект шагнул далеко вперёд, к телецентру. И номер дома стал 23. Окно с балконом выходило на торцевую сторону дома, непосредственно на проспект, где уже в то время проезжая часть была разделена прогулочной зоной, с уже подрастающими клёнами. Через дорогу, на противоположной стороне проспекта стояли добротные пятиэтажные дома застройки пятидесятых годов. Первые этажи домов, от улицы Химиков до улицы Нефтезаводская, все до единого были приспособлены под магазины, ресторан, кафе, аптеку, парикмахерскую. Начиная с хлебного магазина, далее, магазин «Ткани», «Мебельный», магазин «Омич», «Кулинария», «Книжный»....

Напротив нашего окна располагался «Мебельный» магазин. В тот год выдалось жаркое, лето, с душными вечерами и ночной прохладой. На ночь мы расстилали перину на полу, возле балконной двери. Таким образом, когда прекращали своё движение шумные трамваи, можно было насладиться ночной тишиной.

Внезапно наш с мамой сон прервал звон бьющихся стёкол и звук сирены, которая включилась автоматически, давая понять, что в магазин проникли непрошенные гости.

Уже светало. Жители домов прильнули к распахнутым окнам.

С нашего балкона было хорошо видно, что кто-то мечется по магазину. Огромные стёкла витрины выбиты. Но из магазина продолжал доноситься звук, характерный от бьющегося стекла.

Опорный пункт милиции находился поблизости. Буквально через несколько минут прибежали милиционеры и дружинники. На улице возле магазина собралась многочисленная толпа наиболее любопытных жителей наших домов.

Каково же было удивление людей, когда через некоторое время несколько мужчин вынесли стреноженную косулю. Бедное животное! Каким образом из леса косуля попала в оживлённую часть города, остаётся загадкой. Говорили, что косуля пришла из леса с левого берега Иртыша, переплыла Иртыш. Ведь тогда лес вплотную подходил к городу с левого берега.

Косуля, пробегая мимо магазина «Мебель», увидела за окном витрины своё отражение в многочисленных трюмо. А так как трюмо имело по три створки, то отражение проектировалось на все зеркала. Косуля своё отражение приняла за стадо своих сородичей. Пробив двойное окно витрины, бросилась «навстречу» своих» собратьев, разбивая при этом зеркала трюмо.

Косуля сильно поранилась, выбилась из сил. Впоследствии, бедняжку вылечили и определили на житьё-бытьё и на полное содержание в приют «Юнгородка».

Долго ещё наша лесная гостья, так неожиданно появившаяся из леса, нарушившая ночную тишину, радовала жителей Омска, которые приходили на неё посмотреть в «Юнгородок».

Наталья Якубович

КНИЖНАЯ ПОЛКА

«О МАЛОЙ РОДИНЕ И СЫНОВНЕМ ДОЛГЕ»

ПО СТРАНИЦАМ ОЧЕРКОВЫХ КНИГ ОМСКОГО КРАЕВЕДА И. Ф. ПЕТРОВА

Ирина Гладкова

В 2015 году Пушкинская библиотека получила в дар от дочери известного омского писателя-краеведа Ивана Фёдоровича Петрова Лидии Ивановны Петровой часть домашней библиотеки, включающей около 300 книг. Это событие произошло в год 95-летия со дня рождения писателя.

Библиотека писателя размещена в Центре краеведческой информации и находится на открытом доступе. Читатели, интересующиеся литературным наследием Сибири, Омска, имеют возможность познакомиться с уникальными изданиями, собранными Иваном Фёдоровичем, составить представление о круге его чтения. В семейном архиве писателя бережно хранятся письма учёных, писателей, журналистов и публицистов России, в которых содержатся отзывы на книги и статьи И. Ф. Петрова.

Иван Фёдорович Петров – уроженец д. Степанихи Крутинского района Омской области, участник Великой Отечественной войны, член Союза писателей СССР. После окончания историко-филологического факультета Уральского университета в течение десяти лет он был редактором Омского книжного издательства. Около двадцати лет под его руководством издавался региональный журнал «Земля сибирская, дальневосточная». В своём творчестве Иван Фёдорович отдавал предпочтение жанру очерка. Автор книг об истории Сибири, выходивших в Москве, Новосибирске, Иркутске, Омске, многочисленных журнальных и газетных публикаций.

Большинство очерков и статей он посвятил родному Омску. В Омском книжном издательстве вышли в свет его книги «Дорогами героев», «Следы на земле», «В камне и бронзе», «Сибирский корень», «Большой костёр», «Обелиски славы», «О времена!», «Заметки краеведа», «На перепутье», «С поклоном...». Книга «История с географией» была удостоена премии Администрации Омской области «За заслуги в развитии культуры и искусства».

Все публикации писателя пронизаны искренней любовью к родной земле и глубоким уважением к памяти предков. Об этом свидетельствуют названия книг: «Земля отцов», «По родному краю», «Не забудь их, моя Россия» и др.

В переломные для страны 90-е годы Иван Фёдорович глубоко переживал постепенную утрату молодым поколением духовно-нравственных ориентиров и ценностей, традиционно составлявших основу нашей жизни. Страницы его очерков, написанные, по словам А. Э. Лейфера, «не чернилами, а кровью сердца», раскрывают болевые точки современного общества, стоящего на перепутье и растерявшего многое из того, что принято называть родовой памятью. Нет, пожалуй, социальных проблем, которых бы не касался И. Петров в своих книгах, очерках, статьях. Всего вышло в свет 27 книг, более 400 газетных и журнальных публикаций!

Иван Фёдорович Петров – личность незаурядная, человек совестливый и правдивый. В одной из своих последних новелл «Осенний сад» он с грустью признавался, как сжималось его сердце от осознания постепенной утраты обществом связи времён, связи поколений. Тревогой за судьбу малой родины пронизаны многие его творения.

Общеизвестно, что любовь к отечеству начинается с любви к родному краю, к родному городу. Родной край очеркиста Ивана Петрова – Сибирь. В своих поездках по сибирским городам он много времени проводил в архивах, библиотеках, знакомился с историческими документами, встречался с исследователями, краеведами, журналистами. В семье Петровых бережно хранится многолетняя переписка с этими людьми, практически в каждом письме тревога за утрату исто-

И. Ф. Петров

рической памяти, за судьбу страны, будущих поколений.

Омское Прииртышье – важнейшая тема его творчества. Городу Омску – самому дорогому и родному пространству – посвящены книги писателя «Легенды и мифы старого Омска», «Раздумья, мимолётности», «О малой родине и сыновнем долге» (заметки краеведа), микроновеллы «Омск Одессе не уступит», «Невесёлые размышления» и мн. др. публикации. В них судьба родного Омска воспринимается как судьба близкого человека. Потому так пронзительно звучит авторское слово, обращённое, в первую очередь, к нам, омичам: «Есть на земле места, святые для нас, как родители. Бывают краше, но без этих мы – сироты». Иван Фёдорович всегда мгновенно реагировал на проблемы, своими публикациями поднимал общественность, приводя неопровержимые аргументы в защиту правды и справедливости. Не было темы из жизни города, которая бы не волновала писателя.

Несмотря на то, что большинство из написанного датируется 80-90-ми годами

прошлого века, мысли, высказанные писателем, не потеряли своей актуальности и сегодня, в особенности, в год празднования 300-летия нашего города.

Город в его пространственно-временных границах является одним из важных и ёмких воплощений культуры. Омск, как и большинство сибирских городов, начинал свою историю как город-крепость. Традиция крепостного строительства возникла в Европе, а затем с севера России была перенесена в Сибирь. Архитектурный облик большинства сибирских городов, в том числе Омска, формировался таким образом, что крепость являлась своего рода «сердцем» городского пространства. Вокруг неё образовывались форштадты и слободы. Название нашему городу дала одна из его водных магистралей – река Омь. Перефразируя известную цитату омского поэта Тимофея Белозёрова, омичи завязали свои сердца в «узел» двух рек – Оми и Иртыша.

Города, как люди, у каждого своя судьба. Наш город за трёхсотлетнюю историю накопил множество всевозможных преданий. Неслучайно одну из своих книг И. Петров назвал «**Легенды и мифы старого Омска**». В неё вошли не древние сказания, а рассказы о реальных событиях, людях, прославивших наш город, истории, связанные с городской застройкой. Писатель обращается к теме реконструкции Омской крепости, крепостных ворот, храмов и других архитектурных сооружений. А как же легенды и мифы? – спросит читатель. Автор книги постепенно приоткрывает завесу таинственного, рассказывая свой миф об Омске, в нём город предстаёт как место встречи реальности и грёзы. В этом смысле повествование Ивана Петрова перекликается с воспоминаниями другого талантливого писателя-сибиряка – Валентина Распутина о родном ему Иркутске, представленном в очерке «Иркутск с нами».

Два сибирских города Омск и Иркутск расположены вдали от столичных центров. В отечественной литературе провинциальный город укоренился как особый пространственный образ. Ф. М. Достоевскому облик сибирского города казался сродни хорошему московскому селу. Одноэтажная деревянная застройка до сих пор сохранена во множестве сибирских городов. Следуя этому образу, Распутин и Петров предлагают читателям ранним утром побывать на одной из таких городских улиц. В утренний час, когда ещё ничто не шевелится в воздухе, когда обострены слух и зрение, можно ощутить «волшебную силу внутреннего духовного родства с дорогим сердцу местом», открыть для себя тот счастливый миг, когда чувствуешь дыхание города, проникнуть в самые заповедные глубины его прошлого, в «дух» места. Так формируется иной уровень восприятия городского пространства – метафизический. В связи со сказанным, приходят на память строки омского поэта Юрия Перминова:

Книги И. Ф. Петрова, изданные в разные годы

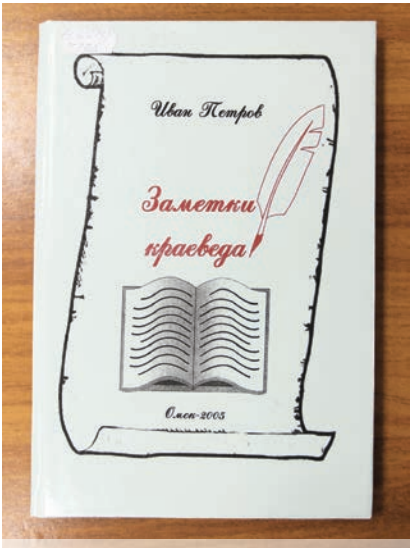
Посёлок мой ночными дышит снами,
не слышно никакого воронья.
С бессмертными родными небесами
сливается окраина моя.
Полночный свет расходится кругами –
Господь рассыпал звёздную крупу...
Земли не ощущая под ногами,
не выйти на небесную тропу...

Метафизический уровень восприятия позволяет созерцать городское пространство вне привычных границ его длины, ширины, близости и дали.

Не менее важной для Ивана Петрова является проблема личной ответственности омичей за дарованное им пространство, за его судьбу. Обратимся к его книге «**О малой родине и сыновнем долге. Заметки краеведа**», изданной в 1989 году. Название говорит само за себя. В нём заключён призыв автора, обращённый к землякам, – восполнить сыновний долг перед своей малой родиной.

Открывается книга заметкой «**Что имеем – не храним**». В ней ретроспекция и правдивый показ современной жизни предвосхищены эпиграфом: «Человек живёт как бы на перекрёстке времён – прошлого и настоящего, память – познание накопленным опытом самого себя, истоков и направления бытия» (Юрий Бондарев).

С первых строк автор приглашает нас – читателей – к разговору, ставит серьёзные вопросы, предлагает задуматься. Взволнованно звучит его голос: «Было время, когда на всякую старину смотрели почти как на врага. Частью по ошибке, а частью по невежеству исполнителей исторической памяти Омска был нанесён ущерб, остро ощутимый и по сей день». Словно в продолжение этих мыслей писатель выстраивает цепь риторических вопросов: «Больно и обидно за своих земляков. Ведь ничего не было у нас так сильно девальвировано, как отношение к родной земле, к родному краю. Как всё это могло случиться?.. За что и почему мы должны любить свою малую Родину?». «Разве город – это только мостовые и тротуары?.. Разве можно только этим оценивать город в историческом плане? А как же люди? А их дела? Как же можно проглядеть жизнь целых поколений? А ведь проглядели...».

Обложка книги И. Петрова «Заметки краеведа». 2005 г.

Весь дальнейший ход повествования является поиском ответов на эти важные для каждого из нас вопросы.

Душевной болью пронизаны строки о том, что в Омске в XX веке было разрушено множество деревянных домов с резным декором, переименовано большинство улиц, разобраны старые церкви и соборы, в результате город постепенно лишался своего исторического лица. И не только внешнего. Автор обращает наше внимание на необратимые последствия этих разрушений. Ведь всё, что происходит с нашим городом, отражается на внутреннем состоянии его жителей, не потому ли всё чаще повторяют омичи слова, сказанные когда-то об Омске Ф. М. Достоевским, оказавшимся здесь в каторжном остроге: «Спросите сейчас любого школьника, любого молодого человека: каким был наш город в прошлом? – пишет И. Петров. – И тут же услышите ответ: «Гадким и грязным городишком». Откуда это и почему?.. Каким надо быть ленивым и нелюбопытным человеком, чтобы безумно повторять чужие, готовые слова?». Писатель-краевед старается заострить наше внимание на формальном повторении

горожанами заученной цитаты Достоевского. Её обывательская интерпретация, по его мнению, вредна. Внешность города – это ведь ещё не сам город.

Такова была действительность Омска в годы пребывания в нём Ф. М. Достоевского. В то время в Омске, удалённом от столичных центров, правила чиновничья знать, процветало взяточничество, казнокрадство. Об этом не мог не знать Фёдор Михайлович. Потому слово «грязь» в его словах приобретает символический смысл. Кроме того, у цитаты есть продолжение: «Если бы не нашёл здесь людей, я бы погиб совершенно... На свете очень много благородных людей».

В заметке «**Близко сердцу**» среди множества имён известных омичей, людей глубоко образованных и благородных, Петров называет имя выдающегося учёного, публициста и общественного деятеля Николая Михайловича Ядринцева (в честь него названа одна из улиц Центрального округа г. Омска). Символично, что расположена она между улицами, носящими имена учёного минералога Петра Драверта и поэта и публициста Георгия Вяткина. Этими и другими выдающимися людьми гордится наш город.

Заключительную заметку «**Нельзя не любить**», а, следовательно, и саму книгу писатель завершает кульминационной фразой, словами, идущими из глубины сердца: «Милая светлая Родина моя! Милое моё Отечество! Да минуют тебя все беды и напасти! Да упасёт тебя судьба от коварства и малодушия вскормленных тобой детей! Да будут многолюдны города твои и сёла! Да будет чистым небо твоё! Да будет колос твой тучным во веки веков!».

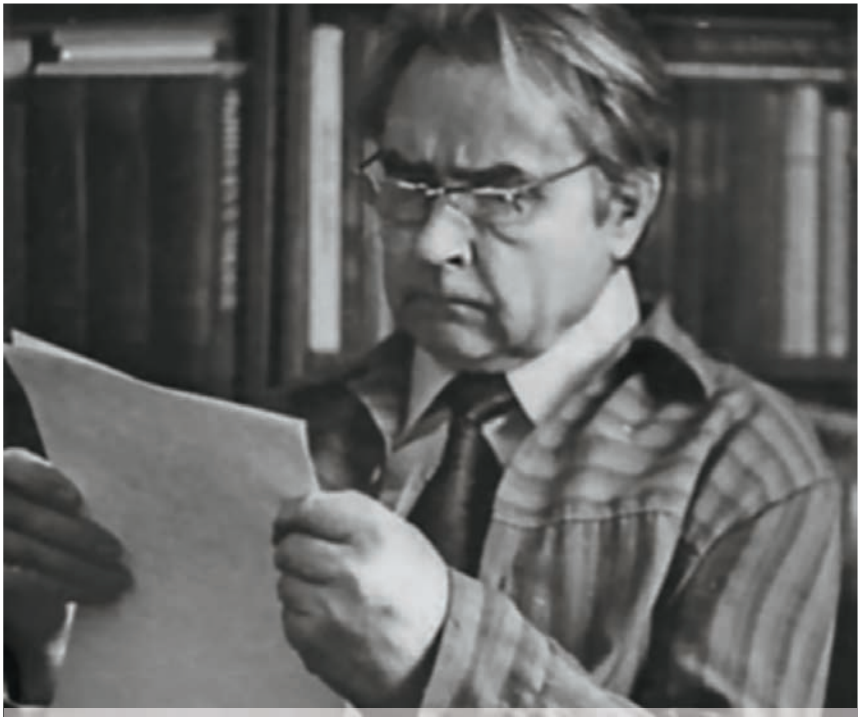
Думается, что не случайно, в этих словах, предвосхищающих идеальное будущее родного края, проницательный читатель услышит перекличку с финальными строчками повести Ф. М. Достоевского «Белые ночи», последней повести, написанной им перед каторгой. Омск в своё время являлся своеобразным рубежом, отправной точкой к дальнейшей творческой зрелости Фёдора Михайловича. В «Записках из Мёртвого дома» он раскрыл идею пограничности Омска в своей судьбе. Потому-то омский писатель-краевед И. Петров выбрал для своей книги «О малой родине и сыновнем долге» кольцевую композицию, обрамив её кольцом цитат Ф. М. Достоевского.

Идею рубежности Омска в личной судьбе подхватил поэт Леонид Мартынов. В стихах, новеллах «Воздушные фрегаты» он обрисовал пространство родного Омска на рубеже XIX-XX веков, на «границе прошлого с грядущим». Неслучайно в качестве эпиграфа одной из заметок Иван Петров выбирает именно эти легендарные строки омского поэта, направляя тем самым мысли читателей на поиск глубокой и живой «души» Омска, то есть на поиск собственного духовного предназначения. Бесценным достоянием, которое мы должны беречь, по его мнению, является возвращение городу большинства исторических названий, ведь в них оживает память народа. По названиям улиц и площадей новые поколения смогут изучать историю родного города, учиться уважать прошлое.

Эту тему затрагивает Иван Петров в заметке «**Топоним на городской карте**». «Топонимика, – пишет он, – наука о названиях (топо – место, ним – имя). Городская топонимика включает в себя названия улиц и переулков, площадей и скверов, набережных и бульваров, целых районов и отдельных жилмассивов и т. д. Каждое из таких названий имеет своё происхождение и объяснение, за каждым стоит, пусть малая, но частичка местной истории. И потому топонимика любого региона представляет большой интерес не только для историков и краеведов, но и для широкой общественности, проявляющей любопытство к прошлому своего города, края, страны».

Микроновелла «**Омск Одессе не уступит**», опубликованная в книге «**История с географией**», ставит проблему переименования омских улиц ещё острее: «Как-то омские историки стали вспоминать, сколько из городских улиц было переименовано за годы Советской власти. Оказалось, в центре города прежних названий вообще не осталось, за исключением всего лишь двух улочек – Музейной и Тарской... А некоторым названия сменены по два и три раза!».

Автор называет такие улицы, в частности, старейшую Ильинскую, которая

И. Ф. Петров за работой

сначала была переименована в Льва Толстого, а затем стала улицей Веры Засулич. Проломная сменила своё имя на Освободовскую, а ныне это уже улица Яковлева. Воздвиженская стала Церабкоповской, а потом – улицей Рабиновича. Блохинскую переименовали в Кропоткинскую, затем в Кооперативную, а вскоре – в улицу Булатова. Улицу Шпрингеровскую, названную в честь генерала-поручика Ивана Ивановича Шпрингера, по инициативе которого была построена Омская крепость, переименовали в Партизанскую. «Сколько же было в своё время незаслуженно переиначено!.. – восклицает автор. – Грустно становится, как подумаешь, до чего может докатиться народ в своём неуважении к родным корням, к своей собственной истории!.. Не потому ли мы так оскудели духовно, что в продолжении многих десятилетий вели борьбу с собственной памятью?» На грустные мысли наводит и новелла «**Улица, улица, как ты пьяна**»!»

Всем ходом повествования он проводит мысль о том, как важно сохранять исторический облик города, названия его улиц и площадей, точно и правдиво восстанавливать прошлое. А с ним оживает память народа, как бесценное достояние нации. «Многое потерял Омск при ломке церковных зданий. Были утрачены осевые архитектурно-планировочные объекты. Так, снос в тридцатых годах Ильинской церкви на левом берегу Оми лишил тот район городской застройки очень важной средообразующей доминанты... Не меньший урон Омску нанесли бесчисленные переименования улиц и районов. Всё это вместе взятое привело, в конце концов, к тому, что город мало-помалу стал лишаться своего исторического лица. И не только внешнего. Одновременно

стали предаваться забвению многие страницы большой и многотрудной истории его... Мне могут возразить: «Зачем бередить старые раны?». «Мы многое сделали, чтобы освободить душу человека от того, что связывало её с наследием прошлого. При этом вовремя не подумали, что может прорасти в такой облегчённой душе».

Мысли писателя нашли поддержку у многих влиятельных людей, в том числе бывших омичей, с которыми Иван Фёдорович состоял в переписке. В частности, омич, ныне живущий в Петербурге, врач Кирилл Лашков в одном из писем, датированных 1989 годом, поделился впечатлениями о заметке «**Топоним на городской карте**», вошедшей в книгу «О малой родине и сыновнем долге»: «Я разделяю Ваши мысли о разного рода переименованиях. В Ленинграде уже кое-что делается на этот счёт. В Омске я два десятка лет жил на улице Банной и не считал это для себя зазорным. Почему в своё время нашли необходимым переименовать улицы Кузнечную, Плотниковскую и другие – не хватало новых улиц? Между прочим, Омск по числу безликих Амурских, Восточных, Енисейских, Железнодорожных, Комсомольских, Ленинградских, Линий, Марьяновских, Рабочих, Ремесленных, Самарских, Северных, Тракторных, Шинных и др. держит, надо полагать, первенство в Союзе. Такого числа «номерных» улиц, нет даже в Москве, не говоря о сравнимых с Омском по численности Волгограде, Минске, Одессе, Свердловске... Топонимика Омска, надо сказать, не блестящая. А вот улица имени учёного и поэта имени Петра Драверта почему-то исчезла из плана города, так же как и омская крепость...»

В заметке «Топоним на городской карте» И. Петров обращает наше внимание на то, что вчитываясь в названия улиц Омска, можно как в книге, раскрывая страницу за страницей, исследовать социальный состав горожан. Здесь проживали самые разные слои населения: от военных (Атаманская, Войсковая, Полковая, Артиллерийская, Учебная, Бригадная, Скаковая), высшего чиновничества (Дворцовая, Губернская, Баронская, Главноуправленческая) до мещанского и рабочего сословий, проживающих на городских окраинах (Глухая, Непроезжая, Перевозная, Кустики, Козья, Лесная, Луговая, Барашки, Выгон, Выползки). Многие названия подсказывала сама жизнь.

Благодаря названию улиц: Александровская, Екатерининская, Казнаковская, Гасфордовская, Колпаковская, Капцевича, Глазенапа, Чернавинский проспект омичи помнили имена российских императоров и высших руководителей края. За каждым из этих названий стояла частица исторического прошлого Омска. Так, топоним Главноуправленческая улица (на ней располагалось здание Главного Управления, в котором работали и некоторые декабристы) являлся свидетельством былого значения нашего города в качестве главного в Западной Сибири тех лет. На Дворцовой располагался Дворец генерал-губернатора (ныне корпус областного музея изобразительных искусств им. М. А. Врубеля), являвшийся главной резиденцией управления Степного края.

С дореволюционных времён существовала в Омске улица Бухольца, названная в честь основателя города, но и она была переименована в Профессиональную, а затем в Броз-Тито. Улицу Томскую решением Городской думы переименовали в Лермонтовскую, позже она стала улицей Лермонтова. В дни празднования 200-летия Омска были переименованы улицы Дворцовая и Атаманская в улицу Республики. Ныне это улица Ленина.

С наступлением Советской власти движение по переименованию улиц приняло всеобщий размах. В 1919 году в Омске была создана специальная комиссия по переименованию улиц под председательством Д. А. Вернера приняла решение об упорядочивании названий улиц. Многим улицам города были присвоены новые названия в духе революционного времени. В результате появились улицы Краснофлотская, Интернациональная, МОПРа, Осовиахимовская, В. И. Ленина, Карла Либнехта, Карла Маркса и др. Автор полемизирует с читателем, всегда ли оправданы такие переименования, ведь последствием может стать утрата важных вех становления Омска, без которых невозможно восстановить его историю. С другой стороны, многие названия были

неблагозвучны, малоинформативны. Поддержали омичи и инициативу присвоения городским улицам имён героев Великой Отечественной войны: Валентины Бархатовой, Петра Осминина, Александра Комарова, Дмитрия Карбышева, Леонтия Гуртьева, Алексея Романенко, Семёна Фугенфирова и мн. др., что вполне оправдано, ведь эти герои – наши земляки.

Эта славная традиция продолжается и сегодня. В 2002 году одна из улиц в Советском районе была переименована в честь Героя России Олега Охрименко, погибшего от рук бандитов.

Но имеют место и негативные примеры. Автор обращает внимание на попытки городских властей навести порядок в топонимическом хозяйстве. Но это дело так и не было доведено до конца. Речь идёт об увековечении памяти основателя первой омской крепости И. Д. Бухольца. В конце 1990-х по решению горисполкома площади перед речным вокзалом присвоено имя Бухольца. Площадь переименовали, а дело до конца так и не довели, и автобусы ещё долгое время продолжали движение до остановки «Речной вокзал», несмотря на то, что с момента переименования прошло несколько десятков лет.

В заключительной заметке книги И. Петров приводит цитату замечательного отечественного историка Василия Ключевского: «Благодарность не есть право того, кого благодарят, а есть долг того, кто благодарит». Так будем же благодарны нашей славной истории, выдающимся землякам, будем хранить память о них, чтобы передать её нынешним и будущим поколениям омичей.

Центральное место в книге «О малой родине...» занимает заметка «**Отцовский сундучок, или о том, что болит**». Словосочетание «отцовский сундучок» указывает на семейную реликвию, обозначает предмет, передаваемый по наследству от родителей к детям. В данном случае олицетворением такого «сундучка» являются собрания легенд и преданий об Омске. Они воплощают в себе историческую память города, которая, по мысли академика Д. С. Лихачёва, является «фундаментом человеческой культуры».

Символика «отцовского сундучка» метафорична – означает наиболее ценное наследство, которое оставлено нам предшествующими поколениями, «золотой запас нашей духовности, сокровище на все времена». Это запас возрождает в нас лучшие человеческие качества, распрямляет совесть, пробуждает чувство гордости за свою малую родину, за страну.

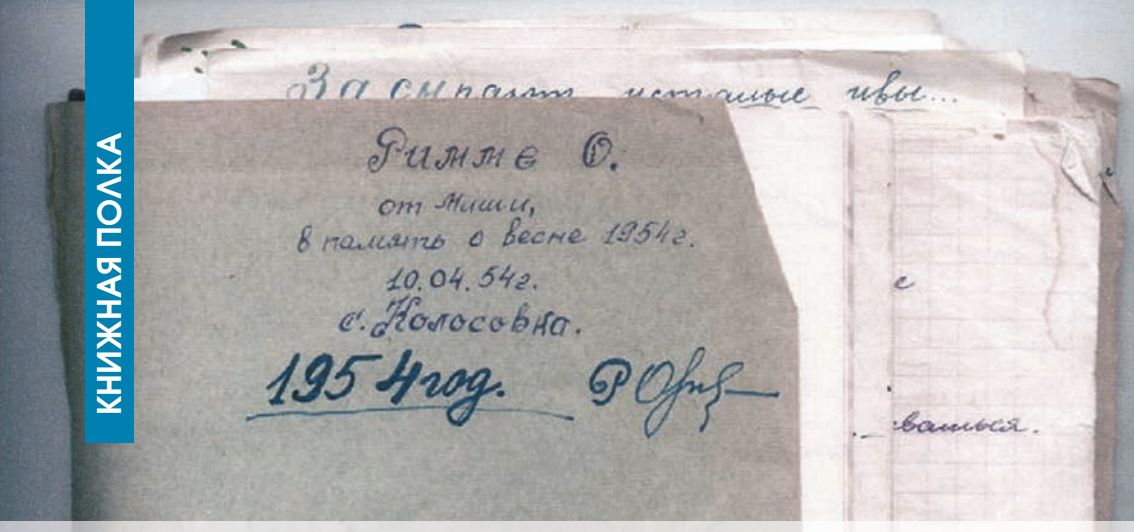
Выход книги «О малой родине и сыновнем долге» И Петрова вызвал многочисленные отклики читателей. Приведу лишь один из них, полученный от профессора, доктора исторических наук С. Черных: «Ваша книга, уважаемый Иван Фёдорович, вызывает у меня огромный интерес. Чувствуются заинтересованные размышления зрелого, много повидавшего и передумавшего человека. Вообще хочу сказать, что Ваши работы я широко использую в лекционном курсе по истории Сибири, в своих выступлениях перед молодёжью».

Писателя Ивана Петрова называют «сибирским летописцем», что вполне справедливо. Его книги по своей значимости сродни учебнику жизни, обращённому к потомкам, к тем, кто хочет знать историю своей малой родины, историю родного Отечества, они являют собой ярчайший образец высокой культуры исторического знания.

Общеизвестно, что без прошлого невозможно понять настоящее. Наша история – это то, благодаря чему мы живем сегодня, что оставим нашим потокам завтра. Имеющимися знаниями об истории и культуре нашего края мы – омичи – во многом обязаны писателю – очеркисту И. Ф. Петрову.

Изучение литературного наследия И. Ф. Петрова без сомнения будет способствовать восстановлению исторической памяти и осмыслению современной жизни Сибири.

Всех, кто интересуется вопросами краеведения, желает познакомиться с библиотекой писателя, мы приглашаем в Центр краеведческой информации библиотеки имени А. С. Пушкина (ауд. 229).

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ ПОЭТА МИХАИЛА БЕЛОЗЁРОВА

Александр Тихонов

В фондах библиотек Омской области немало сборников стихов местных авторов. Одни поэты хорошо известны жителям региона, а творчество других популярно лишь в родных районах. Один из поэтов, чьи стихотворения известны далеко не каждому, – Михаил Авдеевич Белозёров. Михаил Белозёров – человек разносторонний. Он – поэт, на счету которого помимо двух авторских книг множество газетных публикаций, талантливый журналист, радиоведущий.

В Омской государственной областной научной библиотеке им. А. С. Пушкина и на малой родине поэта – в Тарской центральной районной библиотеке хранятся его книги стихов «Я – не плачу! Я – люблю!», «Не улетайте рано, журавли» (Омск, 2005 г.). Хочется подробнее рассказать об этом удивительном человеке.

Короткие биографические справки поэтических антологий способны лишь в общих чертах поведать о творческой личности. Чтобы понять, как проходил про-

цесс становления поэта, нужно заглянуть в архивы, в том числе семейные, сопоставить вехи жизненного и творческого пути. Эти материалы, собранные воедино, дают нам возможность добавить новые штрихи к портрету яркого журналиста, поэта.

Михаил Белозёров родился 16 ноября 1935 г. в деревне Скатово Орловского сельсовета Тарского района в большой крестьянской семье и в силу житейских обстоятельств был оставлен на воспитание в семье родителей отца, где росли ещё два младших брата и две сестры. «Мама, – вспоминал Белозёров, – жила невдалеке и лаской, нежностью, материнской любовью ни грамма не обделила меня в сравнении с двумя младшими братьями, которые были с ней всегда рядом».

В 1942 году отец Авдей Павлович, работавший председателем Кольтюгинского сельсовета, ушёл на фронт и в этом же году погиб под Старой Руссой. Главной реликвией для семьи Белозёровых стали письма с фронта, написанные Авдеем Павловичем и его родным братом Павлом Павловичем. Это о них пишет поэт:

... В них - вой пурги и плач седых берёз,
И свист свинца, что метит в сердце прямо...
И буквы расплылись от горьких слёз,
Что не смогла унять когда-то мама.

Увязанными в небольшой пакет,
Рукой потрогав, прежде, чем молиться,
Их бабушка Авдотья сорок лет
В святом хранила месте - на божнице...

Михаилу с малых лет пришлось изведать тяготы жизни в глубоком тылу. Держался тыл на женских и детских плечах. «Мама из тех женщин, – писал Белозёров, – которых судьба так придавила работой, бедами и заботами с детства и чуть ли ни до сей поры, будто на них испытывался предел физических и духовных сил. Может, потому и сегодня она находит силы сказать мне: «Не суетись! Не спеши подпевать тем, кто кричит громче!..». Жизнь её прожита в святой вере в высшую справедливость, добро и милосердие. Этим она и сама полна». Обострённое чувство справедливости – то, что перенял от матери юный Миша Бело-

М. А. Белозёров

А. П. Белозёров (1913-1942)

зёров. Этим чувством пронизана каждая строка его стихотворений.

Детство прошло в селе на берегу реки Оши. Первозданная сибирская природа всецело способствовала взращиванию в юноше поэтического дара. Многим позже, вспоминая таёжное детство, он писал: «Речка Оша – это наше детство, второй дом всех ребятишек нашей деревеньки. Да в нашем краю деревень без Оши почти не было. В тёплое время ловили рыбу... Летом купались «до посинения». Осенью – катание на самодельных коньках, зимой – на лыжах с крутояра почти в центре деревни».

«Из праздников детства запомнились два. Первый, когда учительница Нина Ивановна Зубова дала мне почитать большущий том Пушкина, выпущенный к 100-летию со дня смерти поэта. Книга была такая, что в обхват я еле донес её от квартиры учительницы до дома через огороды, тальники и Ошу. Помню, лежала книга на столе, а я любовался ею у горячей железной печки. Коленкоровый переплёт в тепле слегка отпотевал, и я старательно протирал его не то полотенцем, не то салфетками с божницы. Большего чувства личного богатства (духовного или материального – я в этом тогда не кумекал) я в жизни не испытывал. Второй праздник, когда учительница литературы Мария Васильевна Чемова в 5 классе читала при всех мои стихи...».

С 1949 года Михаил Авдеевич жил в с. Васисс, где познакомился с выпускником Тарской культпросветшколы Леонидом Чашечниковым, направленным в сельский клуб художественным руководителем.

«Лёша квартировал у какой-то старушки, а когда установилась твёрдая майская теплынь, мы перетащили свои матрацы на чердак дома, в котором я жил. <...> Мой новый друг больше говорил, потому что он больше знал. От него я услышал впервые про Есенина, которого в те поры не только не печатали, но даже не упоминали его имени в школьных учебниках. Он по натуре был влюбчив. Влюблялся быстро и сразу, как говорят, «на всю катушку». Дней через несколько на чердаке он серьёзно попросил меня послушать и сказать своё мнение. Тут же заиграл баян, и Лёша запел, пытаясь делать это весело, но получалось печально: «Ну не хмурь же ты брови свои, нам с тобою поют соловьи...». «Это – не Есенин, – сказал Лёша, допев до конца. – Это – Леонид Чашечников. Причем, с собственными словами и музыкой». Я потом, усмехнувшись, добавил: «Между прочим, и собственным исполнением...».

Вскоре, живя в селе Колосовка, Михаил начал писать первые робкие строки о любви, адресованные девочке Римме Орёл. Его тетрадь стихов 1952-54 годов, многим позже озаглавленная «Роман в стихах», – признание в любви той, кто станет супругой и верным другом на долгие годы. В 1954 году Михаил Белозёров подарил тетрадь возлюбленной на день рождения:

... А потом начались поздравления,
кто помаду дарил, кто духи,
Кто поэтов больших сочинения...
Я же – собственные стихи.

На листочке и без заглавия,
Перечёркнуты множество раз.
Но «спасибо!» большое самое
Я прочёл в теплоте твоих глаз...

По окончании средней школы в 1955 г. Михаил Белозёров был призван в ряды Советской Армии, в Колосовку вернул-

ся после окончания службы в 1958 г. В феврале 1959-го принят на работу в районную газету «Заветы Ильича». В 1962-ом направлен ответственным секретарём Тевризской межрайонной газеты «Правда Севера», в 1964-ом принят собкором в областную газету «Омская правда». С 1967 г. работал преподавателем Тарского СПТУ-25, директором кинотеатра «Родина», корреспондентом и диктором районного радиовещания, ответственным секретарём районной газеты «Ленинский путь».

Менее чем за десять лет судьба даёт Белозёрову главное, без чего поэт состояться не может – жизненный опыт. Работая в редакциях газет, он чувствовал «пульс эпохи», отчётливее многих видел проблемы и чаяния людей:

Газетные строки, газетные строки –
История прожитой Нами эпохи!
Эпохи счастливой, и сложной, и страшной,
Но всё же эпохи – не чьей-то, а нашей!

Не потеряться в жизненной круговерти поэту помогала его семья – супруга Римма и сыновья Вадим и Игорь.

М. Белозёров в годы армейской службы

«Жизнь творчески одарённых людей, – вспоминает супруга поэта Римма Владимировна, – очень трудна. Бытовые каждодневные заботы им чужды. Острые ощущения, эмоции, вдохновение у них вызывают природа, дети, верные друзья, приятные воспоминания, красивые женщины... Желание и талант творить во многом осложняют жизнь близким, но ещё больше их собственную жизнь. Поэтому были в жизни и ссоры, и непонимание, и упреки, которые нашли отражение в стихах...»:

...После ссор ты была любимей, да и
я был сильней любим.
Надувала ты губы строго, щёки
вымазав краской с глаз,
Но мирились мы, и в итоге это всё
веселило нас...

Своего первого авторского сборника ждать пришлось долго. Лишь в 2001 году из печати вышла книга «Я – не плачу! Я – люблю!». Наверное, именно благодаря долгой выдержке она оказалась зрелой и разноплановой.

Поэт с тревогой ожидал читательской реакции на книгу, сомневался, примут ли её. «Понимаю, – писал он в предисловии, – что с её тематикой не так просто добраться до тебя, Читатель, в пору, когда на телеэкранах и страницах множества книг ненависть и жестокость, ножи и пистолеты, убийства и кровь, жадность и

лицемерие, когда святейшее из святых чувство Любви превращено в способ наживы и низведено до самой оскорбительной низости». На страницах книги Белозёрова во главу угла поставлена Любовь, словно в противовес циничности мира. Здесь вспоминания о детстве и маме, о друге Леониде Чашечникове и наставнике Якове Горчакове. И, конечно, стихи о Таре – городе, который он полюбил всей душой. Свой телефонный номер и адрес на страницах книги поэт указал не случайно. Он ждал откликов.

В предисловии ко второй книге «Не улетайте рано, журавли», вышедшей за год до смерти поэта в 2006 году, Белозёров анализирует читательскую реакцию на первую свою книгу. О своей первой книге он, напишет, что она «не ожидала такого радушного приёма, такого доброго и тёплого читательского отзыва, потому и вошла в жизнь с такой радостью, не поделиться которой с добрыми людьми просто невозможно».

Там же, в предисловии к книге «Не улетайте рано, журавли» автор признался: «...Спешка, с которой делалась книга, потребовала немало лишних сил, а это обострило хронический бронхит, потому на сочинительстве постепенно планировалось поставить точку. Путешествие по больничным палатам удовольствия не

М. Белозёров

Р. В. Белозёрова

приносит, но рождению стихов способствует. Правда, оптимизма в тех стихах немного. Да и жизнь приносила события всё чаще печальные, но так касающиеся души, что оставить их без стихотворного отклика было невозможно».

Строка, давшая название книге, одновременно – обращение в вечность и взгляд в прошлое.

Не улетайте рано, журавли,
В заморский край от отчего порога.
Ещё погрейтесь от родной земли
Перед нелёгкой и большой дорогой!
<...>
...Не торопитесь, стаи журавлей,
Надолго с отчим домом расставаться!..
Так не хочу, что на земле своей
Ждать буду вас, да не смогу дождаться!»

Поэт – это образ мышления, когда жизнь и творчество неразделимы, превращаясь в единый монолит – жизнетворчество. Не удивительно, что именно Михаил Белозёров написал о своём друге – поэте Леониде Чашечникове пронзительные и смелые строки. Это случилось, когда один из ярчайших поэтов эпохи ушёл из жизни и уже не мог ответить злопыхателям. За него ответил Михаил Белозёров:

Поэта нет. Но пересуды
Бьют по лицу, как в поле град:
И пил вино, и бил посуду,
И был по женской части слаб...
.....
Был безалаберным, но честным!
И не готовился к тому,
Какое средь поэтов место
Дадут на родине ему.
.....
И я уверен: не для вида,
Средь множества других имён,
По совести - не по обиде
Достойно будет назван он!..

В наши дни, когда творчество зачастую призвано потешить самолюбие автора, и каждый рвётся прогреметь на всю страну, стихи Белозёрова видятся мудрым советом поэтам сегодняшней эпохи и эпохи грядущей:

Я опять о своей малой родине:
Про деревню да крик журавлей,
Про дороги, что мной были пройдены
По моей материнской земле.
.....
Про нелёгкое детство холщовое,
Про отца, что убит на войне.
Знаю: мало поведаю нового,
И немного дано его мне.

Но не всем быть большими поэтами,
И не всем над Россией звучать!
Рад, что скромными строчками этими
Пел, как мог, я про Родину-Мать..

Михаила Белозёрова не стало в 2006 г., но его стихи до сей поры звучат на мероприятиях, музыкальные коллективы поют песни на городских и районных праздниках. Белозёров не прозвучал над Россией, как Пушкин, книгу которого он так бережно листал в детстве, не продирался он через мучительные тернии к вершинам творчества как друг детства Леонид Чашечников. Испробовав на своём веку «и соль земли, и сладкий сок берёз!..», он написал ясно и чутко о родной земле и живущих на ней людях, о детстве и юности, вписав в свои стихотворения не только собственную судьбу, но судьбу нескольких поколений земляков.

Сыновья М. Белозёрова на вечере его памяти. Фото 2015 г.

ШКОЛА ПУБЛИЦИСТА

ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ ПИСАТЕЛЯ И ЖУРНАЛИСТА ПЕТРА РЕБРИНА

Елена Петрова

Для студентов факультетов журналистики наиболее сложным в освоении учебной программы является раздел «Публицистика». Причём, если с изучением теории художественно-публицистических жанров и с основами жанрового анализа студенты в целом справляются, то выполнение заданий, связанных с применением публицистических приёмов, вызывает затруднение. И это понятно: обращаясь к публицистическому тексту как итогу творческих поисков автора, начинающему журналисту непросто разобраться в том, как рождается публицистический образ, в чём его принципиальное отличие от художественного. Поэтому важно предложить студентам материалы, которые покажут им сам процесс создания публицистического произведения: дневники и записные книжки публицистов, очеркистов, свидетельства коллег и героев публикаций о том, как они работали или работают.

В начале 2015 года в Омске вышла книга «Петр Ребрин: за и против». Это сборник, включающий как воспоминания об известном сибирском журналисте, очеркисте и писателе 50-80-х годов XX века, так и его собственные записные книжки, дневники, письма. Значимость книги трудно переоценить. Неслучайно автор-составитель книги Ирина Гладкова – заведующая редакционно-издательским отделом Пушкинской библиотеки стала серебряным лауреатом премии «Золотое перо Руси» – 2015. Книга была издана небольшим тиражом – 200 экземпляров и уже является библиографической редкостью, нуждается в переиздании, поскольку может стать настоящим учебником по публицистическому мастерству для молодых журналистов.

Раздел книги, раскрывающий творческую лабораторию Петра Ребрина, представляет собой прекрасный источник материалов для методических разработок преподавателя.

Пётр Николаевич Ребрин – писатель, публицист, работал в газете «Омская правда», на омском радио и телевидении. В среде омской интеллигенции он был человеком значительным. Так, доктор филологических наук Елена Акелькина во всту-

пительной статье пишет, что Ребрин был «своеобразным сознанием «оттепели» и «застоя».

Для коллег-журналистов он стал, прежде всего, эталоном профессиональной этики, профессиональной совести. Его очень любили коллеги-журналисты. И в этом было не только благоговение перед мастером (что наблюдалось со стороны совсем молодых коллег), но и очень тёплое дружеское чувство. Вот эпиграмма, написанная коллегами – радийщиками к 70-летию писателя и журналиста в 1985 году:

Говорят про Ребрина:
– Старина.
Много лет уж Ребрину.
– Ну!!?
Мы в огонь с ним,
С Ребриным.
В дым.
Но чтоб так о Ребрине! –
Не!..

Именно с этих шутливых виршей можно начинать знакомить студентов с жизнью и творчеством Петра Николаевича: такое неформальное представление героя позволяет сразу сделать близким человека другого поколения. Если рассказать студентам, что мы будем изучать не только очерки и публицистические произведения этого автора, но и его дневники, то есть личные, неформальные записи, то уместно апеллировать к опыту самих студентов как авторов онлайн-дневников, которые они, по сути, ведут на своих страничках в социальных сетях.

Материалы книги дают возможность проследить разные аспекты творчества Ребрина . Например, фронтовые дневники позволяют увидеть, как автор вырабатывает привычку «насыщаться самыми разнообразными впечатлениями», быть «охотником за деталями». Вот примеры зафиксированных в дневниках, основанных на наблюдении метафор: «Что-то чёрной рукавичкой метнулось в воздухе. «Кар-р! Кар-р! Кар-р!» – крикнула ворона...», «... в глубине одного из домов увидел свет. Скользнул он этак зайчиком, исчез, но тут же мелькнул снова» – это о том, как автор почти случайно обнаружил в лесу вражеские световые сигналы.

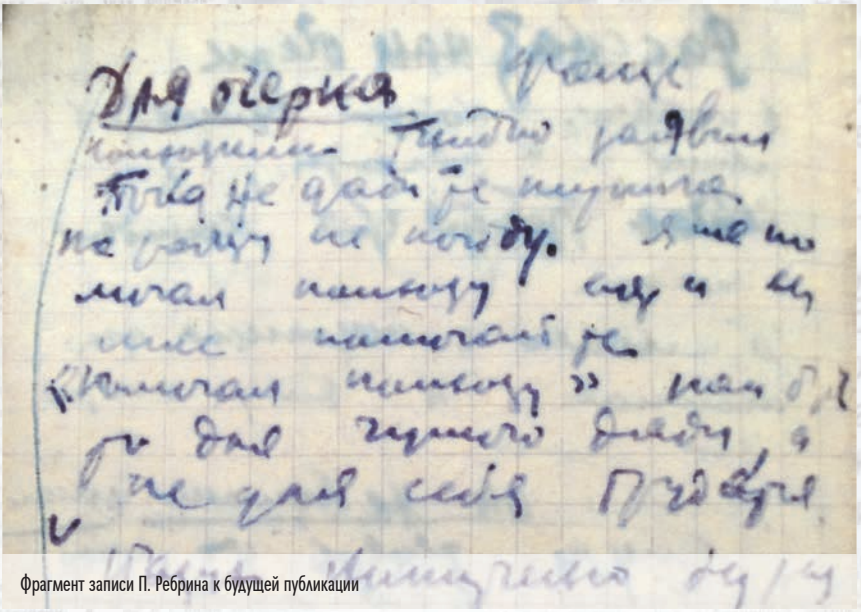
В марте 1942 года в одной из дневниковых записей он подробно описывает обнаруженные на отбитой у противника территории два трупа немецких солдат и отмечает, как противоречит это столкновение со смертью весеннему обновлению природы: «... булькает вода, струисто обегая два тела ... весело и беспечно, переливаясь, как живая». Отвечая на вопрос, почему именно эти детали важны автору, студенты приходят к выводу, что они отражают внутреннее состояние Ребрина. Аргументируя это, приводят такую цитату: «Вот ручей журчит, ворона орёт, снега истаивают, шар земной крутится. В этом заключена неистребимая незыблемость мира. И они вот тут лежат. И рядом мы молчим, жаждущие выжить и обязательно победить». Здесь уже стоит говорить и о том, как в публицистике рождается образ автора.

В книге можно найти благодатный материал для рассмотрения такого аспекта публицистического произведения, как авторская позиция, увидеть, как она меняется в процессе работы над материалом. Причём, автор проходит через подлинный внутренний конфликт. Так, когда в 1961 году ему предложили выступить в журнале «Журналист», рассказать о создании очерка «Свет от людей», в дневнике появилась следующая запись: «...мне этот очерк уже неинтересен. Теперь знаю, что пребывал в некоей тёплой купели и очерк тот писал, в ней находясь. Сейчас же каждый день заставляет трезветь и видеть тёмные стороны».

И далее: «Я не выдумал в этом очерке ни одного факта, ни одной ситуации, но не задел ничего, в чём обнажались бы существенные противоречия общества. ... Нет, я не обходил сознательно эти явления. Я просто их не замечал. Таким было моё сознание...».

И эта жёсткая оценка своего же произведения становится началом работы над новым очерковым циклом «Головырино, Головырино...», который перерос в документальную повесть. Мы можем увидеть, как автор преодолевает внутренний конфликт в процессе работы над новым очерком. «Головырино» жжёт, – признаётся он. – Напишу – может, обратят внимание».

Но, преодолев внутренний конфликт, автор сталкивается с конфликтом реальным. Честный, глубокий взгляд на

Фрагмент записи П. Ребрина к будущей публикации

социальные противоречия, затронутые в цикле «Головырино, Головырино...», опубликованном в журнале «Наш современник», вызывал разлад с властью. Тираж журнала был уничтожен.

И сам публицист, и близкие ему люди вспоминают, какой жёстокой критике вплоть до публичного осуждения подвергся Ребрин. Этот раздел книги даёт преподавателю богатый материал для разговора со студентами об общественной значимости публицистики, о готовности публициста отстаивать свою позицию, о влиянии публицистики на общество, о её действенности.

Есть в дневниковых записях фрагменты, которые показывают, как публицист не только фиксирует жизнь, но и стремится в неё вмешаться. Вот, приехав на колхозное поле, он останавливает посевной агрегат, поскольку видит, что работы идут на необработанном от сорняков поле; требует, чтобы провели культивацию, удалили сорняки и только после этого сеяли. Но и на этом не успокаивается его натура созидателя: «Я записал: «Поле за Чувашкиным озером. Пятьдесят два гектара. Посмотреть, что будет осенью». И эта активная жизненная позиция осталась присуща автору уже после разгрома «головыринского» цикла!

На примере самой документальной повести «Головырино...» интересно проследить, как дневниковые впечатления превратились в публицистическое произведение, как они обобщаются, превращаясь в непростые размышления автора о проблемах сельского хозяйства.

Так, в одной из дневниковых записей упоминается некий Черноштан. Этот человек подбил группу односельчан бросить работу в поле только потому, что председатель колхоза с ними не поздоровался». Что стоит за этим демаршем? В дневниковых записях – не только диалог с героем, не только ярко выхваченные детали его быта, но и первые предположения о причинах случившегося. Протестует Черноштан, по мнению автора, не столько против конкретного человека, сколько против определенного типажа – «человека в белых валенках». «Он ведь существует, этот тип ... который некогда пахал и сеял, но, как только в руках его оказался портфель,

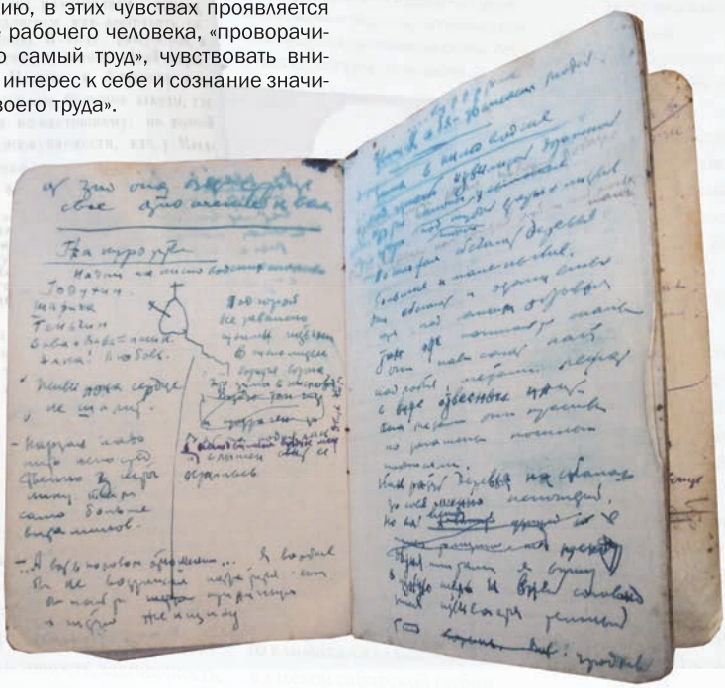
так сразу же стал он свысока относиться к тем, кто ходит за плугом. Можно сказать, он выделился из народа для того, чтобы отделиться».

Однако делать окончательные выводы автор не торопится: «Иные очеркисты при разработке серьёзных тем руководствуются мимолётными, случайными впечатлениями, не утруждают себя поисками глубинных процессов и, не задумываясь, хватают то, что лежит на поверхности. Мне не хотелось оказаться в такой роли. Очеркист – это историк, убеждаю я себя... Нельзя спешить, надо быть вдумчивым».

Результаты этой вдумчивой работы мы видим в самой документальной повести. Здесь автор поднимается до рассуждений о крестьянском характере: «Я не раз замечал, что крестьянин, занятый работой, всегда очень охотно, обычно с весёлой живостью и достоинством отвлекается на ваше приветствие... Но если к нему отнесутся свысока, он всегда платит презрением и очень жестоким. По моему разумению, в этих чувствах проявляется желание рабочего человека, «проворачивающего самый труд», чувствовать внимание и интерес к себе и сознание значимости своего труда».

Но герой не становится лишь иллюстрацией типичного, в нём остаётся полнота индивидуального характера. В повести Черноштан выведен рельефнее, чем в дневниках: он ищет справедливости и находится под властью уязвлённого самолюбия. Образ его противоречив, и автор показывает, отчего сформировались эти противоречия.

Обращение к рабочим материалам талантливого писателя, публициста и журналиста даёт преподавателю материал для рассмотрения различных аспектов публицистического творчества в ходе практических занятий со студентами. Но книга – не только отличное методическое пособие. В ней он преподаёт молодым публицистам уроки профессионализма, но, прежде всего, – уроки человеческого самостояния, личностной состоятельности. Большое счастье для преподавателя быть проводником этих знаний, жизненного опыта такой крупной личности, как Пётр Николаевич Ребрин.

Записная книжка П. Ребрина

НАЙТИ ТВОЁ
ЗЕМНОЕ ОТРАЖЕНЬЕ...

НАЙТИ СВОЙ ДОМ...

... Одна надежда – на Твою любовь
И на Твою немыслимую милость.
Г. Кудрявская

В сентябре 2015 года в конференц-зале Пушкинской библиотеки в торжественной обстановке прошла презентация книги Г. Б. Кудрявской и А. М. Лосунова «Найти Твоё земное отраженье...». Омский собор Воздвижения Креста Господня. Инициатива подготовки и выпуска этого издания принадлежит настоятелю храма Воздвиженья Креста Господня – протоирею Олегу Цветкову.

Выход книги приурочен к 150-летию со дня заложения Крестовоздвиженского собора и 145-летию со дня его освящения. Вошедшие в неё материалы основаны на исторических источниках, рассказах служителей и прихожан. Издание содержит множество уникальных фотодокументов, в том числе из личного архива её авторов. Ряд исторических материалов и фотографий публикуется впервые. Для жителей нашего города и области оно является своеобразным подарком к предстоящему юбилею – 300-летию города Омска.

Страницы книги, посвящённые юбилейным датам жизни одного из старейших храмов Омской епархии, повествуют о долгой и противоречивой истории храма, чудом избежавшего разрушения в советское время. Отдельные главы посвящены непростым судьбам людей, служителей и прихожан храма, являющихся частью духовной истории собора. Читатель сможет узнать подробную информацию об этих людях.

Авторы Галина Кудрявская и Александр Лосунов торжественно передали книгу Пушкинской библиотеке. Любой читатель, придя в библиотеку, имеет возможность познакомиться с этим уникальным документом. Для омичей эта книга является своеобразным подарком к 300-летнему юбилею города.

ЖИЗНЬ ХРАМА: ИСТОРИЯ, ОТРАЖЁННАЯ В ВЕЧНОСТИ

Читатель, знакомый с книгами омского прозаика и поэта Галины Кудрявской, хорошо представляет себе черты её художественного мира, его особенные, неповторимые приметы. Имя автора на обложке сразу возродит в памяти и лирическую интонацию, и исповедальный тон, и специфическую документальность, пропущенную через авторское восприятие, всегда острое, чуткое, взволнованное. Нет ничего более чуждого творчеству Галины Борисовны, чем бесстрастная суховатая констатация факта. Уже в выборе материала, в направленности взгляда

на определённые ситуации и конфликты сказывается настрой души автора, в слове которого соединяются исповедь и проповедь. Автором движет упорное стремление раскрыть перед читателем своё понимание и взволнованное переживание истины, глубины личного религиозного опыта. Тем неожиданней (лишь на первый взгляд) кажется новая книга Галины Борисовны Кудрявской, написанная в соавторстве с историком Александром Матвеевичем Лосуновым[1].

В аннотации к изданию очень точно определена его специфика: «книга, посвящена юбилейным датам одного из старейших храмов Омской епархии – Крестовоздвиженского собора, основана на исторических источниках, приходском предании, рассказах служителей и прихожан церкви, повествует о долгой и многотрудной истории храма, чудом избежавшего разрушения в советское время. ... Жизнь храма представлена и через непростые судьбы людей, ищущих пути к Богу и Храму» (стр. 2). Читателям – причастным и не причастным церковной жизни, историкам и краеведам, любителям истории, просто жителям Омска – известны труды, рассказывающие об Омской Епархии, её священнослужителях и храмах. В книге Г. Б. Кудрявской и А. М. Лосунова с подлинно научной добросовестностью приводятся эти труды (издание сопровождает солидный библиографический список). Упомянуты работы омских исследователей: В. П. Вибе, Н. И. Лебедевой, А. В. Жука, В. Г. Рыженко и др., есть ссылки на исследования российских историков, приводятся архивные источники. Но оригинальность книги Г. Б. Кудрявской и А. М. Лосунова не исчерпывается научной достоверностью изложенной в ней информации. Это лишь необходимый минимум доброкачественности. Самобытность замысла раскрывается в предисловии «Как начиналась эта книга», написанном Галиной Борисовной Кудрявской. «Приняв благословение от отца Олега (нынешний настоятель Крестовоздвиженского собора протоирей Олег Цветков – М. Ш.), конечно, я задумалась над тем, как строить книгу. Батюшка предполагал книгу не историко-краеведческую, хотя от истории никуда не уйдешь, но – публицистическую, живую, наполненную жизнями людей, для которых наш храм стал родным домом, тех, кто служит в храме, и просто прихожан. Да я и не учёный краевед, просто человек, которому дал Господь какую-то способность чувствовать, мыслить и выражать чувства и мысли словами, делясь ими с другими людьми. Поэтому я должна была всю историю нашего храма, пути к нему людей, пути их к Богу, самые разные, пропустить через своё сердце, открыть его, не страшась, как на исповеди, потому что у меня есть и своя история пути к Богу и Храму, пути «падений и восстаний». Хорошо, что нашёлся второй автор – историк, краевед А. М. Лосунов, так что книга будет на два голоса ...» (стр. 5).

А. М. Лосунов

«Многоголосие» – главная характеристика замысла, и, благодаря разным звучащим в ней голосам (не только соавторов, но и многих живших в прошлом и ныне живущих людей), книга отличается какой-то особенной «жизненностью».

[1] Г. Б. Кудрявская, А. М. Лосунов. «Найти твое земное отраженье...». Омский собор Воздвижения Креста Господня / Под общей редакцией протоиерея Олега Цветкова. - Омск: Издательский дом «Наука», 2015.

Если это история – то история живая, пристрастная, искренняя и волнующая, как будто созданная «коллективным субъектом», говорящая языком очевидцев, документов, преданий. Может быть, не всегда «голоса» сливаются в совершенном строе, разнохарактерный материал создаёт стилевые перепады. Нет в книге «приглаженности», но нет в ней и императивности, назойливой назидательности. Зато после её прочтения возникает чувство единой живой истории – храма, его предстоятелей и прихожан, города, страны.... Ведь что такое история? Всеобщая жизнь людей, – ответил Л. Н. Толстой. А для авторов и персонажей книги эта жизнь неотделима от Священной Истории.

Достаточно прочесть оглавление, чтобы осознать, какой огромный и разнородный материал должна была вместить книга. Документальные материалы, в которых запечатлена история собора, охватывают период в полтора века. Свидетельства прихожан храма, записанные Галиной Кудрявской, – «живая» история прошлого и нынешнего времени, полная невыдуманного драматизма. События и люди, государственные чиновники и церковные деятели, жертвователи и строители, клир и прихожане, трудящиеся при храме и юродивые... Из документальных материалов и рассказов очевидцев вырисовываются образы, судьбы людей, причастных к истории Храма Воздвижения Креста Господня, воссоздаются обстоятельства их жизни, подробности служения. У истоков истории храма стоит омский протоирей Стефан Знаменский (впоследствии канонизированный Святой Праведный Стефан Омский). С тысяча восемьсот пятьдесят восьмого по тысяча восемьсот шестьдесят пятый год он будет собирать пожертвования на строительство, а потом – освящать и закладку храма, и уже построенный в тысяча восемьсот семидесятом году храм. Купец Григорий Андреев, благотворитель и подвижник, своими пожертвованиями и трудами способствовал построению храма. Его имя стоит рядом с именем генерала - губернатора Западной Сибири Х. Г. Гасфорда. С его письма – обращения к епископу Тобольскому и Сибирскому о необходимости строительства новой церкви в городе – начинается документальная история храма.

Г. Б. Кудрявская

Огромная галерея «исторических» персонажей открывается перед читателем книги. Среди них и известные имена государственных и церковных деятелей, и имена людей, которые никогда не будут упомянуты в исторических документах – а ведь таких большинство, простых прихожан, без них невозможно представить существование собора. Все, чья жизнь связана с храмом, причастны истории.

Авторам удалось привлечь огромный и разнохарактерный материал и не потеряться в нём. И без особого искусства, как будто «сам собой» разнородный материал складывается в обширную историческую панораму. Досоветский период в истории Крестовоздвиженской церкви рисуется на фоне общей церковной жизни города Омска. Здесь убедительно, с документальной достоверностью показана просветительская деятельность выдающихся иерархов Омской епархии и настоятелей храма. Сильнейшее впечатление производит краткий очерк событий из жизни храма в первой половине двадцатого века. Он почти лишён комментариев, факты говорят сами за себя. Катастрофические события эпохи «большого террора» отражены в судьбах настоятелей храма – арестованных по доносам, осуждённых, сосланных, расстрелянных. В этих главах книги скупые документальные свидетельства острее подчеркивают трагизм человеческих судеб, абсурдность

Колокольный звон на презентации книги

происходящего, абсолютное, казалось бы, торжество «мнимых величин» зла. Бытует суждение о том, что в эпохи террора не бывает героев, только жертвы, потому что большинство не только не сопротивляется, но и не осознает преступности и бессмысленности происходящего. Но, внимательно вчитываясь в истории преследуемых священников, видишь в них не только жертв режима. В общих рядах мучеников они, может быть, единственные по-настоящему способные на сопротивление злу, потому что «стоят» на своей вере, своей правде.

Не лишена драматизма и послевоенная история храма; в ней отражена двусмысленная политика власти в отношении к религии и церковной жизни. Церковь можно использовать, когда это необходимо, в интересах государства – такова причина сталинского «церковного возрождения» в годы Великой Отечественной войны. И можно вновь усилить гонения (не столь суровые, но унизительные, глумливые) в период хрущевского правления, когда истерия коммунистической утопии вновь овладела умами «государственных» людей. Читая эти главы, задумываешься о серьёзной и актуальной проблеме: возможности восстановления утраченной симфонии государственной, общественной и церковной жизни. Это проблема цивилизационная, о ней задумывались мыслители девятнадцатого – двадцатого веков: Ф. М. Достоевский, К. Н. Леонтьев, И. А. Ильин, о. Сергий Булгаков. Незамысловатые рассказы очевидцев и бесстрастные документальные свидетельства времени, собранные в книге Кудрявской и Лосунова, заставляют задуматься о неразрешённых до сих пор коллизиях отечественной истории.

Но в лучших разделах книги как раз достигнута симфоничность звучания «голосов» документа и живого свидетельства очевидца. Таковы страницы из главы о настоятелях храма, содержащие краткое жизнеописание протоирея Иоанна Мельника, более сорока лет прослужившего настоятелем Крестовоздвиженского собора. Это один из самых запоминающихся фрагментов книги. Авторы вносят каждый свой материал, и скупые документальные сведения, сочетаясь с взволнованным рассказом потрясённого свидетеля (история удивительной кончины священника в храме, во время богослужения), создают образ замечательной личности. Но не только: эти страницы вводят читателя в реальность повседневной жизни церковной общины, позволяют почувствовать особую духовно-эмоциональную содержательность, значительность этой жизни, даже в её повседневности.

В связи с этим необходимо отметить особую роль в композиции книги раздела «Большая родня», написанного Галиной Борисовной Кудрявской. Не случайно этот раздел не привязан к отдельному ограниченному «куску» текстового пространства; он движется, проходит пунктиром, связывая главы книги в единое целое... Материал разрастается, автор как будто не может остановиться, и кажется, что ещё много осталось за рамками текста; как говорится, продолжение следует.... Не удивительно это размывание границ: ведь в разделе рассказывается о тех людях, с которыми автора свела и объединила общая церковная жизнь. Обо всех

причастных жизни собора: настоятелях и священниках, певчих и дежурных по храму, многих поколениях прихожан.

Человек, не причастный церковной жизни, с удивлением обнаруживает, что жизнь собора держится на труде и послушании, исполнении разнообразных служб, не только на молитвенных трудах, но и на повседневной заботе о своём доме - храме. И вся эта жизнь проникнута радостью Богослужения, объединяющей клир и прихожан, пронизана чувством соборности. Это «любимая» мысль соавторов книги. Её выражению служит не только повествовательный, но и иллюстративный материал. Он заслуживает особенной похвалы. Обширный и разнообразный ряд фотографий, старинных и современных, тщательно отобранных, продуманно выстроен. Иллюстративный материал придаёт книге красочность и наглядность, какую-то «оживлённую» документальность. Вот они, персонажи книги: храм с его одухотворённым обликом, прекрасной архитектурой и интерьером; прихожане – старики, молодёжь, дети. Вот город, в котором разворачивалась история собора: улицы, ведущие к храму, деревья цветы, птицы, небо, облака... Круговорот природы и цикл церковных праздников, Лето Господне...

Особый характер документальности книги Г. Б. Кудрявской и А. М. Лосунова и есть её художественное достижение; в нём воплощена специфика замысла, его оригинальность. Свидетельствовать о нераздельности существования мира и Бога, показать единство и непрерывность процесса Богообщения. Как бы ни сопротивлялась этому единству история, какие бы тяжёлые препятствия не выдвигала. Истинность внутреннего опыта воцерковлённого человека и реальность соборного существования соединяются и становятся убедительным основанием авторской идеи. Трудно определить жанр книги, объяснить естественность и необходимость некоторой «нестыковки» разнокачественного материала, «произвольность» композиции. Но такая, как она есть, не вписывающаяся в рамки жанра, открытая и незавершённая, книга действует сильней, непосредственней и, безусловно, найдёт заинтересованного читателя. И, может быть, почин авторов книги найдёт продолжателей. Ведь каждый храм, кроме общей, вечной жизни, имеет свою неповторимую историю.

Миньона Штерн

В алтаре протодиакон Анатолий Дмитриев и иерей Владимир Ковалёв

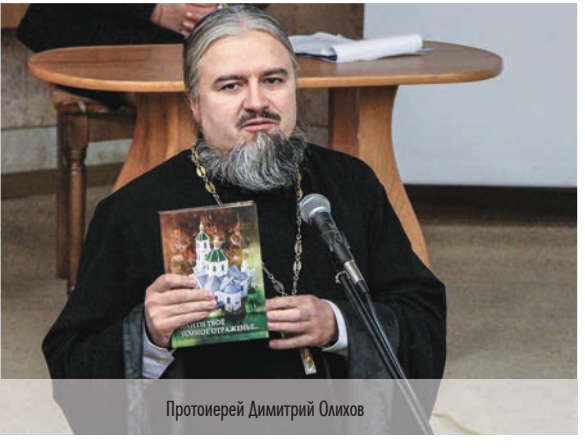
«ПРОСВЕЧЕНО СВЕТОМ ЛЮБВИ ...»

Большая книга об одном из старейших храмов Омской епархии создана истинно верующими, воцерковлёнными людьми, наделёнными не только знаниями, но ещё и талантом, художественным – Галина Борисовна Кудрявская, жаждой историко-краеведческого познания, проявившейся с юношеских лет – у Александра Матвеевича Лосунова.

Актуальность издания, серьёзного по замыслу и оригинального по методу сбора материалов и исполнению, обусловлена и временем выхода книги к 150-летнему юбилею закладки храма, сумевшего устоять живым в советские годы гонений, в целую историческую эпоху, такую трудную для православия в России.

Содержание книги, её направленность отвечают необходимости масштабного возрождения христианской веры в обновляющейся стране. Понятно, что авторам книги понадобились разнообразные разыскания истины в работе над книгой: обращение к историческим и архивным источникам, приходским преданиям и, что особенно ценно, более того, – уникально: к записи живых и всегда очень искренних, исповедальных рассказов о себе, своей жизни и судьбе прихожан храма и его служителей.

Суть оригинальной концепции понимания авторами задачи, поддержанной их духовным наставником и редактором тома протоиереем Олегом Цветковым, – в воссоздании не только внешней, фактографической истории храма, не только в знакомстве с его интерьером и архитектурой, но в том, что акцент большого исследования и описания сделан на душе собора, его сердечной жизнедеятельности: а именно на судьбах людей, которых храм соединил в одну большую, родную, семью и скрепил это единство любовью. Книга написана «на два голоса», хотя голосов и сознаний, в ней представленных, несравненно больше. В этой уникальной полифонии повествования читатель знакомится со множеством судеб, с непростым обретением Веры в атеистической стране, не теряется и двуголосие авторов: строгая, суховатая описательность историка-краеведа и лиризм писательницы и поэта. Такая сложная полифония рассказывания воссоздаёт глубину и многогранность восприятия излагаемого материала, масштабность его контекста. В историческом поле храма оказываются многие люди большой страны. Тут и губернатор Гасфорд, и протоиерей, настоятель Воскресенского собора в Омске Стефан Яковлевич Знаменский, почитавшийся в народе святым как при жизни, так и после смерти, и Иоанн Кронштадтский, и ссыльные в Сибирь декабристы, и Достоевский, и ещё много-много других... Авторам книги важно было сосредоточиться на том, что так или иначе непосредственно связано с жизнью и историей храма.

Протоиерей Димитрий Олихов

Понятно сожаление строгого редактора книги Л. В. Новосёловой о том, что остаётся неясным, кто же строил храм, какие, конкретно, люди. Пока эти сведения не обнаружены в архивах.

Но это замечание, разумеется, носит частный характер и нисколько не умаляет содержательной значимости книги, цельности её стилистики. Вся она прочно скреплена в единое целое главными своими темами: Вера в Бога и советская власть; Вера и праведная жизнь; то, как наши соотечественники приходят к Вере, особенно когда тоскуют по истинно духовной жизни...

И ещё главенствуют в книге Г. Б. Кудрявской и А. М. Лосунова мотивы христи-

анского сострадания и сердечной любви к человеку. И потому авторы постарались никого не забыть: так, существенны не только рассказы о предстоятелях Омской епархии — знаменательно, что глава книги о настоятелях Крестовоздвиженского храма сменяется трогательным повествованием о цельном человеке Матрёне из прачечной при церкви – та сорок шесть лет служит здесь и молится, несуетливый, скромный, светящийся внутренним светом праведный человек. Все они – большая родня: митрополиты, священники, прихожане, блаженные и нищие у паперти, клирошане и трудники в послушании у любимого Храма. Единая семья. Иному читателю это может показаться преувеличением, рождённым и оправданным высоким романтизмом влюблённости в свой храм авторов. Но это не так. Тёплое, человечное слово, определяющее сущность этой книги, есть выражение целостности и задушевности христианского мирочувствования и тех, кто создавал книгу, и тех, о ком она написана. Искренние, часто бесхитростные рассказы-исповеди священников и прихожан о своей судьбе, семейных историях, трудностях и бедах, преодолённых обретением Веры и храма, ставшего родным домом, служат всякий раз подтверждением общему впечатлению.

Теплом пронизаны и лирическая проза Галины Кудрявской, и её стихи, органично вошедшие в единое коллективное повествование. Хорошо также, что Кудрявская не только благостна в своём рассказе о себе, грешной, и столь дорогих её сердцу людях храма. Все они: и батюшка Андрей Пасынков, и братья, и сёстры по вере – живые, земные, и тоже могут быть грешными, не всегда терпеливыми, сомневающимися, но живущими в сердце принятой православной вере. И потому определяющий колорит жизни многочисленных персонажей этой книги – душу просветляющая любовь: «тут всё просвечено светом любви». Отсюда такая пристальная внимательность к каждой человеческой судьбе, желание авторов, чтобы как можно больше тех, кто составляет семью храма, сказал о себе. Приведу лишь некоторые из многих, но характерные факты. У клирошанки Юлии Валентиновны Успенской перед Пасхой

В момент богослужения

родился внук. Сколько ликования было в тот день на клиросе! Или характерное признание автора, Г. Б. Кудрявской: «Начинаю о ком-нибудь писать, и первые слова просятся: она такая красивая...», или откровение одной из героинь книги: «...Я так рада, что мне в жизни встретился батюшка Иоанн. Он был такой сердечный, настоящий отец...» Она говорит, а глаза сияют добротой...», – комментирует один из авторов этой удивительной, светоносной книги.

Живая Вера – это живая любовь к ближнему. Живая она в России — наперекор XX, кровавому веку, попыткам убить, уничтожить физически и морально веру и православие в огромной стране, наперекор вернувшемуся в Россию «дикому» капитализму рубежа двух столетий, знающему на этапе своей «молодости» только одну свободу – крайнего индивидуализма. Но жива Вера, жив и храм любовью не к себе, но к Богу и ближнему. И в этом я вижу самую насущную необходимость, нравственно-социальную актуальность появления ныне этой книги. Мои сердечные поздравления с успешным завершением столь важного труда, предпринятого по благословению омского священства и рекомендованного к публикации Издательским советом Русской Православной Церкви. Для авторов книги, возможно, труда всей их жизни.

Вадим Физиков

«ВРЕМЯ И ГОРОД: ОМСК XVIII– СЕРЕДИНЫ XX ВЕКОВ В ОПИСАНИЯХ СОВРЕМЕННИКОВ»

К 300-летию Омска задумано немало юбилейных изданий – красивых альбомов с видами старого и современного города, популярных книг по его истории, материалов научных конференций и монографий, сборников архивных документов. В подготовленном Пушкинской библиотекой сборнике «Время и город: Омск XVIII – середины XX в. в описаниях современников» нет популярных пересказов и научных версий, но собраны уникальные свидетельства очевидцев жизни Омска на протяжении трёх веков его истории. Эти материалы (письма, дневники, воспоминания, путевые заметки, художественные тексты) привлекательны тем, что эмоциональны, окрашены личностным восприятием, в них запечатлён живой отклик на события городской жизни во всём их разнообразии.

Омск – крепость XVIII в. мы увидим глазами известных зарубежных учёных: историка Г. Миллера, географов И. Гмелина и П. Палласа, которые путешествовали по стране в составе научных экспедиций, а также строителя второй Омской крепости И. Шпрингера. Омск XIX в. предстаёт в описаниях декабристов Н. Басаргина и В. Раевского, основоположника анархизма в России князя П. Кропоткина, путешественника П. Семёнова-Тян-Шанского, уроженца Занзибара Салима бин Абакири, французского писателя-фантаста Ж. Верна и других. Омск начала XX в. дан в описаниях корреспондента французской газеты, участника автопробега «Пекин-Париж» Л. Барцини, автора первого в России учебника «Родиноведение» А. Седельникова, высших чиновников Правительства адмирала А. Колчака, поэта Л. Мартынова. Омск советского периода предсавлен в воспоминаниях кинорежиссера В. Катаняна, писательницы И. Прусаковой, почётного жителя нашего города Ю. Глебова и мн. других.

Ещё одно отличие книги «Время и город...» – язык включённых в него материалов. Тексты написаны в стилистике XVIII – первой половины XX вв. и отражают порой совершенно противоположные взгляды и мнения об Омске. Собранные материалы воспринимаются как увлекательное чтение с обилием интересных оценок, метких замечаний, ярких образных картин жизни города, ценных фактографических и статистических сведений.

Сборник даёт возможность жителям и гостям города лучше узнать его историю, понять и полюбить Омск. Тексты воспоминаний не перестанут быть интересными и после окончания юбилейных торжеств. Их познавательная и научная ценность сохранится в течение многих десятилетий. Издание послужит прекрасным подарком как в год 300-летнего юбилея Омска, так и в любой другой период его истории.

РЕДКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР

ЛЮДИ / СОБЫТИЯ / ФАКТЫ

НОВѢЙШЕ
ОСНОВАНІЕ
ПРАКТІКА
АРТІЛЕРІИ
ЕРНЕСТА БРАУНА
КАПИТАНА АРТІЛЕРІЙ ВО ГДАНСКѢ 1682 ГОДА.
TELAIN Libraires.

КНИГИ ЭПОХИ ПЕТРА I

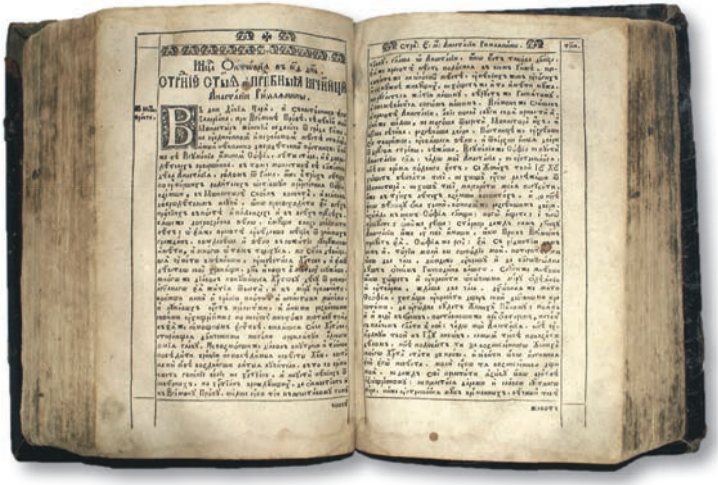
УНИКАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ РЕДКИХ КНИГ ОМСКОЙ ОБЛАСТНОЙ БИБЛИОТЕКИ

Лариса Пономарёва

В бурную эпоху преображения Московской Руси в Императорскую Россию рождается город Омск. Сегодня в омских музеях и библиотеках не так много осталось подлинных вещей того времени. Рассмотрим экземпляры книг кирилловской и гражданской печати петровского времени из фонда редких книг Омской государственной областной научной библиотеки.

Книга кирилловского шрифта петровской эпохи не похожа на старопечатные издания XVI-XVII веков, ансамблевый характер книг фёдоровской традиции исчезает (а с ним незримо исчезает «охранительный дух» Древней Руси, оберегающий «образом» книги святыню «богодухновенных текстов»). В православных книгах стали употреблять заставки и концовки из светских книг европейской традиции, ксилография сменяется гравюрами на меди, чаще употребляется одноцветная печать. После завершения церковной реформы по исправлению текстов, в эпоху патриарха Иоакима, Московский печатный Двор издания с исправленным текстом стал особо отмечать четырёхконечным крестиком наверху заставок. В омском экземпляре «Четий-Миней» 1693 года все заставки с таким крестиком. В книгах исчезают колофоны (послесловия как знак смиренномудрия печатника перед божественным текстом) и утверждается титульный лист, где первоначально торжественно возносят имя императора, а затем следует «богодухновенный текст». В эпоху

Жития Святых. Киев, 1689

Петра I были разработаны заставки с новой композицией: символика растительного орнамента заменяется отвлечёнными архитектурно-декоративными элементами в стиле фасадной скульптуры (происходит подмена животворного символа мёртвой эмблемой). При внешней праздничности «Четий-Миней» 1693 г., эта книга «другая» по отношению к «образу» старопечатных изданий. Православные люди остро чувствовали подмену, староверы дониконовские книги в дальнейшем хранили как святыню и при благоприятных условиях, в начале XX века, подарили России удивительные факсимильные издания книг фёдоровской традиции.

В Омской областной библиотеке сохранилось первое киевское издание «Жития Святых» Димитрия Ростовского 1689 г. Текст на страницах киевских изданий, в отличие от московских, обычно был обрамлён рамкой, линейной или полосами наборных украшений, или же гравированным бордюром сложного и красивого рисунка. В орнаментике украинских изданий встречаются совсем иные элементы: большое количество гравированных инициалов с изображениями птиц и людей, пейзажей, заставки с сюжетными композициями. В омском экземпляре три иконографические сюжетные заставки: Рождество Богородицы, Покрова Богородицы, Святые Косма и Дамиан. Димитрий Ростовский работал над составлением книги «Жития святых» в течение двадцати лет, его знаменитые «Четьи-Минеи» стали излюбленным чтением православных людей. Житие Святого хранит удивительную поэзию идеального преображения жизни. В личности святого просветляется не реальность временного, а идеальность вечного. Духовные подвиги Святых свидетельствуют о существовании «кромешных» (в смысле «предельных», «пограничных») рубежей мира. Кто становится сопричастным к этому духовному миру, в том возгорается особого рода спасительная молитва.

В начале XVIII века книгопечатание в России кардинально изменяется. Если ранее все силы печатников были направлены на создание книг для Русской Православной Церкви, то при Петре I государственные нужды диктуют книжный репертуар. В первую очередь необходимо было обеспечить новое поколение россиян книгами по математике, рудному делу, военным дисциплинам... Книги кириллической

печати с цифрами кирилловского шрифта не подходили для научных изданий Нового времени. Смерть патриарха Адриана (октябрь 1701 г.) дала Петру I возможность прекратить надзор патриархов над изданием книг и облегчила реформу книгопечатания в 1708 году. При разработке *новой гражданской азбуки* Пётр I исключил знаки ударений, сокращений, были введены *арабские цифры*. Эскизы букв азбуки делал сам Пётр. Работа по корректированию и установлению буквенного состава азбуки проводилась с 1708 до 1710 гг. Если в книгах кирилловского шрифта использовалась 41 буква, то в состав гражданского шрифта вошли лишь 32 буквы славянского алфавита. Принципиально изменилась графика букв гражданского шрифта: её построение осуществлялось по подобию европейского шрифта «антиква» на основе круга и квадрата; при этом не была забыта и традиция русской скорописи, которая использовалась в российских деловых документах на рубеже XVII-XVIII веков. Создание азбуки гражданского шрифта – крупнейшее достижение русской культуры начала XVIII века.

В Омске фонд книг гражданской печати начинает свой отсчёт с книги 1710 года. Воспроизведём дословно текст титульного листа омского экземпляра из фондов областной библиотеки: «Новейшее основание и практика артилерии Ернеста Брауна капитана артилерии во Гданске 1682 года. Напечатано славенски повелением Царскаго Величества в Москве Лета Господня 1710 го в иулии месяце». В начале XVIII века Пётр I поставил вопрос о создании унифицированной книги по артиллерии и сформулировал принципиальные требования к намеченному руководству, в основу которого были положены достижения отечественной и иностранной артиллерии. В условиях напряжённой политической обстановки 1708-1709 гг., когда судьба страны решалась на полях сражений Северной войны, работы по созданию отечественной артиллерийской книги были прерваны. Поэтому пришлось издавать книги по

Четьи-Минеи. М., 1693

артиллерии иностранных авторов. Сочинение Э. Брауна «Новейшее основание и практика артиллерии» было переведено Даниилом Протопоповым и Фёдором Борисовым. Книга Брауна состояла из предисловия, шести частей и оглавления. На гравированном фронтисписе омского экземпляра воспроизведён артиллерист, который огнём из двух мортир поражает турок. Ведущие мастера гравюры петровской эпохи Пикарт и Девит скопировали с немецкого экземпляра гравюры для издания 1710 года. В омском экземпляре сохранились 23 листа иллюстраций, замечательных по технике исполнения.

В Петербурге, основанном в 1703 году, уже в 1711 году начинают выходить в свет непривычные для российского читателя книги гражданского шрифта. В Омске находятся два довольно знаковых для своего времени экземпляра – книги Самуила Пуфендорфа (СПб., 1718) и Петра Шафирова (СПб., 1722). Эти книги имели свои особенности: одноцветная печать; отсутствие заставок; титульный лист с огромным количеством слов (в издании Шафирова 1722 г. титул состоит из 118 слов); заглавные листы составлялись из литер разных кеглей, различных гарнитур, расположение которых отвечало определенному замыслу типографа (особенно это занимательно в издании Пуфендорфа). Первоначально эти издания покупались лишь как «диковинка», не для чтения. В эпоху Петра I многие тиражи книг так и не были распроданы, интерес к книгам петровского времени появится значительно позже, их полный репертуар был восстановлен в фундаментальной библиографии лишь в 1955 году замечательными книговедами Т. А. Быковым и М. М. Гуревичем.

«Введение в историю европейскую» Самуила Пуфендорфа (немецкого юриста-международника, историка, философа) было переведено с латинского издания 1684 г. Гавриилом Бужинским и опубликовано в 1718 году. Омский экземпляр являет собой формат научного издания. Отличает эту книгу правильный, хорошо организованный набор текста, чёткое деление на параграфы и абзацы. Сочинение Пуфендорфа представляло собой первое в Новое время обстоятельное изложение истории европейских стран, где о России было сказано много нелицеприятного. В многотрудную эпоху реформ Пётр I хотел, чтобы книга вышла на русском языке без купюр. Книги Пуфендорфа на латыни, на немецком и русском языках имелись практически во всех крупных российских личных библиотеках в первой половине XVIII в. Более того, как показывает сохранившийся каталог библиотеки князя Д. М. Голицына, помимо официальных переводов, в России предпринимались самостоятельные переводы трудов немецкого мыслителя, которые хранились в рукописях.

«Рассуждение о причинах Свейской войны» («шведской»: швед. «Svitjod» — «народ свеев») было написано в 1716 году дипломатом, вице-канцлером Петром Павловичем Шафировым. Первая публикация

ДЕДИКАЦІЯ
или
ПРИНОШЕНІЕ.
ПЕТРЪ
ПЕТРОВІЧЪ

ВВЕДЕНІЕ,
ВЪ
ГІСТОРІЮ
ЕВРОПЕЙСКУЮ
ЧРЕЗЪ
САМУИЛА ПУФЕНДОРФІЯ.
ПЕТРА ПЕРВАГО.

Шафиров П. Рассуждение о причинах Свейской войны. СПб., 1722

Пуфендорф С. Введение в историю европейскую. СПб., 1718

сочинения состоялась в 1717 г., в Омске сохранился экземпляр третьего издания 1722 года. В «Рассуждении» была изложена история русско-шведских отношений за период с 1566 по 1714-й год. Это не только первое в России историческое исследование, это первое сочинение на международно-политическую тему. Шафиров аргументировано доказал, что Пётр I был вынужден предпринять военные действия; факты свидетельствовали о том, что виновником длительного кровопролития была Швеция. Третье издание вышло небывалым для России тиражом в 20 000 экземпляров, но книга не нашла своего читателя: сохранились документы о том, что в 1756 г. в типографии «мёртвым грузом» лежали 16 000 экземпляров. Сочинение Шафирова прежде всего было обращено к европейскому читателю, для которого разъяснялось, почему возник военный конфликт между Россией и Швецией, утверждался тот факт, что Россия не азиатское, а европейское государство. Любопытен лексический строй текста, он состоит из большого количества латинских слов, которые никогда не употреблялись до этого в русских печатных изданиях. На страницах книги встречаются такие слова, как «концепт», «партия», «потентаты» и т. д. Европейский читатель не знал русского языка, а в русском обществе не было такого количества людей, которые бы пожелали читать политические тексты, своего читателя данное издание нашло лишь спустя десятилетия, когда в русском обществе возникла необходимость осознания значения петровской эпохи в исторической судьбе России.

Создавая новую азбуку в 1708 г., Пётр I в первую очередь думал об издании русских военных и научных книг. В этом деле для него высшим образцом книгопечатания были книги европейских издательств, они определили «образ» русской книги гражданской печати. В Омской областной научной библиотеке находится экземпляр римского издания 1660 года «Метеорологический театр: Эфир. Воздух. Огонь. Земля. Подземный мир», автором которого был монах Франциск из монастыря Св. Августина Македонского. Наши Петербургские издания Пуфендорфа (1718) и Шафирова (1722) явно следуют за такими изданиями, как римская книга 1660 года: та же модель инициалов, деление научного текста на главы и параграфы.

В своё время Пётр I был очарован голландскими книгами. В Омской областной библиотеке хранится уникальный ил-

Метеорологический театр. Рим, 1660

люстрированный фолиант – «Исторический атлас», изданный в Амстердаме в 1719 году. Амстердамский «Исторический атлас» – это удивительное произведение книжного искусства, красоту его гравюр можно бесконечно созерцать. Однако голландская книга имеет ещё и огромное научное значение, в ней опубликована карта Азиатской России, а, следовательно, и нашего Омского региона, это уникальный подлинный источниковедческий документ начала XVIII века. Вот как выглядит полный текст титульного листа на русском языке: «Исторический атлас, или Новое введение в историю, хронологию, древнюю и современную географию, представленное в новых картах, где отмечено образование первых государств, самые древние империи мира, длительность их существования, их падение, их правители: хронология императоров, королей, принцев от начала мира до наших дней; генеалогические таблицы; история торговли восточных компаний и их открытий, отмеченных в картах вместе с торговыми путями; выдающиеся представители каждой нации; всё сопровождается эстампами, рисунками, гравюрами по оригиналам, выполненными самыми искусными мастерами, дающими представление о том, что есть самого примечательного в религии, обычаях, обрядах и одежде народов азиатских стран». «Исторический Атлас» был выпущен знаменитым Издательским домом Шателен. Омский экземпляр представляет собой конволют из двух томов – пятого и шестого. Издательский дом Шателен – семья французских картографов, работавших в Голландии. Самый известный труд этого издательского дома – Атлас в семи томах, изданный между 1705 и 1720 годами. Атлас был основан на картографических материалах Гийома Делиля, а также других известных картографов.

Омск хранит единичные книжные памятники эпохи Петра I. Сводные каталоги свидетельствуют о том, что в петровскую эпоху было издано около 650 наименований книг, из них 400 были напечатаны вновь введённым гражданским шрифтом. В то время, когда «рождался» Омск, меньше всего в России было издано произведений художественной литературы, хотя возник особый интерес к античности (несколько раз издавались «История о разорении града Трои», «Метаморфозы Овидия» и др.), к теории устройства государства (Г. Гроций, И. Липсий, И. Слейден, М. Орбини и др.), к светской сатире (Пётр I любил Эзопа, поэтому при его жизни вышло в свет несколько изданий античного баснописца). Самыми популярными книгами петровской эпохи были «Табель о рангах», «Военный устав с процессами», «Ерусалимская история», книги Пуфендорфа "О должности человека-гражданина", «История об Александре Великом» Квинта Курция.

Главное место в книжном репертуаре первой четверти XVIII века занимали официальные издания – уставы, регламенты, указы, а также всякого рода учебная литература, главным образом, по военному делу. Первой печатной книгой гражданского шрифта стала «Геометрия» (М., 1708). Книга петровского времени направлена на обучение, поучение, но не для размышления, не для наслаждения. Этим и объясняется внешний и внутренний облик изданий. Она «суховата». Внутренний мир книги монотонен, как монотонен поток информации. Среди книг много изданий малого формата; в этом сказывалась любовь Петра I к тому, чтобы носить книгу в кармане (таким форматом издан Шафиров 1722 г.).

Исторический атлас. Амстердам 1719

В 1711 г. начала функционировать Петербургская типография, в 1720 появилась типография при Александро-Невском монастыре, в 1721 г. – Сенатская, в 1722 г. была устроена типография при Морской Академии. Пётр I усиленно развивал книжное дело в Петербурге, но не разрешил открытия типографии в Сибири Филофею Лещинскому, обращавшемуся к нему в 1705 году с челобитной[1].

Пётр сделал резкий разворот к европейской науке. Научные библиотеки Брюса и Татищева – это новое явление в жизни России, каталоги этих книжных собраний сегодня изданы. Пётр I сам выбирал европейские книги и следил за их переводом (переводчиками, как правило, были обрусевшие немцы и поляки). При переводе ориентировались на простую разговорную речь, а не на литературный высокий книжный слог. Главным языком научных европейских изданий был латинский. Его изучали в Московской и Киевской духовных семинариях. Гавриил Бужинский, не зная немецкого языка, перевёл «Введение в историю европейских государств» немецкого писателя Пуфендорфа с латинского перевода Крамера. Все эти бесконечные подробности о книжной культуре петровской эпохи вспоминаются, когда открываешь омские экземпляры книг того времени, и сквозь «знаки» подлинных вещей высвечивается живой дух грандиозной жизни, к которой были сопричастны те люди, которым было суждено возводить первую Омскую крепость в 1716 году. Книги Брауна (1710), Пуфендорфа (1718) и Шафирова (1722) – вечные свидетели зачина русской цивилизации на земле Омского Прииртышья, древняя история которой наполнена «дыханием» Азии, миром великих кочевых народов бесписьменной культуры.

Фрагмент страницы Исторического атласа

[1] Г. Бахтиаров А. А. История книги на Руси. - СПб.: Тип. А. Траншель, 1890. - С.99.

ПРОЕКТ PLUS

Публичный краеведческий
ЛЕКТОРИЙ

УЗНАТЬ БОЛЬШЕ О РОДНОМ КРАЕ

Публичный лекторий как форма распространения знаний имеет давнюю историю. Лекции общества «Знание», «Ленинского университета миллионов», разнообразные формы общественно-политического и культурного просвещения практиковались ещё в Советском Союзе. Естественно, что современная публичная библиотека как информационный центр в новом общественном пространстве не может и не должна оставаться в стороне от организации интеллектуального досуга граждан, позволяющего распространять научные знания, привлекать людей к чтению. Самая актуальная тема для Омска сегодня – это его трёхвековая история.

В 2016 году Омская государственная областная научная библиотека имени А. С. Пушкина проводит цикл просветительских мероприятий «Время и город», посвящённый 300-летию города Омска. Важной его составляющей стал публичный краеведческий лекторий «Омск-300», из которого омичи и гости города могут узнать о прошлом и настоящем, истории и современности города Омска и Омского Прииртышья.

Лекции рассчитаны на широкую аудиторию слушателей, интересующихся родным городом во всех его проявлениях. Что привлекает людей к этим лекциям? Во-первых, они могут встретиться с уникальными людьми, профессионалами своего дела, глубоко знающими природу, историю, культуру нашего края. Во-вторых, удовлетворить своё любопытство по отношению к месту, на котором мы живём; расширить свой кругозор, узнать о новых достижениях в науке, культурной жизни.

Важная особенность наших регулярных встреч в библиотеке (а с 17 февраля их состоялось уже восемь) – это личность лектора. Установленный первоначально

регламент в два академических часа приглашённым лекторам выдержать было трудно. Это свидетельствует о том, что все выступающие – увлечённые люди, готовые занимательно рассказывать о своей теме часами и тем самым заинтересовать ею слушателей.

Наш лекторий работает уже полгода и будет продолжаться и далее. За это время слушатели узнали об «Омском Прииртышье на картах, планах и чертежах XVIII-XX веков». Первую лекцию омские историки-краеведы Алексей Петрович Сорокин и Александр Матвеевич Лосунов прочитали дважды – 17 и 21 февраля. Данная тема интересна, ведь старинные карты и чертежи раскрывают всем омичам неизвестные страницы истории края, облика города, погружают нас в тайны строительства Омской крепости.

Вторая лекция состоялась в годовщину интересного события – рождения на омском телевидении (в феврале 1977 года) новой передачи, которая первоначально называлась «Книжная палата». Её автором и ведущим был доцент Омского педагогического института Вадим Михайлович Физиков. Шли годы, а «Мир книги», как позже стала называться эта передача, почти ежемесячно выходил в эфир. На лекции В. М. Физиков, основываясь на сценариях четвертьвековой давности, погрузил слушателей в мир книжных собраний омичей-библиофилов 60-80-х годов XX века.

Собирательство книги как явление современного социума, заботы и дела

И. Л. Коновалов

А. А. Бондарев

общества книголюбов — всё это находило отражение и в передаче «Мир книги», и в выступлении Вадима Михайловича.

Третья лекция была посвящена культуре городов Западной Сибири. Прочитал её Дмитрий Андреевич Алисов – руководитель отдела Сибирского филиала Института Наследия, профессор ОмГУ имени Ф. М. Достоевского, доктор исторических наук. Историографический анализ показал, что история формирования и развития культуры городов Сибири второй половины XIX - начала XX веков, периода становления современной цивилизации, изучена весьма слабо. Лектор – автор нескольких научных монографий на эту тему – глубоко изучил вопросы формирования городской культуры Сибири этого периода. В своей лекции он убедительно показал, что Омск занимал достойное место в ряду других городов Западной Сибири (Тобольска, Томска, Барнаула).

Не только последние триста лет Омской истории интересует наших слушателей. Какой была территория Омского Прииртышья до освоения её человеком и в самые первые этапы этого освоения? Что происходило с животным и растительным миром, с земной твердью, а иногда и морской гладью Западной Сибири за миллиарды лет истории Земли? Об этом поведал Алексей Анатольевич Бондарев, палеонтолог, член Русского Географического общества, в четвёртой лекции лектория «Омское Прииртышье от палеозойских морей до голоценовых степей».

Следующую лекцию прочитал Сергей Александрович Соловьёв – доктор

С. А. Соловьёв

биологических наук, профессор Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского, она была посвящена теме «Птицы Омского Прииртышья: прошлое и настоящее». Сергей Александрович с 1989 года занимается подготовкой биологов и экологов. Всё это время он руководит поисковой и научно-исследовательской деятельностью студентов и школьников по изучению экологии Северной Евразии. На основании результатов многолетних исследований Соловьёвым было изучено распределение птиц основных ландшафтов южной лесостепи Прииртышья – от практически ненарушенных лугово-болотных до полностью преобразованных в процессе урбанизации местообитаний, определены виды, лидирующие по обилию и биомассе, а также тенденции территориальных изменений орнитокомплексов. Этими знаниями Сергей Александрович поделился со своими слушателями.

В честь дня Победы в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг. в мае состоялась лекция Дмитрия Андреевича Алисова «Омские воинские соединения и омичи в годы Великой Отечественной войны». На шестой лекции речь шла об эвакуации в Омск промышленных предприятий, размещении их на омской земле, налаживании оборонного производства, а также о культурной жизни во время войны. Особое внимание Дмитрий Андреевич уделил малоизвестным фактам участия омичей в войне в составе кавалерийских дивизий, сформированных в Сибири.

Седьмой стала лекция заместителя председателя Омского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, строителя-реставратора Игоря Леонидовича Коновалова – «Развитие омской архитектуры XVIII - начала XX веков: от барокко до модерна». Лектор рассказал об основных этапах в развитии омской архитектуры от основания Омской крепости до начала XX века, об основных архитектурных стилях, их ключевых особенностях. Кроме того, речь шла о памятниках архитектуры города Омска, сохранившихся и уже исчезнувших, их основных архитектурных особенностях и причинах, по которым их надо сохранять.

В июне состоялась восьмая лекция публичного краеведческого лектория «Антон Сорокин – гений Сибири». Она отличалась от предыдущих своей неакадемичностью, поскольку была посвящена жизни и творчеству мастера эпатажа, «короля писателей» Антона Сорокина, популярного персонажа культурной жизни Омска начала прошлого века. Её прочитали сразу три лектора: директор литературного музея имени Ф. М. Достоевского Виктор Вайнерман, представивший рукописи Сорокина, краевед Алексей Сорокин и бизнесмен Виктор Титарёв, увлечённый возвращением творчества писателя А. Сорокина современному читателю.

Затем прямо на крыльце библиотеки прошёл уличный перфоманс «Война. Мир» по антивоенным произведениям Бертольда Брехта («Мамаша Кураж») и

Д. А. Алисов

Антона Сорокина («Хохот жёлтого дьявола»). Творчество этих авторов объединяет идея разоблачения античеловеческой сущности войны. Её воплотили в действе актёры молодёжного театра «Кислород». После чего на «Даче Онегина» прошла читка новой пьесы «Сорокин» драматурга Серафимы Орловой о судьбе творческого наследия омского писателя и отношении к нему читателей.

После небольшого летнего перерыва лекторий вновь продолжит свою работу. Интерес слушателей подтверждается постоянным присутствием людей разных профессий и возрастов. Видеозаписи всех лекций будут размещены на сайте библиотеки и в наших тематических группах в социальных сетях. Приглашаем всех тех, кто интересуется историей и современной жизнью Омска, на наши встречи!

Материал подготовлен
Ю. А. Синниковой, В. С. Кудряшовой

Наш адрес в социальных сетях: http://vk.com/lectoryomsk300

Участники первой лекции лектория «Омск-300»

О БИБЛИОНОЧИ РАССКАЗАЛИ НАРОДНЫЕ РЕПОРТЁРЫ

Одной из составляющих Библионочи в Омской государственной областной научной библиотеке имени А. С. Пушкина стал конкурс онлайн-репортажей «Народный репортёр». Впервые он был организован в 2015 году, а в 2016 году успешно прошёл во второй раз.

Библиотека предложила гостям социально-культурной акции выкладывать на своих страницах в социальных сетях сообщения о любых мероприятиях Библионочи. Все материалы, опубликованные с определённым хэштегом, рассматривались конкурсной комиссией и оценивались в разных номинациях, поэтому участники могли представлять как отдельные фотографии, так и фото-, видеорепортажи, тексты в различных жанрах.

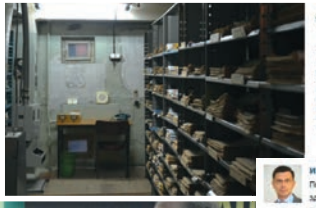
В конкурсную комиссию вошли известные омские блогеры, профессиональные филологи, PR-специалисты, журналисты. Возглавил жюри директор библиотеки Александр Ремизов. Однако победителя в главной номинации – «Народный кумир» – определяли не члены жюри, а пользователи соцсетей: им становился тот, чьё сообщение за двое суток набирало больше всего «лайков».

Идея проведения конкурса появилась, когда страницы Пушкинской библиотеки в социальных сетях стали набирать всё большую популярность. Мы обратили внимание, как пользователи активно отмечают и комментируют сообщения, публикуемые на страницах нашей группы, делают «перепосты», тем самым распространяя информацию о библиотечных мероприятиях. Тогда и возникла мысль: почему бы не стимулировать активность наших подписчиков, предложив участвовать в конкурсе? Они ведь делятся впечатлениями в соцсетях, и если все их сообщения будут объединены единым хэштегом, мы сможем увидеть, что именно заинтересовало наших гостей больше всего, как они оценивают мероприятия акции. А самое главное – участники конкурса будут чувствовать себя не просто гостями Библионочи, а репортёрами, выполняющими общественно значимое дело. Они будут вовлечены в библиотечную жизнь как её непосредственные участники, значит, у библиотеки появятся новые друзья.

Наши предположения оправдались: сотни омичей размещали свои публикации с конкурсными хэштегами, многие из них подошли к участию в конкурсе креативно. Вот примеры «постов» победителя в одной из номинаций 2015 года Елены Щетининой: «Поклонение литературе –

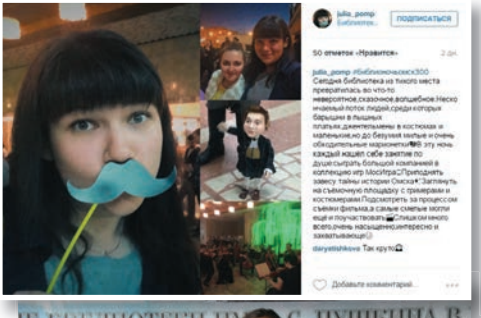

ОМСК300
ОМСК 30
ЧИТАЙ КИНОСЬ

ОМСК300
ДИПЛОМ

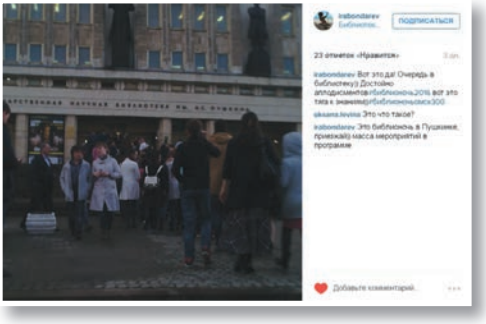

одна из самых мирных религий. Ведь её рай – в чтении». «По следам Библионочи: её так много, а меня так мало...». «Библионочь – это та ночь, из которой рождается день. Из дня – месяц, из месяца – год. Год Литературы». Елена, кстати, в 2016 году не только освещала события Библионочи, она была лектором на одной из интерактивных площадок.

Что звание «Народного кумира» завоюет автор фотографий, а не текстов, мы предполагали: фото – самый распространённый в социальных сетях жанр. Приятной неожиданностью стало то, что наибольшим вниманием пользовались не те фотографии, где изображён «экшн», а те, которые посвящены книжному фонду библиотеки. В 2015 году больше всего «лайков» собрала фотография книги Киплинга, изданная в Лейпциге в 1898 году и экспонировавшаяся в Музее книги; в 2016 году – фото из хранилища библиотеки, куда гости могли попасть на экскурсию именно во время Библионочи. Интересно, что автором обеих завоевавших самую большую популярность снимков оказался один человек – Василий Емашов. Значит, именно он почувствовал, что пользователей заинтересуют, прежде всего, уникальные библиотечные ресурсы. А если человеку стало интересно, что изображено на необычных снимках, он, возможно, придёт в библиотеку. Надеемся, в следующем году Василий войдёт в жюри нашего конкурса.

Интересно, что в 2016 году в конкурсе принял участие депутат Омского горсовета Игорь Антропенко. Его фотографии, запечатлевшие, в основном, редкие издания, представленные в Музее книги, вошли в финал конкурса, а автор отмечен Почётной грамотой финалиста. Внимание известных омичей к этому конкурсу, а, значит, и к книге, тоже пропагандирует чтение.

Провести конкурс не удалось бы без нашего главного партнёра – Омского филиала ОАО «Вымпелком» («Билайн»), предоставившего призы для победителей во всех номинациях. В этом году «Билайн» приурочил к Библионочи и своё творческое состязание – конкурс видеороликов семейного чтения «Вместе – мы сила!». Победителя назвали в ходе церемонии награждения народных репортёров Библионочи.

Информационную поддержку конкурсу оказал молодёжный онлайн-журнал «Класс». Кроме того, в этом издании были опубликованы работы победителей, что тоже стало для них наградой.

Имея таких партнёров, мы уверены, что конкурс «Народный репортёр Библионочи» станет традиционным, и мы ещё порадуемся креативности друзей библиотеки, которые своими творческими работами популяризируют книгу и чтение.

Елена Петрова

Победители и организаторы конкурса

ПРОЕКТ «СОЗВУЧИЕ НОТ И СЛОВ»

Музыка и поэзия... Они всегда соседствуют друг с другом, их голоса, сливаясь воедино, рождают удивительные по красоте и наполненности образы, пробуждают светлые чувства. Женская поэзия обладает особыми красками, она столь пронзительно лирична, что, вдохновившись, композиторы создают удивительные по красоте романсы и песни – образцы созвучий нот и слов.

«**Созвучие нот и слов**»... Именно такое название получил творческий проект, результат совместной работы **омского композитора Льва Фёдорова и омских поэтесс**.

Первыми соавторами композитора Льва Викторовича Фёдорова стали члены Союза писателей России: Марина Безденежных, Валентина Ерофеева-Тверская, Татьяна Четверикова, Светлана Курач, Ирина Романча, Альбина Соляник. Позднее были написаны песни на стихи Елены Кузнецовой, Наталии Моровой, Егора Котова, Виктора Шаханина.

Дата рождения проекта – февраль 1999 года, именно тогда в стенах Института повышения квалификации работников образования состоялась встреча композитора Льва Фёдорова и поэтессы Марины Безденежных. Именно на её стихи была написана первая песня «Тюльпаны». Строчкой из этого стихотворения был назван весь проект «Созвучие нот и слов».

Особое поэтическое восприятие мира, выражение тонких лирических настроений соединило стихотворения и музыку Льва Фёдорова, создав совершенно новую, созвучную музыкально-поэтическую форму. Часто поэтессы признавались в том, что, получив музыкальное воплощение, их поэтические творения восприни-

Композитор Л. Фёдоров

На презентации пректа в Москве

мались по-другому, открывались новыми гранями. Наполненные красками, звуками, интуитивными пророчествами, стихи и музыка создали целый мир трепетных переживаний, раскрыли самые сокровенные стороны женской души.

В декабре 1999 года в журнале «Мир увлечений» под рубрикой «Созвучие нот и слов» были впервые опубликованы ноты нескольких песен Льва Фёдорова. От произведения к произведению выстраивалась целостная музыкально-поэтическая программа, и 29 февраля 2000 года в актовом зале Пушкинской библиотеки состоялся первый концерт из песен и романсов. Омские поэтессы, присутствующие на вечере, читали свои стихи, а в исполнении солистки Аллы Пушной звучали песни, девять из которых – в музыкальном сопровождении композитора Льва Фёдорова, три – в аранжировке Юрия Кузнецова. Так начиналось многолетнее содружество создателей творческого проекта с сотрудниками и читателями библиотеки.

Год от года совместное творчество композитора с омскими поэтессами расширялось, на поэтическом горизонте появлялись новые имена, рождались новые песни. В феврале 2004 г. на Омском радио был записан первый компакт-диск «**Бабье лето**», первые песни которого записывались специально для радиопередачи Ларисы Егоровой «Моя родная сторона». Звукорежиссёром этих записей был Евгений Шабанов.

В апреле 2008 г. состоялся концерт в Органном зале Омской филармонии. Зрители тепло и сердечно встречали участников проекта. В ноябре 2011 г. Министерство культуры Омской области одобрило выпуск нотного сборника «Живая женская душа». В него вошли 33 произведения, а также диск с их студийными записями. Кроме того, в диск вошли 12 фонограмм для домашнего музицирования. Презентация сборника песен с диском состоялась в Органном зале филармонии, а затем в Москве, в Союзе писателей России. Выступление омских авторов и исполнителей произвело большое впечатление на слушателей и получило множество положительных отзывов в прессе и на радио.

В 2012 года композитору Льву Фёдорову за высокие творческие достижения была присуждена Губернаторская премия имени народного артиста СССР В. Я. Шебалина и вручена медаль Ассоциации писателей Урала «За служение литературе».

Концерт в Пушкинской библиотеке

В 2014 году вышел в свет музыкально-поэтический альбом «**Город мой прекрасный и былинный**». В настоящее время в фондах Омской государственной областной научной библиотеки имени А. С. Пушкина хранятся все нотные сборники и диски со стихами, песнями, романсами, изданными в рамках творческого проекта. На одном из дисков – запись первого концерта, состоявшегося в «Пушкинке» 29 февраля 2000 года.

Весной 2016 года, в канун празднования 300-летия Омска, в актовом зале нашей библиотеки вновь состоялся концерт **«Мой Омск! Тебе играл рояль, поэзия звучала...»** с участием композитора Л. В. Фёдорова, омских поэтесс и солистов. Слушатели, собравшиеся в этот вечер, смогли совершить своеобразное музыкальное путешествие по нашему городу. Названия произведений говорят сами за себя: **«Город родной»** (стихи Л. Евдокимовой), **«Солнечный город»** (стихи В. Ерофеевой-Тверской), **«Либеров центр»** (стихи С. Курач), **«Литературный музей имени Ф. М. Достоевского»** (стихи Е. Кузнецовой), **«Музей воинской славы»** (стихи Е. Кузнецовой), **Триптих «Цветы». Посвящение музею имени М. А. Врубеля** (стихи С. Курач), **«Молитва». Посвящается возрождению Успенского Кафедрального собора** (стихи В. Ерофеевой-Тверской), **«Ачаир»** (стихи Е. Кузнецовой) и др.

Этот концерт вошёл в программу Библионочи, прошедшей в Пушкинской библиотеке в апреле 2016 года. Участники концерта – омские поэтессы Валентина Ерофеева-Тверская, Татьяна Четверикова, Марина Безденежных, Светлана Курач, Елена Кузнецова, солистки Анна Ракитина, Екатерина Новикова, Марина Матвеева, Анна Винокурова, Александра Косолапова, Екатерина Михайлюк. В конце вечера композитор Лев Фёдоров передал в дар Пушкинской библиотеке подарочный экземпляр музыкально-поэтического альбома **«Город мой прекрасный и былинный»**, изданного Институтом современных образовательных технологий и измерений (ИСОТИ).

Много добрых слов прозвучало в адрес создателей проекта. Хочется пожелать этим талантливым людям творческого вдохновения, новых художественных свершений и выразить надежду на дальнейшее сотрудничество!

Ирина Гладкова

Концерт - презентация в Органном зале

АВТОРЫ АЛЬМАНАХА

Антропенко Игорь Александрович – депутат Омского городского Совета, директор по стратегическому развитию ООО «Основа Холдинг»

Березина Лариса Игоревна – омская поэтесса, лауреат Всероссийского литературного конкурса МВД «Доброе слово»

Бурмистрова Татьяна Фёдоровна – библиотекарь I категории ОГОНБ имени А. С. Пушкина, Заслуженный работник культуры РФ

Гладкова Ирина Борисовна – заведующая редакционно-издательским отделом ОГОНБ имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук

Гоношилов Виктор Васильевич – омский журналист, член Русского Географического общества

Далматова Алла Михайловна – преподаватель колледжа при Омском государственном медицинском университете, Отличник здравоохранения

Елизарова Наталья Владимировна – главный редактор редакционно-издательского центра БОУ ДПО «ИРООО», член Союза российских писателей, кандидат исторических наук, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств

Каткова Елена Ивановна – главный библиограф информационно-библиографического отдела ОГОНБ имени А. С. Пушкина

Кудряшова Валерия Сергеевна – специалист Центра краеведческой информации ОГОНБ имени А. С. Пушкина

Леонович Ольга Петровна – заведующая информационно-библиографическим отделом ОГОНБ имени А. С. Пушкина, Заслуженный работник культуры РФ

Лосунов Александр Матвеевич – омский историк-краевед, преподаватель Сибирского Казачьего юридического колледжа

Маликова Алина Николаевна – специалист Центра краеведческой информации ОГОНБ имени А. С. Пушкина

Мамиков Валерий Николаевич – журналист, автор журнала «Костёр» (г. Санкт-Петербург)

Мачульская Елена Валентиновна – омский журналист

Мирошникова Ольга Васильевна – профессор ОмГПУ, доктор филологических наук

Наумов Сергей Сергеевич – аспирант кафедры современной отечественной истории и историографии ОмГУ имени Ф. М. Достоевского

Новиков Сергей Валентинович – профессор ОмГПУ, доктор исторических наук

АВТОРЫ АЛЬМАНАХА

Панасенков Владимир Николаевич – омский журналист-краевед

Петрова Елена Игоревна – заведующая отделом по связям с общественностью ОГОНБ имени А. С. Пушкина

Поварцов Сергей Николаевич – литературовед, кандидат филологических наук, член Союза писателей России, член Союза театральных деятелей России, член Союза журналистов России

Пономарёва Лариса Григорьевна – заведующая Центром книжных памятников ОГОНБ имени А. С. Пушкина, кандидат филологических наук

Ремизов Александр Викторович – директор ОГОНБ имени А. С. Пушкина, кандидат исторических наук, Заслуженный деятель культуры Омской области

Синникова Юлия Александровна – историк, юрист, организатор лектория «Омск – 300»

Сорокин Алексей Петрович – заместитель директора, заведующий Центром краеведческой информации ОГОНБ имени А. С. Пушкина

Тайманова Ирина Евгеньевна – с 1991 по 1996 гг. главный редактор муз. редакции Санкт-Петербургского телевидения. Заслуженный деятель искусств России (г. Санкт-Петербург)

Тихонов Александр Александрович – заведующий научно-краеведческим центром имени А. А. Жирова Тарской центральной районной библиотеки

Физиков Вадим Михайлович – литературовед, кандидат филологических наук, Заслуженный работник Высшей школы России

Хомяков Валерий Иванович – профессор ОмГУ имени Ф. М. Достоевского, доктор филологических наук, член Союза писателей России

Штерн Миньона Савельевна – доктор филологических наук, профессор (Израиль, Иерусалим)

Штырбул Анатолий Алексеевич – профессор ОмГПУ, доктор исторических наук

Царёва Раиса Николаевна – директор ОГОНБ имени А. С. Пушкина в период с 1973 по 2012 гг., Заслуженный работник культуры РФ

Эйзен Татьяна Владимировна – методист краеведческого историко-художественного музея Марьяновского района

Якубович Наталья Анатольевна – омская поэтесса

2017 – год 110 -летия Пушкинской библиотеки

-- Открытіе читальни. Въ воскрес
21 го января въ 12 ч. дня будетъ
бенъ въ Пушкинской библіотекѣ (въ
городской Управы) по случаю открытія
тальнаго зала. О времени открытія с
библіотеки будетъ объявлено особо.

Читальный залъ

при городской Пушкинской библіотекѣ (домъ городского управленія, на Думской улицѣ) открытъ ежедневно съ 10 ч. утра до 1 ч дня и съ 4 ч. до 8 ч. веч.; въ воскресные и праздничные дни залъ открывается въ 11 ч. утра.

Входъ безплатный

ЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. А.С. ПУШ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕК

вгений
етросян

ВЫСТАВОЧНЫЙ ПАВИЛЬОН

ОМСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОБЛАСТНАЯ НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИМЕНИ А. С. ПУШКИНА